

821.135.1(478)
L37

Biblioteca Municipală
B.P. HASDEU

calea ta spre cunoaștere!

Scriitori basarabeni
despre lectură, carte, bibliotecă:
o antologie

LECTOR IN LIBRIS

Писатели Бессарабии
о чтении, книге, библиотеке:
антология

CHIȘINĂU 2015

Biblioteca Municipală B.P. HASDEU

calea ta spre cunoaștere!

Filiala „Onisifor Ghibu”

Lector în Libris

**Scriitori basarabeni despre
lectură, carte, bibliotecă: o antologie**

**Писатели Бессарабии
о чтении, книге, библиотеке: антология**

Selecție și traducere în limba rusă de Ivan PILCHIN
Составитель и переводчик – Иван ПИЛКИН

CHIȘINĂU, 2015

821.135.1(478)-82=135.1=161.1
028(0:88)=135.1=161.1

Ediție îngrijită: dr. Mariana Harjevschi

Coordonator: dr. Lidia Kulikovski

Lector: Ivan Sveatcenko

Tehnoredactare: Valeriu Rusnac

Această lucrare a fost realizată în Laboratorul de Cercetări literare și biobibliografie „Onisifor Ghibu” al Filialei „Onisifor Ghibu”.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Lector in Libris: Scriitori basarabeni despre lectură, carte, bibliotecă: o antologie = Писатели Бессарабии о чтении, книге, библиотеке: антология / Bibl. Municipală “B. P. Hasdeu”, Filiala “Onisifor Ghibu”; sel. și trad. în lb. rusă de Ivan Pilchin; coord.: Lidia Kulikovski; ed. îngrijită: Mariana Harjevschi. – Chișinău: S. n., 2015 (Tipogr. “Foxtrot”). – 296 p.

Tit., text paral.: lb. rom., rusă. – 100 ex.

ISBN 978-9975-120-88-3.

821.135.1(478)-82=135.1=161.1

L 37

SUMAR

Ivan PILCHIN

Argument.....	14
---------------	----

Aureliu BUSUIOC

Unui scriitor voluminos.....	18
Unui scriitor pentru copii.....	18
<i>Epitafuri pe mormântul...</i>	
...unui poet.....	18
...unui prozator.....	18
...unei cărți reeditate.....	20
...pe mormântul meu.....	20
Unui coleg bine cumpărat la un târg de cărți.....	20
Recenzie.....	20
Evoluție.....	20
Familie.....	22
Pe o carte cu autograf.....	22
La un roman sentimental.....	22
La un roman.....	22
Unui traducător.....	22

Mihai CIMPOI

Liber Mundi.....	24
Biblioteca lui Cantemir.....	26
Eminescu și lumea cărților.....	30
În spațiul bibliotecii. „ <i>Ontos</i> concentrat în <i>libros...</i> ”.....	42

Vasile ROMANCIUC

Bibliotecile.....	46
Pâinea noastră cea de toate filele.....	48

Început	50
Borges.....	50
Biblioteca noaptea	50
Iulian FILIP	
Lecturi foarte fugare (studiu fotografic).....	52
Nicolae DABIJA	
Și cărțile au suflet	54
O revistă ca o bibliotecă.....	56
Eugen CIOCLEA	
Metamorfoză.....	58
Leo BUTNARU	
Mă încumet	62
Odă Marelui Cititor	62
Autori, cerneluri	64
Semne de carte.....	66
Expertiză.....	66
Cu un număr-două mai mare	68
Cartea unică	68
Cartea.....	68
Eugen LUNGU	
Spune-mi ce citești ca să-ți spun ce scrii	72
Plăcută zăbavă	80
Cartea ca eros	82
Arcadie SUCEVEANU	
Poveștile nerentabile.....	92
Întâmplări în bibliotecă.....	94
Parisul, un mit niciodată pierdut: jurnal	96
Alexe RĂU	
Borges bibliosoful.....	98
Primul bibliotecar din lume	106
Cum arată un curs special de bibliosofie	108

Mircea V. CIOBANU

Câmpul de lectură. Marginalii la o teorie (încă) nescrisă.....	120
Glose pentru poetica cititului.....	122
Cartea (p-book): instrucțiuni de utilizare	132
Biblioteca incompletă.....	140

Teo CHIRIAC

Nesomnul cuvintelor (IV, V).....	144
Apocalipsa de la orele mici	146

Vasile GÂRNETȚ

summer în Bessarabia.....	152
stampă III.....	152
Jurnal la <i>Contrafort</i>	154
Laudă cărții, laudă lecturii.....	158

Grigore CHIPER

roman-simulacru.....	162
déjà-vu	162
ciotul.....	162
litere mari.....	164
lectură	164
Biblioteca.....	166

Maria ȘLEAHTIȚCHI

citesc în pat romanul lui crăciun.....	168
pastorală (II)	170
citindu-l pe eliade	170

Nicolae SPĂTARU

to be or not to be.....	172
-------------------------	-----

Vitalie CIOBANU

Ce este cultura pentru mine?	178
Drumul cenușii și drumul Damascului pentru Augustin Buzura.....	178
<i>Ce...</i> dar mai ales <i>cum</i> că citești.....	180

Emilian GALAICU-PĂUN

Poezia de după poezie	186
Cărți de promovat adolescența	188
Cărți de făcut scriitori	192
fost-am șoarece de bibliotecă odată	196
Țesut viu. 10x10 (<i>fragment</i>)	198

Gheorghe ERIZANU

Cartea pentru copii	200
Vama cărților	200
Manualul de fizică	202
Lecturi italiene	202
Biblioteca lui Tim	206
Copacii tăiați	206
Garajul citește	208
Copiii citesc	208
Proust	210
Cartea de autor și cartea inutilă	212
Joyce a ucis cititorul	214

Dumitru CRUDU

Jurnalul bibliotecarului	216
--------------------------------	-----

Vasile ERNU

Manifestul cărții	228
-------------------------	-----

Mihail VAKULOVSKI

Bibliotecă (istorie) (<i>fragmente</i>)	242
---	-----

Alexandru VAKULOVSKI

citesc & beau cafea	250
citesc ars poet	250
citesc & mă salinger	252
citesc & mă camuflez	254
citesc printre rânduri	254
loc de citit	254
NU NU MAI	256

Maria PILCHIN

uitarea	258
geoGrafică.....	260
matrimonială.....	260
iubirea ce ne protejează	260
happy end. <i>citind din dimitru crudu</i>	262
gogol în google	264
și poezia trece prin stomac	264
poem cu edgar pentru mihi	266

Alexandru COSMESCU

Cărți-fereastră și cărți-oglină	268
Influențe	268
Kindle	270
Moduri ale lecturii	270
Lectura de dragul celuiilalt	272

Hose PABLO

journal.....	274
Citesc tot gunoiul pe facebook în timp ce mă prefac că lucrez	274

Vitalie RĂILEANU

În loc de postfață [<i>Despre traducere</i>]	276
--	-----

AUTORI ȘI SURSE 278

СОДЕРЖАНИЕ

Иван ПИЛКИН

Предисловие.....	15
------------------	----

Аурелиу БУСУЙОК

Большому писателю	19
Детскому писателю.....	19
<i>Эпитафии на могиле</i>	19
...поэта	19
...прозаика	19
...часто переиздаваемой книги	21
...на моей могиле	21
Коллеге, раскупаемому на книжной ярмарке.....	21
Рецензия.....	21
Эволюция.....	21
Семейка.....	23
На книгу с автографом	23
На сентиментальный роман.....	23
На некий роман	23
Переводчику.....	23

Михай ЧИМПОЙ

Liber Mundi.....	25
Библиотека Кантемира.....	27
Эминеску и мир книг	31
В стенах библиотеки. „ <i>Онто</i> , собранный в <i>libros</i> ...”.....	43

Василе РОМАНЧУК

Библиотеки	47
Хлеб наш книжный	49

Начало.....	51
Борхес.....	51
Библиотека ночью.....	51
Юлиан ФИЛИП	
Мимолетные страницы (фото-исследование).....	53
Николае ДАБИЖА	
У книг есть тоже души.....	55
Журнал как библиотека.....	57
Еуджен ЧОКЛЯ	
Превращение.....	59
Лео БУТНАРУ	
Осмелюсь.....	63
Ода великому Читателю.....	63
Авторы, чернила.....	65
Книжные закладки.....	67
Экспертиза.....	67
На один-два размера больше.....	69
Уникальная книга.....	69
Книга.....	69
Еуджен ЛУНГУ	
Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, что ты пишешь.....	73
Приятная забава.....	81
Книга как эрос.....	83
Аркадие СУЧЕВЯНУ	
Нерентабельные истории.....	93
Происшествие в библиотеке.....	95
Париж – вечный миф, который никогда не терялся: дневник.....	97
Алексе РЭУ	
Борхес-библиософ.....	99
Первый в мире библиотекарь.....	107
Как выглядит спецкурс по библиософии?.....	109

Мирча В. ЧОБАНУ

Поле чтения. Заметки на полях (еще) ненаписанной теории.....	121
Глоссы к поэтике чтения.....	123
Книга (р-book): инструкция по эксплуатации.....	133
Неполная библиотека.....	141

Тео КИРИАК

Бессонница слов (IV, V).....	145
Arcalipsa de la orele mici.....	146
Апокалипсис в поздние часы.....	147

Василе ГЫРНЕЦ

summer in Bessarabia.....	153
эстамп III.....	153
Дневник для <i>Contrafort</i>	155
Похвала книге, похвала чтению.....	159

Григоре КИПЕР

роман-симулякр.....	163
дежавю.....	163
сучок.....	163
большие буквы.....	165
чтение.....	165
Библиотека.....	167

Мария ШЛЯХТИЦКИ

читаю в постели роман крэчуна.....	169
пастораль (II).....	171
читая элиаде.....	171

Николае СПЭТАРУ

to be or not to be.....	173
-------------------------	-----

Виталие ЧОБАНУ

Что означает для меня культура?.....	179
Путь пепла и путь Дамаска для Аугустина Бузуры.....	179
<i>Что...</i> и в особенности <i>как</i> читать.....	181

Емилиан ГАЛАЙКУ-ПЭУН

Поэзия после поэзии	187
Книги для юношества	189
Книги для будущих писателей	193
когда-то был я библиотечной мышью	197
Живая ткань. 10x10 (<i>фрагмент</i>)	199

Георге ЕРИЗАНУ

Детская книга	201
Книжный досмотр	201
Учебник физики	203
Итальянские чтения	203
Библиотека Тима	207
Вырубленные деревья	207
Гараж читает	209
Дети читают	209
Пруст	211
Авторская и бесполезная книга	213
Джойс убил читателя	215

Думитру КРУДУ

Дневник библиотекаря	217
----------------------------	-----

Василе ЕРНУ

Манифест книги	229
----------------------	-----

Михаил ВАКУЛОВСКИЙ

Библидиотека (история) (<i>фрагменты</i>)	243
---	-----

Александру ВАКУЛОВСКИЙ

читаю & пью кофе	251
читаю ars poet	251
читаю & сэлинджерствую	253
читаю & маскируюсь	255
читаю между строк	255
место для чтения	255
НЕТ БОЛЬШЕ НЕ	257

Мария ПИЛКИН

забвение	259
геоГрафическое	261
свадебное	261
любовь, что нас хранит	261
happy end. <i>читая думитру круду</i>	263
гоголь в гугле	265
и путь поэзии лежит через желудок	265
поэма с эдгаром для мишули	267

Александру КОСМЕСКУ

Книги-окна и книги-зеркала	269
Влияния	269
Kindle	271
Способы чтения	271
Чтение ради другого	273

Хосе ПАБЛО

journal	275
Читаю в facebook всякий мусор	275

Виталие РЭЙЛЯНУ

Вместо послесловия [<i>О переводах</i>]	277
---	-----

АВТОРЫ И ИСТОЧНИКИ

279

ARGUMENT

Unii sunt mândri de fiecare carte scrisă, eu însă – de orice carte citită... Nu știu cât de bun sunt ca scriitor, dar mă încumet să cred că sunt un bun cititor și în orice caz unul sensibil și plin de grațitudine.

Jorge Luis Borges

Oriunde se vorbește astăzi despre fenomenul cărții sau despre bibliotecă, inevitabil, se fac referințe la personalitatea poetului și prozatorului latinoamerican Jorge Luis Borges. Deși orb de la o anumită vârstă, reușind în pofida acestui fapt să devină directorul Bibliotecii Naționale din Argentina, el a făcut nenumărate pledoarii pentru carte și lectură. Transformând cartea și biblioteca într-un cult personal, Borges își imaginează întotdeauna „paradisul ca o bibliotecă, nu ca o grădină”, inventând în cele din urmă *Cartea de nisip* și *Biblioteca Babel*, metafore ale infinitului și ale universului ca labirint indescifrabil. „Am știut că destinul meu va fi să citesc, să visez, poate să scriu, însă acest lucru nu este esențial”, mai adaugă Borges într-un interviu, considerând „lectura o formă de fericire, de bucurie”, că „trebuie să citești pentru plăcerea cărții”, dar și că „literatura e ca o bibliotecă din care fiecare individ poate citi doar câteva pagini, dar poate că deja în acele pagini se află deja esențialul”. Cu toate acestea, Borges a fost și cel care, involuntar, a depășit „dependența” sa de carte pe care o numea „o extensiune a imaginației, a memoriei”, iar pentru el personal și o refulare sau o salvare de singurătate, fiindcă înainte de a orbi, își găsea „refugiul în plăcerea de a privi, în lectură”. Când avea de făcut o călătorie de măcar jumătate de oră fără să aibă o carte cu el, se simțea foarte nefericit. „Dar acum, continuă Borges, pot să petrec ore în

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иные гордятся каждой написанной книгой, я – любую прочитанной... Хороший ли я писатель, не знаю; но читатель я, смею думать, неплохой и уж в любом случае чуткий и благодарный.

Хорхе Луис Борхес

Редкая дискуссия о феномене книги или библиотеки обходится сегодня без ссылки на латиноамериканского поэта и прозаика Хорхе Луиса Борхеса. Потеряв, уже взрослым, зрение, но став, несмотря на это, директором Национальной Библиотеки Аргентины, он неоднократно высказывал свою похвалу книге и чтению. Сделав из Книги предмет личного культа, Борхес всегда представлял себе «рай как библиотеку, а не как сад», придумав, в конечном итоге, *Книгу песка и Вавилонскую Библиотеку* – метафоры бесконечности и мироздания, устроенного в виде запутанного лабиринта. «Я знал, что мой удел – читать, мечтать, может быть, писать, но последнее не столь важно», – добавляет Борхес в одном из интервью, считая «чтение формой счастья и радости». Он был уверен, что «читать следует ради удовольствия от книги», и что «литература подобна библиотеке, в которой человек способен прочитать лишь несколько страниц, но, может, в тех страницах уже и содержится все самое главное». Между тем, утратив возможность читать, Борхес невольно преодолел свою собственную «зависимость» от книг, которые он называл «продолжением воображения и памяти», и которые для него лично были еще и способом уйти или спастись от одиночества, потому что до того, как ослепнуть, он «полностью уходил в удовольствие от созерцания, в чтение». Если ему приходилось совершать без книги хотя бы получасовую поездку, он чувствовал себя глубоко несчастным. «Зато теперь, продолжает Борхес, я могу проводить целые часы без книг, поскольку я их больше не читаю, так что я уже и не думаю об одиночестве как непремен-

șir fără cărți, pentru că nu le mai citesc, așa că nu mă mai gândesc la singurătate ca fiind neapărat o formă de nefericire... Pe vremea când nu eram orb mă simțeam mereu obligat să-mi umplu timpul cu ceva. Acum n-o mai fac. Pur și simplu *mă las să trăiesc*”.

Orice am zice, Borges și Biblioteca sună astăzi aproape ca o echivalență. Totodată, există sute, mii de mărturisiri ale poeților, filozofilor, oamenilor de știință care demonstrează același cult al cărții, fascinația în fața bibliotecii, necesitatea existențială (aproape vitală sau chiar fiziologică) a lecturii.

Dar ce spun autorii basarabeni despre lectură, carte, bibliotecă? O întrebare firească din moment ce, lucru cunoscut, literații profesioniști din Republica Moldova, ca și din toată lumea, de altfel, sunt cititori desăvârșiți. Mi-am propus să cercetez domeniul și am descoperit o uimitoare și demnă de toată admirația „grădină” literară, care a luat forma unui florilegiu, altfel zis a unei antologii dedicate cărții, lecturii și bibliotecii, și a inclus fragmente sau texte integrale (poezie sau proză, memorii sau eseistică, jurnal sau interviu) din creația unora dintre cei mai reprezentativi autori autohtoni.

Antologia de față are drept intenție să prezinte viziunile și atitudinile scriitorilor basarabeni contemporani de limbă română față de lectură ca experiență estetică și socială, față de carte ca fenomen cultural și economic și față de bibliotecă ca spațiu uman și cultural.

Țin să mulțumesc pentru încrederea și susținerea oferită în elaborarea antologiei Laboratorului de Cercetări Literare și Bibliografie al Bibliotecii „Onisifor Ghibu”, Chișinău, în special criticului literar Vitalie Răileanu, directorul acestei biblioteci. Totodată țin să subliniez și suportul acordat de Departamentul de Studii și Cercetări al Bibliotecii „B.P. Hasdeu” din Chișinău.

Le mulțumesc pentru îngăduința autorilor, ale căror fragmente de opere sunt incluse în acest volum. Selecția este însoțită de o traducere în limba rusă a textelor respective, fapt care îi va oferi cărții perspectivele unui public cititor mai larg.

Ivan PILCHIN

но о форме несчастья... Когда я еще не был слепым, я всегда чувствовал себя обязанным заполнить чем-то свое время. Теперь я этого не делаю. Я просто *позволяю себе жить*».

Как бы то ни было, Борхес и Библиотека звучат сегодня почти как тождественные понятия. Вместе с тем, существуют сотни и тысячи свидетельств поэтов, философов, ученых, которые демонстрируют такое же, как и у Борхеса, преклонение перед книгой, восхищение библиотекой, экзистенциальную (почти что жизненно необходимую, даже физиологическую) потребность в чтении.

Но что говорят о чтении, книге, библиотеке бессарабские писатели? Вопрос вполне естественный, тем более, что профессиональные литераторы Молдовы, как, впрочем, и во всем мире, являются несправимыми книгочаями. Задавшись целью изучить этот вопрос, я открыл удивительный и достойный восхищения литературный «сад», который, в конечном итоге, обрел форму флорилегия или антологии, посвященной книге, чтению и библиотеке, и вобравшей в себя избранные фрагменты или целые тексты (поэзия или проза, мемуары или эссеистика, дневники или интервью) из творчества одних из самых видных авторов Бессарабии, пишущих на румынском языке.

Цель данной антологии – представить взгляды современных румыноязычных писателей Молдовы на чтение как эстетический и социальный опыт, на книгу как культурное и экономическое явление, на библиотеку как пространство цивилизации и культуры.

Хотел бы выразить глубокую признательность за доверие и поддержку, которые оказали мне в подготовке антологии сотрудники Лаборатории Литературных Исследований и Библиографии при Библиотеке имени Онисифора Гибу (Кишинёв), и отдельно – литературному критику Виталие Рэйляну, директору этой библиотеки. Также хочу поблагодарить за оказанную помощь Научно-исследовательский Департамент при Библиотеке имени Б.П. Хашдеу (Кишинёв).

Особую благодарность хотел бы выразить всем авторам за предоставленную возможность включить их работы в эту антологию. Подборка текстов на румынском языке сопровождается переводом на русский язык, благодаря чему круг читателей книги может стать намного шире.

Иван ПИЛКИН

Aureliu BUSUIOC

Unui scriitor voluminos

A întrebat odată nu știi cum:
„Ei, cum îți place noul meu volum?”
Răspunsul a sunat așa, îmi pare:
„Volumu-i bun... doar burta e cam mare!”

Unui scriitor pentru copii

Citind volumul lui de poezii,
Comise 'n mod special „pentru copii”,
Am exclamat cu multă bucurie:
– La vreme mi te-ai dus, copilărie!

EPITAFURI PE MORMÂNTUL...

...unui poet

A comis o singură greșeală,
Iată-i consecințele acum:
A murit de moarte naturală,
Răsfoindu-și propriul volum...

...unui prozator

Se 'ntâmplă multe în natură:
Mormântul e – stăpânul nu-i!
Sub lespedeza aceasta sură
Zac numai operele lui...

Аурелиу БУСУЙОК

Большому писателю

Однажды он спросил меня о том,
Понравился ли мне его объемный том.
Ответил я: «Объем хорош, ... но вот
Великоват, мне кажется, живот!»

Детскому писателю

Не смог избежать я расставленных сетей –
Стихов, свершенных им специально «для детей».
Воскликнул я тогда, от радости ликуя:
– О детство, ты прошло, – и аллилуйя!

ЭПИТАФИИ НА МОГИЛЕ...

...поэта

Лишь одну он совершил оплошность,
Налицо последствия сейчас:
Проявив излишнюю дотошность,
Он свой том открыл и помер в тот же час...

...прозаика

Бывает многое в природе:
Могила есть, но нет в ней никого!
Под серую плитою этой вроде
Покоятся творения его...

...unei cărți reeditate

Aicea zace, în sfârșit,
Cu vise și ambiții,
Un mic volum, care-a murit
În câteva ediții...

...pe mormântul meu

Viața e ca fumul,
Gloria – un vis:
Mi-am citit volumul
Și-am murit de răs...

***Unui coleg bine cumpărat
la un târg de cărți***

Zeci de cărți ai ambalat,
Dar nu văd senzația:
Pur și simplu ți-ai aflat
În sfârșit vocația...

Recenzie

De bancuri și de glume-i plin
Volumul recenzat.
Dar de-un humor atât de fin,
Că nu l-am sesizat...

Evoluție

Între o cafea și un coniac îi gust
înfiorat pe Kafka și pe Proust.
Părinții mei, e cazul să remarc,
îl preferau desigur pe Remarque.
Bunicul însă, cum lua un vin,
îl declama, plângând, pe Lamartine.
Doar străbunicul simplu cum i-i vița,
zicea pre limba lui de Miorița.
El, bietul, nu știa nici un poet:
străbunul meu era analfabet.

...часто переиздаваемой книги

Мечтаний дерзостных венец,
Сей томик в наказание
Земле был предан, наконец,
За все переиздания...

...на моей могиле

Жизнь недолговечна,
Слава – смутный сон:
Книгой я беспечной
Был своей сражен...

*Коллеге, раскупаемому
на книжной ярмарке*

Сотни книжек обвернул,
Только нет признания:
Наконец-то ты смекнул,
В чем твое призвание...

Рецензия

Вот книга шуток и острот,
Мне критик говорил.
Но слишком тонкий юмор тот
Я, верно, упустил...

Эволюция

Пью кофе иль коньяк для искушённых уст
смакую, если под рукою Кафка или Пруст.

Родители не знали лучшего подарка,
чем книги их любимого Ремарка.

Вином разбавив повседневную рутину,
мой дед в слезах читал из Ламартина.

Лишь прадед был совсем простого склада,
про Миорицу с уст его лилась баллада.

Бедняга, он не знал ни одного поэта:
безграмотным мы стали звать его за это.

Familie

El e prozator. Soția
Coafează poezia.
Dramaturg feciorul. Fata
Luptă cot la cot cu tata.
Soacra – nu că lânzezește:
Scrie-un pic, dar nu citește.
Pierde vremea în zadar?
Ba! E critic literar...

Pe o carte cu autograf

Eu am găsit în ea de toate,
Dar și o lipsă: fii atent –
În cartea care-ai scris-o, frate,
E-o mare lipsă de... talent.

La un roman sentimental

Sfârșind lectura fetele-și plâneau
Întoarcerea din minunatul mit,
Și lacrimile lor se îndoiau
Cu apa din romanul amintit.

La un roman

Romanul tău e ca un bal,
Bal al cuvintelor superbe:
Dar când din zece – nouă-s verbe,
Puteai să ni-l remiți... verbal.

Unui traducător

Volumele ce tălmăcește
Sunt ne'nțelese orișicui,
Căci toată pasărea sfârșește
Pre limba lui...

Семейка

Он пишет прозу, а жена
Плетением стихов увлечена.
Сын – драматург, и дочка
С отцом воюет строчка к строчке.
Но теща – та не то, что прозябает:
Немного пишет и ни капли не читает.
Казалось бы, она сачкует,
Но, что вы! Теща критикует...

На книгу с автографом

Всего здесь много, без сомненья,
Одним лишь книжица бедна:
Пусть велико твое творенье,
В нем нет... таланта, старина.

На сентиментальный роман

Закончив чтение, девушки спешат
Оплакать свой возврат из мира грез.
И тихий омут книги всполошат
В который раз потоки жарких слез.

На некий роман

Роман твой словно пышный бал,
Роскошный пир словес искусных:
Ты, впрочем, мог бы нам и устно
Явить... вербальный свой запал.

Переводчику

Переведенные страницы
Не всякому дано понять.
Поют ведь на свой лад все птицы.
Что ж тут пенять?..

Mihai CIMPOI

Liber Mundi

Lumea e o carte, precum cartea e o lume. E vorba de un „raport vital”, de un raport eminamente ontologic, conceput și perceput ca atare de când există lumea și de când există cartea (scrisul socratic al memoriei, scrisul pe tăblița cerată sau pe pergament).

În Biblie, cerurile se fac sul ca o carte, Iisus ține în mână un rulou de hârtie și scrie cu degetul pe pământ „tâlcuind din toate scripturile”, iar *Cartea vieții* este imaginată în centrul universului identificându-se cu *Pomul vieții*.

Cartea, înțeleasă azi – în sens obișnuit și pragmatic-demitizat – ca un instrument de lucru, ca un izvor de informație intelectuală, este din antichitate și până la Shakespeare sau Goethe un lucru sfânt, presupunând formule sacre care ascund taina divină. *Liber Mundi* incifrează însuși mesajul divin. Pornind de la această conotație universală, putem spune că în cazul ei avem de-a face cu o semnificare, o codificare, o simbolizare sub semnul Logosului și al Ontosului, al manifestării revelației heideggeriene și blagienei ascunderi și iluminări. Deschiderea („*Ce mai mult o încifrează cel ce vrea a descifra*”, spunea Eminescu în *Epigonii*) se identifică cu destăinuirea și tănuirea. E, în fond, o acțiune de intrare în labirint, opera fiind concepută și de moderni ca o construcție labirintică și ca o Bibliotecă cu galerii hexagonale infinite (Borges). E o concepție mai veche, laicizată de Evul Mediu: Paracelsus vorbea, bunăoară, despre natură ca o „sumă” de cărți și despre pământ ca o bibliotecă.

Universul ni se înfățișează și astăzi ca o carte pe care încercăm s-o înțelegem în noul context al dialogului multicultural, al europenizării și mondializării. [...]

Михай ЧИМПОЙ

Liber Mundi

Мир – это книга, равно как и книга – целый мир. Речь идет о «кровной связи», о связи сугубо онтологического характера, мыслимой и постигаемой как таковой с момента существования мира и с момента существования книги (сократовского письма памяти, письма на воощенных дощечках или на пергаменте).

В Библии небеса обретают форму книжного свитка, Иисус держит в руке бумажный рулон и пишет пальцем на земле, «толкую из всех писаний», а *Книга жизни*, отождествляясь с *Древом жизни*, видится в центре мироздания.

Понимаемая сегодня – в обычном и в прагматически-демифологизированном смысле – как рабочий инструмент, как источник интеллектуальной информации, книга, начиная с античности и заканчивая Шекспиром или Гёте, представляет собой нечто священное, предполагающее сакральные формулы, в которых сокрыта божественная тайна. *Liber Mundi* шифрует, по сути, божественное послание. Отталкиваясь от этой универсальной коннотации, можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с обозначением, кодированием, символизацией под знаком Логоса и Онтоса, под знаком откровения хайдеггеровского и благианского утаивания и озарения. Раскрытие (*«Все же больше сокрывает, кто ее открыть желает»*, говорил Эминеску в *Эпигонах*) отождествляется с разглашением тайны и утаиванием. В конечном счете, это сродни входу в лабиринт, ибо и авторами Нового времени художественное произведение мыслится как лабиринтная структура и как Библиотека, состоящая из бесконечных шестигранных галерей (Борхес). Эта довольно старая идея лишилась религиозного оттенка в Средневековье: Парацельс, к примеру, говорил о природе как о «сумме» книг и о земле как о библиотеке.

Мироздание и сегодня предстает нам в виде книги, которую мы пытаемся познать в новом контексте мультикультурного диалога, европеизации и мондиализации. [...]

Am scris această carte cu convingerea că salvarea ființei noastre stă în această comunicare cu ceea ce o înfățișează mai bine: Cartea Lumii, Liber Mundum, în care continuăm să căutăm misterele sacre, aurul (alchimiștilor), „sumele” dantești de „fructe spirituale”, oglinda shakesperiană a „chipului”, piatra filosofală, potirul Graalului, drumurile întrerupte heideggeriene, drumul eliadesc spre Centru...

mai 2004

Biblioteca lui Cantemir

Astăzi, când librăriile ne oferă, generoase, Marile cărți ale spiritului, ar trebui să ne aducem aminte cu pietate de bibliotecile cu destin, care au întregit în condiții vitrege personalitatea poezilor și cărturarilor. Am văzut la Matenadaran cărți împietrite; armenii le păstrau prin peșteri, le ascundeau de văzul dușmanului și ele se transformau în piatră spre a rezista timpului și istoriei. Am mai văzut la Piatigorsk o ladă de lemn, care nu era decât biblioteca ambulantă a lui Lermontov și acest obiect modest, purtând pe el culoarea ștersă a veacului și asociindu-se instantaneu lăzii de cărți nedespărțite de peregrinul Eminescu, mi-a conturat pe viu o personalitate, ce venea să-l continue pe Marele poet romantic. Tot astfel biblioteca lui Cantemir, călătorind neobosită cu el și făcând parte din firea lui de cărturar, este dovada materială și spirituală a unei figuri de Renaștere. Este o fidelitate reciprocă, ce ne zguduie: a Cărții față de Cantemir, și a lui Cantemir față de Carte. Legământul acesta respectat pe temei de afinitate electivă, îi poartă pe amândoi triumfători prin timp.

După ce se reîntoarce în țară de la Constantinopol, unde ostatecul moldovan a fost una din figurile cele mai strălucite ale vieții culturale a capitalei Sublimei Porți, el aduce cu sine numai o parte din cărțile și materialele adunate acolo, apoi, după ce pierde lupta de la Stănilești și este nevoit să plece în Rusia, biblioteca sa e cea care se deplasează prima, ca o bunăvestire a unor fapte înalte de cultură. Documentatului studiu a lui Vasile Coroban „Dimitrie Cantemir – scriitor umanist” semnificativul amănunt nu-i scapă: „E de reținut amănuntul că graba retragerii, împreună cu familia, din Moldova nu-l împiedică pe eruditul domnitor să ia cu sine biblioteca și manuscrisele, pe care le avea. Asta explică imensul volum al lucrărilor executate în Rusia într-un timp destul de scurt (1714-

Я написал эту книгу, пребывая в уверенности, что спасение нашей жизни зависит от общения с тем, что выражает ее лучше всего: с Книгой Мира, *Liber Mundum*, в которой мы продолжаем искать священные тайны, золото (алхимиков), дантовские «суммы» «духовных плодов», шекспировское отражение «лика», философский камень, чашу Грааля, обрывающиеся пути Хайдеггера, путь к Центру Элиаде...

май 2004

Библиотека Кантемира

Сегодня, когда книжные магазины, не скупясь, предлагают нам Великие книги духа, нужно с благоговением вспомнить о библиотеках с судьбой, которые в суровых условиях приходили на выручку поэтам и ученым. В Матенадаране я видел окаменевшие книги; армяне хранили их в пещерах, прятали от врагов и они обращались в камень, дабы устоять перед лицом времени и истории. В Пятигорске я еще видел деревянный ящик, который был ничем иным как передвижной библиотекой Лермонтова и этот скромный предмет, покрытый блеклыми красками своего века, и невольно напоминающий книжный ящик, с которым не расставался в своих странствиях Эминеску, очертил передо мной живой портрет личности, дополняющий Великого поэта-романтика. Точно также и библиотека Кантемира, неустанно с ним скитавшаяся и бывшая частью его ученой натуры, является материальным и духовным свидетельством человека эпохи Возрождения. Их верность взаимна, и это потрясает: Книги – по отношению к Кантемиру, и Кантемира – по отношению к Книге. Этот союз, хранившийся согласно избирательному сродству, с триумфом несет обоих сквозь время.

По возвращении из Константинополя, где молдавский заложник был одной из самых ярких фигур культурной жизни столицы Высокой Порты, он привозит с собой лишь часть собранных там книг и материалов. Затем, проиграв битву при Стэнилешть, и вынужденный уехать в Россию, его библиотека, как предвестие высоких культурных свершений, переезжает первой. Документированное исследование Василе Коробана «Дмитрий Кантемир – писатель-гуманист» не лишено важной подробности: «Следует учесть ту деталь, что спешное отступление, вместе с семьей из Молдовы не помешало эрудированному господарю захватить с собой библиотеку и имевшиеся у него рукописи. Это объясняет огромный объем работ, выполненный в России за довольно корот-

1720). Așadar, o peregrinare fantastică pe acele timpuri cunoaște biblioteca domnitorului, ajungând de pe țărmul de Sud al Mării Negre până la partea de Nord a Mării Baltice” (pag. 49).

Am putea oare inventaria astăzi, și a crea imaginea acelei prețioase bibliotecă? Or, bibliotecă nu sunt Cărțile, ci Omul și Cărțile luați dimpreună, în unitatea lor spirituală. Memoria fenomenală completează, restituie lipsa cărților pierdute și Cantemir operează, astfel, cu Întregul bibliotecii sale. Deci, nu a inventaria, ci a reconstitui Întregul din opera și viața sa. Iar Întregul acesta este echivalent cu Totalul. Totul ce se putea citi la acea oră, căci așa cum l-a caracterizat inspirat Eminescu, a fost cel mai mare cărturar al veacului său. Și încă nu un cărturar oarecare, ci unul de Renaștere. [...]

Dimitrie Cantemir acumulează mereu cărți, copii, manuscrise, le duce cu sine, le asimilează conținutul spiritual și moral în vederea creării unei Sinteze. Este, după sugestiva definiție a lui Vasile Coroban, „un Tantal al tipăriturilor și scrisului”. Oriunde l-ar fi aruncat vitregiile soartei, el este al Cărților, al luminii și adevărului dintr-însele, al Absolutului lor.

În timpul campaniei militare întreprinsă de Poartă în Ungaria la 1697 beizadeaul Dimitrie frecventează toate bibliotecile întâlnite în cale. La Constantinopol, în anii școlii sale, face schimb de cărți cu ambasadorul olandez Collier, fapt despre care vorbește în „Viața lui Constantin Cantemir”, mai târziu fiul său Antioh făcea și el în popasurile sale diplomatice comenzi de cărți la Haga. Aflat la Petersburg, cumpără prin secretarul său Johann Fockerodt cărți și manuscrise rusești, îmbogățindu-și în continuare bibliotecă.

Iar pe parcursul campaniei lui Petru cel Mare contra Persiei fondează o tiparniță în Tătaria, ducând luminile mai departe, în începuturile de cultură ale altor popoare.

„Pentru mine nu acela e grec, care e născut în Grecia, spunea cărturarul nostru pe urmele lui Isocrate, ci care și-au apropiat știința și cunoștințele, prin care s-a făcut atât de celebră această națiune”.

Apropiat de spiritul elen Dimitrie Cantemir este prin fervoarea căutărilor adevărului despre om, viață și macrocosmos și a setei de lectură, niciodată satisfăcută.

Îi era de ajuns Cartea, dar nu-i ajungeau cărți. Cărți atât de necesare „mărimii sufletului”. Le aduna, le asimila și le scria la rându-i „spre slava și folosința moldovenescului neam”.

кое время (1714-1720). Итак, библиотека господаря совершает в те времена фантастическое странствие, пройдя с южного побережья Черного моря до северной части Балтийского моря» (стр. 49).

Смогли бы мы сегодня провести инвентаризацию той ценной библиотеки и представить, как она выглядела? Очевидно, что библиотека – не Книги, но Человек и Книги, взятые вместе в их духовном единстве. Феноменальная память дополняет, восстанавливает отсутствие утраченных книг и Кантемир обращается, таким образом, к Целому своей библиотеки. Следует, стало быть, провести не инвентаризацию, а восстановить Целое в его творчестве и жизни. А это Целое тождественно Всему. Всему, что можно было прочесть в любое время, потому что, как удачно охарактеризовал его Эминеску, он был величайшим ученым своего века. И, к тому же, не просто ученым, а ученым эпохи Возрождения. [...]

Дмитрий Кантемир постоянно собирает книги, копии, рукописи, берет их с собой, усваивает их духовную и моральную суть с целью создания некоего Синтеза. По меткому определению Василе Коробана, он – «Тантал книгопечатания и письма». Куда бы ни забросили его невзгоды судьбы, он принадлежит Книгам, их свету и истине, их Абсолюту.

Во время военной кампании, предпринятой Портой в Венгрии в 1697 году, престолонаследник Дмитрий посещает все библиотеки, которые встречаются ему на пути. В Константинополе, в школьные годы, он обменивается книгами с голландским послом Коллером, о чем повествуется в «Жизни Константина Кантемира», позже и его сын Антиох, во время своих дипломатических миссий, тоже заказывал книги в Гааге. Находясь в Петербурге, он пополняет библиотеку, покупая через своего секретаря Иоганна Фоккеродта русские книги и рукописи.

А во время кампании Петра Великого против Персии он основывает типографию в Татарии, неся свет дальше, к истокам культуры других народов.

«Для меня не тот грек, кто родился в Греции, – говорил наш ученый вслед за Исократом, – а кто усвоил науки и знания, которыми так прославился этот народ».

Дмитрий Кантемир близок греческому духу своей страстью поиска истины о человеке, жизни и макрокосмосе, а также своей неутолимой жаждой чтения.

Ему было достаточно Книги, но ему не хватало книг. Книг, которые так необходимы «величию души». Он их собирал, осмысливал и, в свою очередь, писал их «во славу и на пользу молдавского народа».

Eminescu și lumea cărților

Există, bineînțeles, mai multe feluri de a concepe universul cărților, analoge, în fond, aceluia de a privi și a înțelege lumea. Simplificând, am putea desprinde din multele existente un mod de a vedea în carte o revelație (un univers deschis) și altul de a crede sceptic că ea încifrează, ascunde adevărurile sub un vâl ezoteric (cu alte cuvinte, prezintă un labirint, un univers închis).

În funcție de aceste două concepții, care, oricâte nuanțe ar avea în diferite cazuri, rămân definitorii, scriitorii și filozofii fie că manifestă o voluptate a cunoașterii, vecină cu extazul mistic, fie că simt o spaimă cu adevărat existențială în fața Bibliotecii.

Pentru Jorge Luis Borges, bunăoară, Universul nu este altceva decât o Bibliotecă, ce se constituie ca un edificiu babilonic din galerii hexagonale. Prezența oglinzilor în coridoare este chemată să ne facă să ne îndoim asupra caracterului infinit al Bibliotecii. Nu, suprafețele netede hexaedrice ne alimentează anume iluzia infinitului... Idealiștii afirmă fără șovăire că hexaedrul este anume spațiul absolut, iar misticii au viziunea unor săli de forma sferei, ale căror pereți nu sunt decât cotoarele cărții sferice ce-l reprezintă pe Dumnezeu. Biblioteca, constituindu-se din astfel de hexaedre, este nemărginită, eternă, cu posibilități combinatorice ilimitate. La un moment dat călătorii nimeriți în acest edificiu enorm au început a crede că Biblioteca ar cuprinde toate cărțile posibile. „Universul a dobândit sens, a devenit mare ca o speranță”, spune scriitorul argentinian. Lumea s-a dedat unei frenezii a căutărilor fără egal, căci li s-a oferit o posibilitate ideală de a afla taina fundamentală a omnirii: originea Bibliotecii și a timpului. Dar au apărut și căutători oficiali: inchizitorii. A apărut apoi o superstiție a timpului pe nume Omul Cărții, Credința că undeva pe polițele ei, într-un anume hexaedru, se află o carte care le rezumă pe celelalte. Lectura acesteia te-ar transforma în însuși Dumnezeu. (Omul cărții seamănă, deci, cu Sărmanul Dionis eminescian, care crede că prin aflarea unui cifru ar putea să se identifice Demiurgului.) Firește, există și alte credințe, conform cărora în Bibliotecă domină absurdul, haosul, accidentalul.

Эминеску и мир книг

Есть, разумеется, множество способов осмысления мира книг, аналогичных, по сути, способам созерцания и постижения мироздания. Проще говоря, из множества существующих способов можно выделить один, при котором книга видится откровением (открытая вселенная), и другой – скептически полагать, что она кодирует, скрывает истину под эзотерическим покровом (то есть, полагать, что слова представляют собой некий лабиринт, замкнутую вселенную).

В зависимости от этих двух концепций, остающихся определяющими, какими бы нюансами они не наполнялись в различных случаях, писатели и философы либо проявляют страсть к знаниям, соседствующую с мистическим экстазом, либо чувствуют поистине экзистенциальный страх перед Библиотекой.

Для Хорхе Луиса Борхеса, к примеру, Вселенная – не что иное, как Библиотека, устроенная в виде вавилонского здания из шестиугольных галерей. Наличие зеркал в коридорах должно заставить нас усомниться, что Библиотека бесконечна. Нет, гладкие шестигранные поверхности создают у нас как раз иллюзию бесконечности... Идеалисты, колеблясь, утверждают, что шестигранник представляет собой абсолютное пространство, а мистикам видятся помещения в форме шара, стены которого не что иное, как корешки сферической книги, являющие собой образ Бога. Библиотека, состоящая из подобных шестигранников, безгранична, вечна, наделена неограниченными комбинаторными возможностями. В какой-то момент путешественники, попавшие в это огромное здание, стали считать, что Библиотека объемлет все возможные книги. «Вселенная обрела смысл, стала внезапно огромной, как надежда», – говорит аргентинский писатель. Мир предался ни с чем несравнимому неистовству поиска, поскольку ему представилась идеальная возможность раскрыть фундаментальную тайну человечества: происхождение Библиотеки и времени. Однако появились и официальные искатели: инквизиторы. Затем возникло суеверие того времени: Человек Книги, Вера в то, что на одной из ее полок в некоем шестиграннике находится книга, объемлющая все остальные. Прочитав эту книгу, можно уподобиться Богу. (Человек книги похож, таким образом, на Бедного Диониса Эминеску, который полагает, что, узнав некий шифр, он сможет уподобиться Демиургу.) Естественно, есть и другие мнения, согласно которым в Библиотеке господствуют абсурд, хаос, случайность.

Dacă Jorge Luis Borges își poate imagina un astfel de Univers-Biblioteca, în care poți călători un timp infinit („Biblioteca este nemărginită și periodică”), Mihai Eminescu are o viziune ce exclude conceperea labirintică a lucrurilor în univers și a lumii cărților în particular. E adevărat, căutarea tainei poate deziluziona, poate duce la indiferența stoică: „Ce mai mult o încifrează cel ce vrea a descifra...”. „Cartea tristă și ’ncâlțită” a cugetării sacre are totuși luminișuri ademenitoare și oaze întremătoare.

Universul (și Cartea la fel) nu poate apare, la Eminescu, ca un depozit de semne și cifruri, ci ca un fir continuu de trăiri umane. Uriașa roată a istoriei pe care o mișcă poetul în „Memento mori” ascunde elanuri înălțătoare și amare dezamăgiri într-o spirală ce conjugă mărirea cu căderea. Ochiul ager al poetului căuta în fapte, date, cifre „posibila netrăire”, adică trăirea autentică ce nu s-a materializat decât parțial sau numai mecanic în ele.

Universul este lucrare a energiei vitale, este neodihnă, adică mișcare vie eternă („pe neodihnă ceru’ntreg se ține”), este flux continuu al gândirii prin excelență titanice: așadar, interesul poetului nu merge spre semnele materiale ale Istoriei (icoane, borne de hotar, categorii, „sisteme numeroase”), ci spre cele cu adevărat spirituale.

Cartea nu este, în acest sens, o culegere de semne abstracte, o combinație de ideograme și simboluri pur ortografice: e un comprimat de Viață, o taină ce ascunde „posibila netrăire”. Răsfoirea Ei înseamnă o atingere de zbuciumul căutării sensului existenței.

Felul eminescian de a citi și de a reacționa la cele citite, de a-și expune zgomotos părerile, familiarizarea îndelungată, răbdătoare și practic nicicând încheiată, cu cărțile nu confirmă pesimismul, care multă vreme s-a crezut a fi dominant în concepția sa asupra lumii. În spiritul lui Eminescu, atât de agitat, nu e nici de cum o sete potolită, ci, așa cum am mai spus, un nesațiu, este o redeschidere spre alte sfere și forme ale cunoașterii (și culturii). Locuirea statornică într-un hexaedru borgesian este de neconceput în cazul poetului nostru, aflat mereu pe căile tranzitorii și progresive ale cunoașterii, nu pe cele limitate sau sofisticat-încheiate. [...]

Cărțile i-au asigurat poetului o formație intelectuală temeinică, ferindu-l de acele „salturi de capră” de care vorbea în „Philobiblonul”

Если Хорхе Луис Борхес представляет себе такую Вселенную-Библиотеку, по которой можно путешествовать бесконечно («Библиотека безгранична и периодична»), то точка зрения Михая Эминеску исключает понимание вещей во вселенной и, в частности, мира книг, как лабиринта. Очевидно, поиск тайны может обмануть ожидания, может привести к стоическому безразличию: «Все же больше сокрывает, кто ее открыть желает...». Тем не менее, «печальная и запутанная книга» сакрального размышления влечет своими просветами и придающими сил оазисами.

Вселенная (как и Книга) не может предстать у Эминеску неким хранилищем знаков и шифров, непрерывной нитью человеческих переживаний. Гигантское колесо истории, приводимое в движение поэтом в «Memento mori», скрывает высокие порывы и горькие разочарования, следующие друг за другом по спирали, сопрягающей возвышение и падение. Проницательный взгляд поэта ищет в фактах, датах, цифрах «возможное небытие», то есть подлинное бытие, которое материализовалось в них лишь отчасти или только механически.

Вселенная – это творение животворящей энергии, это неустанность, то есть вечное живое движение («на неустанности зиждется весь небосвод»), это непрерывный поток мысли, титанической по своей сути: интерес поэта, стало быть, направлен не на материальные знаки Истории (иконы, пограничные столбы, категории, «многочисленные системы»), а на знаки поистинне духовные.

В этом смысле, книга представляет собой не собрание абстрактных знаков и чисто орфографических символов: это сама Жизнь в сжатом виде, тайна, скрывающая «возможное непробуждение». Перелистывание ее страниц означает прикосновение к терзаниям, связанным с поиском смысла бытия.

Чтение и реакция на прочитанное, громкое высказывание своих суждений, продолжительное, терпеливое и никогда не прекращающееся приобщение к книгам не подтверждают пессимизма, который долгое время считался доминирующим в мировоззрении Эминеску. Неугомонный дух поэта не столько неугомонен, сколько, как уже было сказано, ненасытен, открыт другим сферам и формам познания (и культуры). Неизменное пребывание в борхесовском шестиграннике немислимо в случае нашего поэта, всегда находящегося на переходных и прогрессивных, а не на ограниченных или замысловато-замкнутых путях познания. [...]

Книги обеспечили поэту основательное интеллектуальное образование, оградив его от «козлиных прыжков», о которых говорил Ричард

său Richard de Bury. Deși recurge la cărți în funcție de „dispoziția” suflătoare de moment, Eminescu parcurge consecvent treptele necesare, nu pe cele întâmplătoare. Capriciul saltului de capră, care contravine verticalității cunoașterii, mutării energice dintr-un hexaedru în altul, îi este străin.

În anii peregrinărilor sale ca suflor de teatru este văzut culcat în fân cu un tom de Schiller: lecturile din acesta modelau „un cetățean al lumii” de felul marchizului de Posa pe nume Toma Nour; în anii studenției vieneze recita mai cu seamă ode de Horațiu; spre amurgul vieții admirația lui se îndrepta iarăși spre calmul, perfecțiunea și seninătatea anticilor: „Când mi-i capul mai amețit... o pagină din Sofocle mă înseninează”.

Nu e greu să ne imaginăm, deci, că în lada cu cărți, însoțitoarea fidelă a veșnicului peregrin care a fost Eminescu, nu lipseau niciodată autorii cei vechi, la care se alăturau la sigur volume de Dante, Shakespeare, Goethe, Hugo, pomenitul Schiller, Gogol.

Pasiunea pentru cărți, manifestată încă în copilărie, era satisfăcută de dulapul cu cărți din camera tatălui său, unde se aflau operele cronicarilor, volumele lui Voltaire sau ale romanticilor munteni, dacă e să credem afirmațiilor lui Octav Minar.

În orice caz, au existat cărți de care Eminescu nu s-a despărțit niciodată; cărțile-călăuză ale spiritului său au fost operele marilor autori ai literaturii și filozofiei universale, cărțile de sinteză, hronografele, textele canonice, miscelanele, instrumentele de lucru (dicționare, gramatici). [...]

Dacă scrutăm din perspectiva veacului nostru, care este acumulator de informație ca nici unul altul (e chiar secolul exploziei informaționale!), ne dăm seama că Eminescu nu este pur și simplu un cititor de cărți, un bibliofil înveterat, nici numai un însetat de cunoaștere absolută, care-l poate determina să călătorească înfrigorat în căutarea Unicei cărți prin galeriile Universului-Bibliotecă.

Eminescu este prin gradul de familiarizare spirituală un părtaș la taina Cărții, la viul materializat în semne grafice. El extrage din cărți „icoanele” vieții însăși și, împreună cu oamenii diferitelor epoci, își pune problemele pe care și le puneau ei. Prin intermediul filelor manuscrise și tipărite poetul nostru se făcea martorul viu al Istoriei și

де Бери в своем «Филобиблоне». Хотя Эминеску обращается к книгам в зависимости от своего душевного «настроения» на тот или иной момент, он последовательно проходит необходимые, но не случайные ступени. Ему чужда прихоть козлиного прыжка, противоречащая вертикальности познания, энергичному переходу из одного шестигранника в другой.

В годы странствий в качестве театрального суфлера его видят лежащим в стоге сена с томом Шиллера: чтение этого автора привело к созданию «гражданина мира» по типу маркиза де Поза, которому Эминеску дал имя Тома Ноур; в студенческие годы, в Вене, он особенно часто декламировал оды Горация; на закате жизни его снова восхищают спокойствие, совершенство и ясность древних: «В час, когда кружится голова..., меня проясняет страница из Софокла».

Нетрудно себе представить, таким образом, что в сундуке с книгами, этом верном спутнике вечного странника, каким был Эминеску, всегда находилось место древним авторам, которых, бесспорно, теснили тома Данте, Шекспира, Гёте, Гюго, упоминавшегося уже Шиллера, Гоголя.

Страсть к чтению, проявленную им еще в детстве, до поры удовлетворял книжный шкаф в комнате отца, где, если полагаться на слова Октава Минара, находились произведения хронистов, тома Вольтера или мунтенских романтиков.

Во всяком случае, с некоторыми книгами Эминеску не расставался никогда; книгами-проводниками его духа были произведения великих авторов мировой литературы и философии, книги обобщающего характера, хронографы, канонические тексты, сборники, рабочие инструменты (словари, грамматики). [...]

С высоты нашего столетия, которое, как никакое другое, оказалось столетием накопления информации (и это действительно век информационного взрыва!), становится понятным, что Эминеску был не просто читателем книг, закоснелым библиофилом, и даже не человеком, который стремится к абсолютному знанию, способному увлечь его в лихорадочное блуждание по галереям Вселенной-Библиотеки в поисках Единственной книги.

По степени духовной близости Эминеску сопричастен тайне Книги, всему живому, что материализовалось в графических знаках. Он извлекает из книг «икон» самой жизни, и вместе с людьми различных эпох ставит перед собой вопросы, которые ставили и они. Посредством рукописных и печатных страниц наш поэт становился живым свидетелем

Existenței. Nu e vorba, prin urmare, de o pasiune maniacală, în abstract, de setea de cunoștințe mecanice, însușite la rece prin mecanismul indiferent al rațiunii pure.

Om al Cărții Eminescu a fost în măsura în care a vibrat la Viața fixată în Carte și, bineînțeles, la Viața Cărții. [...]

Pământurile „stăine”, hexaedrele situate în locurile depărtate de privirea narcisiacă a poetului, ar rămâne aride dacă nu s-ar produce o interferență spirituală a ceea ce este eul său cu icoanele obiective din afară după legile fragmentariului: „Când eram încă la Universitate aveam o ciudată petrecere. Umblam adesea pe uliți, stând numai pe ici pe colo la câte-un anticvar și răscolindu-i vechiturile, luam din cărțile lui tot ce-mi părea mai bizar și mai fantastic – și venind apoi acasă, citeam și traduceam într-un caiet numit fragmentarium toate pasagele câte-mi plăceau. (...) Apoi deodată pare că mi se lumina mintea. Intram în labirintele acelor ciudate povești ce le citisem, un tablou cerea pe altul, o întâmplare pe alta. Atuncea stingeam lumânarea ca să nu mă supere în sumbrele mele viziuni, eu scriam iute prin întuneric în fragmentarium tablourile sau viziunile ce-mi treceau prin minte”. [...]

„Când nu scria, citea foarte mult. (...) Lenau era un poet predilect al lui Eminescu, iar pe filozoful Schopenhauer îl citea foarte adesea și cu multă atenție... Dar el nu se mărginea numai la operele originale ale scriitorilor germani, ci citea tot felul de cărți traduse din alte literaturi în limba germană și, cum germanii în această privință sunt foarte bogați, Eminescu avea ocazia să cunoască toată literatura străină din traduceri germane. Astfel a citit el mult din literatura indică și persană și, când avea cu cine, discuta mult asupra acestor literaturi și mai cu seamă asupra principiilor religiei budiste, de care era încântat și despre care spunea că este cea mai poetică, mai frumoasă și mai profundă religie de pe lume. Citise și „Ramaiana” și „Mahabharata”, apoi „Sacuntala” din literatura indică și frumoasele versuri ale lui Hafez din literatura persană și trebuie să-i fi plăcut foarte mult aceste opere, căci foarte adese vorbea despre ele până ajungea la Buddha Shakyamuni și la Nirvana”. Poetul receptează, reține și integrează în ființa sa, așa cum ne încredințează memorialistul Ștefanelli, dimensiunile **poetice, frumoase și profunde** ale cărților citite. [...]

лем Истории и Бытия. Речь, стало быть, идет не об отвлеченной от всего маниакальной страсти, не о жажде механических знаний, хладнокровно усвоенных безучастным механизмом чистого разума.

Человеком Книги Эминеску был в той степени, в какой он отзывался на Жизнь, запечатленную в Книге и, разумеется, на Жизнь Книги. [...]

Чужие «края», шестигранники, расположенные вдали от нарциссического взора поэта, остались бы бесплодной пустыней, если бы не было, согласно принципам фрагментарности, духовного взаимодействия его Я с объективными иконами внешнего мира: «Еще в Университете у меня было причудливое времяпрепровождение. Я часто прогуливался по улочкам, останавливаясь там и сям у какого-нибудь антиквара, и, роясь в его старье, выбирал из его книг все, что казалось мне особенно диковинным и фантастичным – потом, по возвращении домой, я читал и переводил в тетрадь под названием фрагментариум все понравившиеся мне отрывки. (...) Затем, вдруг, мое сознание, казалось, прояснялось. Я входил в лабиринты причудливых сказаний, которые я читал, один образ требовал следующего, одно происшествие – другого. Тогда я задувал свечу, чтобы она не досаждала мне в моих сумеречных видениях, и, уже в темноте, бегло заносил во фрагментариум те образы и видения, что представляли пред моим мысленным взором». [...]

«Когда он не писал, главным его занятием было чтение. (...) Любимым поэтом Эминеску был Ленау, а философа Шопенгауэра он читал часто и с большим вниманием... Однако он не ограничивался лишь оригинальными произведениями немецких писателей, но читал самого разного рода книги, переведенные на немецкий язык из других литератур, а поскольку немцы в этом отношении невероятно богаты, Эминеску имел возможность познакомиться со всей иностранной литературой в немецких переводах. Таким вот образом он прочел довольно много из индийской и персидской литературы и, когда было с кем, много рассуждал об этих литературах, и в особенности о принципах буддистской религии, которая его восхищала, и о которой он говорил, что это самая поэтичная, самая прекрасная и самая глубокая религия на свете. Он прочитал «Рамаяну» и «Махабхарату», затем «Сакунталу» из индийской литературы и прекрасные стихи Хафиза из персидской литературы, и наверняка эти произведения ему очень нравились, поскольку он говорил о них довольно часто, пока не добирался до Будды Шакьямуни и Нирваны». Поэт воспринимает, запоминает и делает частью своего существа, как нас в этом заверяет моралист Штефанелли, **поэтические, прекрасные и глубокие** грани прочитанных книг. [...]

Lecturile lui Eminescu sunt petreceri intelectuale, care presupun atât voluptatea unui contact intim, cât și o descoasere de fir, un spectacol logic cu înșirare de argumente, aprobări sau reduceri la absurd de tip socratic. Anume în felul acesta este citit Kant în „Arheus” și „Sărmanul Dionis”, Hegel și Hugo în „Memento mori”, Goethe în „Mureșanu”, autorii moderni în „Epigonii”, stoicii în „Glossă”, „Vedele” și tratatele cosmogonice în „Scrisoarea I”, Schopenhauer în „Luceafărul”, Shakespeare în „Cărțile”, Marx în „Împărat și proletar”. Cercetării sursiere, atât de întinse și vădit exagerate, i-a lipsit, evident, dorința de a descifra și contactul intim cu izvoarele, felul cum Eminescu receptează și transformă în substanță organică a **individualităților caracteristice și interne**. Căci „hexaedrele” cunoașterii eminesciene sunt „camere încălzite” în care contactul intim se stabilește spontan datorită faptului că și ei erau într-o relație nemijlocită cu alții: „Când mă aflu față cu cei bătrâni, cu literatura din deceniile trecute, pare că sunt într-o cameră încălzită... simți, că acești oameni erau într-un contact nemijlocit cu un public oarecare, mic ori mare, dar în sfârșit era un public. Față cu cei moderni parcă mă simt într-o cameră rece, și într-o cameră rece, va fi observat oricine asta – pare că **lipsește** ceva, nu căldura însăși, ci ceva pipăit, parcă pe perețele curat fusese ceva și nu mai este, sau simțământul în familie, când a murit cineva în casă. E un fel de deșert atât de simțit de fiecare – un fel de suflare, care cuprinde toate obiectele nu mai este – parcă lipsesc din casă lucruri, nu numai corpul unui om. Vine un alt om acasă, dar simțirea pentru tine nu se schimbă. Pare că ești obicinuit a vedea privazul cu alt portret și portretul cu alt privaz”. [...]

Universul eminescian se constituie dintr-un complex de astfel de relaționări, fie instantanee, fie îndelungate și cu repercusiuni grave, cu cei pe care-i notează în carnetele de buzunar, în însemnări marginale sau pe care-i citează în publicistica sa: Socrate, Platon, Aristotel, Homer, Horațiu, Aristofan, Boccaccio, Pitagora, Heraclit, Calidasa, Herodot, Shakespeare, Goethe, Heine, Börne, Humboldt, Schiller, Beethoven, Offenbach, Pascal, Kant, Hegel, Schopenhauer, Palestrina, Rafael, Marx, Lao-Zi, Bebel, Laplace, Bruno, Darwin, Spinoza, Galilei, Herbart, Leibniz, Byron, Locke, Smith, Hume, Feuerbach, Spencer, Machiavelli, Maltus, Hugo, Fichte, Klopstock, Ricardo, Montesque, Dante, Lamarck, Rousseau, Rötcher, Gogol, Luther,

Для Эминеску чтение – своеобразное интеллектуальное развлечение, предполагающее как наслаждение от интимной близости, так и детальный разбор, логический спектакль с последовательностью аргументов, одобрений или сократовских сведений к абсурду. Именно в таком прочтении Кант предстает в «Архее» и «Бедном Дионисе», Гегель и Гюго в «Memento mori», Гёте в «Мурешану», современники в «Эпигонах», стоики в «Глоссе», «Веды» и космогонические трактаты в «Послании I», Шопенгауэр в «Лучафэрул», Шекспир в «Книгах», Маркс в «Императоре и пролетарии». Изучению первоисточников, такому широкому и явно преувеличенному, определенно недоставало желания расшифровывать, а также интимного контакта с источниками, способа, которым Эминеску их воспринимает и превращает в органическую субстанцию **характерной и внутренней индивидуальности**. Ведь «шестигранники» познания Эминеску это «теплые комнаты», где интимный контакт устанавливается спонтанно благодаря тому, что и они были в непосредственной связи с остальными: «Когда я обращаюсь к старикам, к литературе прошлых десятилетий, мне кажется, будто я захожу в теплую комнату...; чувствуется, что эти люди находились в непосредственном контакте с некой публикой, большой или малой, но в конечном итоге публикой. Рядом с современниками я чувствую себя как в холодной комнате, любой смог бы это заметить – словно чего-то **не хватает**, не тепла как такового, а чего-то осязаемого, будто на чистой стене что-то было, и уже нет, или будто чувство в семье, когда в доме кто-нибудь умирает. Это подобно некой осязаемой каждым пустыне – некоему дыханию, которое охватывает все предметы, и которого уже нет – будто в доме недостает самих вещей, не только человеческого тела. Другой человек приходит домой, но ощущение не меняется. Кажется, будто ты привык видеть на подоконнике другой портрет и портрет на другом подоконнике». [...]

Мир Эминеску строится из комплекса подобных отношений, кратковременных либо продолжительных и плодотворных, с теми, кого он заносит в карманные записные книжки, отмечает в заметках на полях или цитирует в своей публицистике: Сократ, Платон, Аристотель, Гомер, Гораций, Аристофан, Боккаччо, Пифагор, Гераклит, Калидаса, Геродот, Шекспир, Гёте, Гейне, Бёрне, Гумбольдт, Шиллер, Бетховен, Оффенбах, Паскаль, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Палестрина, Рафаэль, Маркс, Лаоцзы, Бебель, Лаплас, Бруно, Дарвин, Спиноза, Галилей, Гербарт, Лейбниц, Байрон, Локк, Смит, Юм, Фейербах, Спенсер, Макиавелли, Мальтус, Гюго, Фихте, Клопшток, Рикардо, Монтескье, Данте, Ламарк, Руссо, Рётшер, Гоголь, Лютер, Гартман, Декарт, Майер, Ньютон, Гельмгольц, Браун, Вольтер, Кларк, Месмер, – и это только самые известные из имен.

Hartmann, Descartes, Meyer, Newton, Helmholtz, Brown, Voltaire, Clarke, Mesmer, pentru ca să-i cităm numai pe cei mai celebri.

Dincolo de felul în care se relaționează personalitatea eminesciană cu fiecare dintre acești filozofi, istorici, scriitori, oameni de știință, se impune o imagine de sinteză, care materializează chintesența gândirii și vieții sufletești atât de dramatice a poetului. Este marea metaforă a universului-carte. În ipostaza romantică de gânditor solitar el stă în față cu „a tomurilor bracuri”, înzestrat cu o disponibilitate irepresibilă de a călători cu gândul înainte și îndărăt „cu mii de veacuri”, în sferile infinitului însuși:

„Altul caută în lume și în vreme adevăr,

De pe galbenele file el adună mii de coji,

A lor nume trecătoare le înseamnă pe răboj...”

Romanticii, în frenezia lor idealist-magică, visau la „o carte ce să obțină forma vieții însăși” (Novalis). Semnul de identitate absolut dintre carte și viață îl caută și Eminescu. Istoria se depozitează la el nu doar în cifruri și semne, ci, trecând prin sala luminoasă și încălzită a talentului, se arată sub chip de file încărcate cu trăire și cu voință irezistibilă de gândire. Universul-carte se asociază roții istoriei, fiindcă foiletarea imită aceeași mișcare rotativă. Foile sunt așezate pe axul gândirii poetice, deschizându-se cu iuțea plăcilor de evantai și rotindu-se dinamic în jurul centrului care le unește. Cojile aparenței, ca și semnificațiile adânci ale evidenței adevărului, sunt rodul dulce-amar al cunoașterii.

Încă într-un proiect dramatic de tinerețe Bătrânul dac, convorbind cu Împăratul (Cezarul), roman, vorbea de o carte unică a existenței umane: „Această religie a tăcerii și a suferinței, a iubirii și a milei este un Nu pus pe cartea istoriei întregi. Înțelesul acestui Nu nu va pătrunde cartea decât cu ’ncetul”.

Filele Binelui alternează cu cele ale Răului, filele Vieții cu cele ale Morții, cele ale Frumosului cu cele ale Urâtului în Cartea existenței, formată din sugestiile tuturor Cărților și ale Vieții însăși. Căci în viziunea eminesciană Viața, care înseamnă multe vieți, se adună în cărți, care reprezintă o singură mare Carte. Hexaedrele cunoștințelor fuzionează într-un singur hexaedru ce râvnește să fie sferă.

„Tu nu știi câte izvoare are această omenire”, – îi reproșează Bătrânul dac Cezarului.

Помимо форм связи Эминеску с каждым из этих философов, историков, писателей, ученых, складывается обобщенный образ, материализующий квинтэссенцию мысли и такой драматичной духовной жизни поэта. Это великая метафора вселенной-книги. В романтической ипостаси одинокого мыслителя он замирает перед «обломками томов», обладая неограниченной свободой мысленно уноситься «на тысячи веков» в будущее или в прошлое, в сферы самой бесконечности:

«Этот гонится за правдой, освещая бездны лет.
Шелуху иной собирает со страниц давно истлевших,
Ряд имен в тетрадь заносит, от забвенья уцелевших...»¹.

Романтики в их идеалистически-магическом исступлении мечтали о «книге, которая обрела бы форму самой жизни» (Новалис). Эминеску тоже ищет знак абсолютного тождества между книгой и жизнью. История выстраивается у него не только в виде кодов и знаков, но, пройдя сквозь светлый и теплый зал таланта, предстает в виде страниц, наполненных переживанием и неудержимой волей мысли. Вселенная-книга ассоциируется с колесом истории, поскольку перелистывание имитирует его вращательное движение. Страницы расположены на оси поэтической мысли, открываясь со скоростью веерных пластинок, и динамично вращаясь вокруг объединяющего их центра. Шелуха видимости, как и глубокий смысл очевидности истины, является сладко-горьким плодом познания.

Уже в драматическом отрывке, созданном Эминеску в юности, Старый дак, беседуя с Римским Императором (Кесарем), говорит о единой книге человеческого бытия: «Эта религия молчания и страдания, любви и милосердия есть НЕТ, положенное на книгу всеобщей истории. Смысл этого НЕТ книга вберет в себя не сразу».

В Книге Бытия, созданной по внушению всех Книг и самой Жизни, страницы Добра перемежаются со страницами Зла, страницы Жизни со страницами Смерти, страницы Красоты со страницами Уродливости. Ведь, в представлении Эминеску, Жизнь, означающая множество жизней, переходит в книги, представляющие собой одну большую Книгу. Шестигранники знаний сливаются в единый шестигранник, стремящийся стать Сферой.

«Ты не знаешь, сколько у этого человечества истоков», – упрекает Старый дак Кесаря.

¹ «Послание I», перевод С. Шервинского. Цит. по: Михаил Эминеску. Избранное. Кишинёв: Литература артистикэ, 1981. – стр. 229

În spațiul bibliotecii. „Ontos concentrat în libros...”

– [...] **Cum arată biblioteca dumneavoastră? Câte volume conține? Care este cea mai valoroasă carte pe care o aveți în bibliotecă? Ce carte din biblioteca personală ați îndrăgit-o cel mai mult? De ce?**

– Biblioteca personală a criticului este zestrea sa intelectuală, pe care nu a pus-o doar în sofale, scrinuri și pe rafturi de nuc și fag [...], ci și-a însușit-o și a valorizat-o sub formă de cunoștințe. Figurat vorbind, a trebuit s-o rețese, să-i schimbe firul de bățătură și însăși urzeala... Zestrea lui textilistă a luat chip de zestre textieră (or, *text* ne trimite anume la sensul etimologic de țesătură!). Am păstrat în casă, dominată până la refuz de bibliotecă, printre – mii de volume – cărțile dragi care m-au format: ediții rare (și nu numai) de Eminescu, Călinescu (printre care ediția princeps a *Istoriei...* și a *Operei lui Mihai Eminescu*), Lovinescu (*Istoria literaturii române contemporane* din 1937), dar și ediții necesare în original și în traducere de Nietzsche, Schopenhauer, Hegel, Kant, ale altor filosofi, volume de Lanson, Sainte-Beuve, Francesco de Sanctis.

Dispun de întreaga colecție *Eminesciana* apărută la *Junimea* din Iași. Nu am egocentrat biblioteca mea personală, ținând-o *pro domo sua*; o bună parte din ea am dăruit-o Centrului Academic Internațional „Mihai Eminescu”.

– **Criticul ar trebui să fie tobă de literatură, să facă mii de corelații în timp ce citește?**

– Personalitatea criticului se construiește piramidal pe cultura sa. Cu cât mai solidă cultură are, cu atât mai solidă este construcția. Criticul poate fi identificat Cărturarului, dar nu unui cărturar în palton ponosit și „mâncat de molii”, limitat la o erudiție superficială. Căci este chemat să aplece mai stăruitor asupra textului și să stabilească o relație vie cu el, relevându-i – hai să invoc imperativele noii și noii-noii critici – demonia *determinărilor* și *deformărilor*, *diferanța*, *dualitatea plăcerilor*, *dragostea cuvintelor* (venită în locul jocului lor). În afară de acestea, care încep chiar cu litera *datoriei*, aș mai aminti întâlnirea celor două conștiințe sau două *cogitouri* și „harul unui limbaj în care se transmite mișcarea însăși

В стенах библиотеки. „Онтоc, собранный в *libros*...”

– [...] Как выглядит Ваша библиотека? Сколько в ней томов? Какая самая ценная книга в Вашей библиотеке? Какой книгой из личной библиотеки Вы дорожите больше всего? Почему?

– Личная библиотека литературного критика – это его интеллектуальное приданое, которое он не только устраивает на кушетках, в ларцах или на полках из ореха и бука [...], но и усваивает и реализует в форме знаний. Образно говоря, он должен переткать свою библиотеку заново, изменить ее плетение и даже саму основу... Его текстильное приданое обретает вид текстуального приданого (поскольку *текст* отсылает нас к своему этимологическому значению, к ткани!). У себя дома, где библиотека господствует в полном смысле слова, среди многих тысяч томов я сохранил книги, которые мне по-настоящему дороги, и которые сыграли большую роль в моем становлении: редкие (и не только) издания Эминеску, Кэлинеску (среди которых первое издание *Истории... и Творчества Михая Эминеску*), Ловинеску (*История современной румынской литературы* 1937 года), но и необходимые издания в оригинале и в переводах из Ницше, Шопенгауэра, Гегеля, Канта, других философов, тома Лансона, Сент-Бёва, Франческо Де Санктиса.

У меня есть вся коллекция *Eminesciana*, опубликованная яским издательством *Junimea*. Свою персональную библиотеку я не сосредоточил вокруг себя, держа ее *pro domo sua*; большую ее часть я подарил Международному Академическому Центру имени Михая Эминеску.

– Должен ли критик быть кладезем литературы, проводить в процессе чтения тысячи ассоциативных связей?

– Словно пирамида на основание, личность критика опирается на его культуру. Чем солидней эта культура, тем прочнее конструкция. Критика можно отождествить с Ученым, но не тем, что носит поношенное и «изъеденное молью» пальто, не выходя за рамки поверхностной эрудиции. Призвание критика состоит в настойчивом постижении текста и в установлении с ним живой связи, выявляя – если обратиться к задачам новой и новейшей критики – демонизм его *детерминированности* и *деформаций*, *диферанс*, *двойственность удовольствий*, *любовь слов* (которая приходит на смену их игре). Кроме вышеназванного, начинающегося на букву долга, я бы указал еще и на встречу двух интеллектов или двух *cogito* с «божьим даром языка, посредством которого

a Ființei” (expresia aceasta aparținând nu unui critic, ci unui poet, Saint-John Perse). Fiind „tobă de carte”, va scoate, astfel, „bătând-o”, sunete rezonante fine, plăcute, nu bubuituri înfundate.

– Îmi scot notițele iarăși pentru a confirma ceea ce spuneți printr-o mărturisire a dumneavoastră despre anii formației în orizontul bibliotecii: „În acești ani (**de studenție – n.n. [A.G.]**), petrecuți în spațiul bibliotecii, pe care am înțeles-o ca pe o lume sub formă de cărți, un *ontos* concentrat în *libros* – o *lume* văzută borgesian (și eminescian) ca bibliotecă – a avut loc întâlnirea mea modelatoare cu George Călinescu. [...]

Lectura operei critice călinesciene trezea în mine fascinația și tentația de a scrie frumos, generând complexul Călinescu, pe care l-am avut o perioadă îndelungată. *Viața lui Eminescu* am citit-o de cel puțin zece ori, astfel încât, dacă printr-o fatală întâmplare ar dispărea toate exemplarele tipărite, aș putea s-o refac din memorie.

Astfel am descoperit paradoxalul adevăr psihologic că printr-o îndelungată și profundă relecturare poți înlătura complexul de dominare paternă a autorului admirat”.

– [...] **Ce înțeles are lectura clasicilor într-o lume în care lectura s-a devalorizat tot mai mult?**

– E adevărat, se citește mai puțin, iar cartea are mai puțină căutare (pe piață, nu și în biblioteci). Și totuși iubirea... de carte. Cartea rămâne necesitate de comunicare în intimitate și de informare profesională, lectura cărții beletristice procurând încă o satisfacție estetică, o plăcere a textului nu doar scriitorului, ci și cititorului, care e crezut chiar de Umberto Eco, lector-semiotician, ordonator de sensuri, personaj principal în galaxia textului. *Sfârșitul literaturii* e o nerozie, ca și *sfârșitul lumii*, ca și *sfârșitul lui Dumnezeu*, care se produce – spune Heidegger – din simplul motiv că ființa slabă a omului nu poate înțelege sensul Divinității. Derrida găsește în conceptul „sfârșitul cărții, începutului scriiturii” doar un paradox, căci nu se știe unde începe scriitura. [...]

передается движение самой Сущности» (эти слова принадлежат не критику, а поэту – Сен-Жон Персу). Будучи «кладезем книг», он становится источником звучных, тонких и приятных звуков, а не глухого гула.

– Я вновь обращаюсь к выпискам, чтобы удостоверить сказанное Вами когда-то о годах Вашего учения в лоне библиотеки: «В те (**студенческие – примеч. наше [А.Г.]** годы, что я провел в стенах библиотеки, которая была для меня неким миром в форме книг, *онтосом*, собранным в *libros* – миром, который, как у Борхеса (и Эминеску) был устроен в форме библиотеки –, произошла моя решающая встреча с Джордже Кэлинеску. [...]

Чтение критических работ Кэлинеску меня просто завораживало, рождало во мне желание писать красиво, создав, таким образом, комплекс Кэлинеску, который оставался у меня долгое время. *Жизнь Эминеску* я перечитал как минимум десять раз, так что, если в результате некоего несчастного случая исчезнут все печатные экземпляры этой книги, я смог бы восстановить ее по памяти.

Так я открыл для себя парадоксальную психологическую истину, согласно которой путем продолжительного и глубокого перечитывания можно избавиться от комплекса доминирующего эталона обожаемого автора».

– [...] **Каково значение классической литературы в эпоху, когда чтение книг лишилось былой ценности?**

– Действительно, сегодня читают меньше, а книга пользуется меньшим спросом (на рынке, не в библиотеке). И все-таки любовь... к книге. Книга остается необходимостью интимного диалога и профессионального осведомления. Чтение художественной литературы доставляет еще и эстетическое наслаждение, удовольствие от текста не только для писателя, но и читателя, которого даже лектор и специалист по семиотике Умберто Эко считает лицом, упорядочивающим смыслы, главным героем в галактике текста. *Конец литературы* – такая же нелепость, как и *конец света* или *кончина Бога*, которая возникает – по словам Хайдеггера – по той простой причине, что слабая сущность человека не в состоянии постигнуть смысла Божества. Деррида видит в концепции «конец книги, начало письма» лишь парадокс, поскольку неизвестно, откуда письмо берет свое начало. [...]

Vasile ROMANCIUC

Bibliotecile

Lui Leo Butnaru

Aici vine sufletul
să se bucure, gândul
să muncească, vederea
să împrumute lumină

aici, în această oază
împuținând deșertul
și deșertăciunea,
înmulțind iubirea, speranțele

dacă n-ar fi, nu s-ar povesti,
dar este:
timpul dinlăuntrul unei biblioteci
este altul decât cel din afara ei
aici, într-o zi, crești cât alții, din afară,
într-un an, într-un veac, într-o viață,
aici este
*tinerețe fără bătrânețe
și viață fără de moarte*

Biblioteci – teci
pentru săbiile ascuțite
ale spiritului,

Василе РОМАНЧУК

Библиотеки

Посвящается Лео Бутнару

Сюда душа приходит
радоваться, мысль
трудиться, взгляд
набираться света

сюда, в этот оазис
уменьшая пустыни
и все пустое,
умножая любовь, надежды

не будь того, и слухи не ходили б,
но так и есть:
время внутри библиотеки
течет не так как снаружи
здесь за день вырастаешь, как другие
за год, за столетье, за жизнь,
здесь
вечная молодость
и бессмертная жизнь

Библиотеки, возможно, – ножны
для острых сабель
духа,

pentru săbiile neruginitoare
ale cuvântului –
așa ar fi zis Alexandru Macedon
după ce a văzut în vis
viitoarea Bibliotecă
din viitorul oraș Alexandria

1998

Pâinea noastră cea de toate filele

*Cu drag, Bibliotecii Naționale
pentru Copii Ion Creangă*

Tu, suflete mereu înfometat,
simți? –
pâinea ta s-a copt:
miroase-a carte nouă,
miroase-a carte proaspătă...

Tu, vrednică furnică, poți fi mulțumită –
litera trebăluind în file
îți este soră dreaptă:
miroase-a carte nouă,
miroase-a carte proaspătă...

Tu, soare înțelept,
mai generos, mai rodnic strălucești –
lumina ochilor lui Borges s-a mutat în tine:
miroase-a carte nouă,
miroase-a carte proaspătă...

Tu, dragul meu copil, să nu te îndoiești –
ziua de mâine va găsi
drumul spre casa noastră:
miroase-a carte nouă,
miroase-a carte proaspătă...

для нержавеющей сабель
слова –
так сказал бы Александр Македонский
увидев во сне
будущую Библиотеку
будущей Александрии

1998

Хлеб наш книжный

*С любовью, Национальной Детской
Библиотеке имени Иона Крянгэ*

Ты, всегда голодная душа,
чувствуешь? –
твой хлеб испекся:
пахнет новой книгой,
пахнет свежей книгой...

Ты, прилежный муравей, можешь быть доволен:
суетящаяся на страницах буква –
твоя родная сестра:
пахнет новой книгой,
пахнет свежей книгой...

Ты, мудрое солнце,
светишь щедрей, благодатней –
свет из глаз Борхеса слился с тобой:
пахнет новой книгой,
пахнет свежей книгой...

Ты, дорогой мой ребенок, не сомневайся –
завтрашний день найдет
дорогу к нашему дому:
пахнет новой книгой,
пахнет свежей книгой...

Început

*Voinicul cel cu cartea în mână născut
(de la Ispirescu citire-recitare)
devine el însuși, cu timpul, o carte,
o carte de pilde și învățături,
de se miră toată lumea...*

Cartea pe care Domnul
ți-o pune în mână
Diavolul nu ți-o poate smulge –
cu ea, alungi șoarecii din biserică;
cu ea, căzut în prăpastie,
ieși din nou, încet-încet, la lumină.

„Dar, fiule, auzi glasul lui Dumnezeu,
ține minte:
cartea pe care, la naștere,
ți-o dăruiesc
nu e decât un început
de bibliotecă...”

Borges

Inimi luminate
de punctul de vedere
al Orbului...

Biblioteca noaptea

Rafturi lungi
cât un vers de Whitman.
Cărți așteptând dimineața.

Начало

*Богатырь, рожденный с книгой в руках
(если прочитать-перечитать Испиреску),
сам со временем становится книгой,
книгой притч и поучений,
на удивление всему миру...*

Книга, которую Бог
вкладывает тебе в руки
Дьявол не сможет вырвать –
с ней прогоняешь из церкви мышей;
с нею, упав в пропасть,
вновь постепенно выходишь к свету.

«Но, сын Мой, слышишь глас Бога,
запомни:
книга, что тебе при рождении
дарю,
всего лишь начало
библиотеки...»

Борхес

Сердца, просветленные
точкой зрения
Слепого...

Библиотека ночью

Длинные полки,
как строфы Уитмена.
Книги в ожидании утра.

Iulian FILIP

Lecturi foarte fugare

(studiu fotografic)

Atât de mult nu aveau ochi să-l vadă,
încât au hotărât să-i ardă cărțile,
pe care n-au avut ochi
să le citească...
Atât de încrâncenat rug au clădit,
atâtea lemne –
pe măsura urii pe care i-o purtau, –
încât
la cer se-nălța focul
cu limbi arzătoare de ură,
și cum cărau cărțile lui multe,
le mai scăpau pe jos
și câte unul,
îngenunchind să le ridice,
înfigea ochii în paginile deschise,
scăpătând în lecturi fugare
pe rânduri luminate neobișnuit
de ruguri înălțate din ură
și ceilalți îi cătau fugar peste umăr,
și lumina fierbinte a marelui rug
în cel mai accidental mod
favoriza lectura.

Юлиан ФИЛИП

Мимолетные страницы

(фото-исследование)

Он так глаза им намозолил,
что сжечь задумали все его книги,
которые они читать
и видеть больше не хотели...
Такой костер они сложили жуткий,
из стольких веток –
впору своей злобе, –
что
пламя устремилось в небо
озлобленными языками,
и, волоча все его книги,
теряя их в пути,
по одному,
склоняясь, чтобы подобрать их,
впивали вдруг свой взор в открытые страницы,
скользя в недолгом чтении
по строкам, непривычно освещенным
кострами, сложенными в злобе,
другие мимолетным взглядом
глядели им через плечо,
а жаркий свет костра случайно
благоприятствовал их чтенью.

Nicolae DABIJA

Și cărțile au suflet

Și cărțile au suflet: uneori
le și auzi, în preajmă, cum respiră,
cum plâng, cum râd cu tine, cum se miră
și-ți fac din zile moarte – sărbători.

Sunt cărți ce te urără și iubiră
și cărți care te-au învățat să zbori
sau, la dueluri, când te-ai dus să mori,
ca niște secundanți, te însoțiră.

Cărți vii pe care, când le ai în față,
și, ca pe niște vietăți, când le mângâi:
le simți cum te resping sau te răsfăță...

Cărți care te îndeamnă să rămâi –
să poți trăi, cu ele, înc-o viață:
iubirea de pe urmă, iubirea cea dintâi...

Николае ДАБИЖА

У книг есть тоже души

У книг есть тоже души: иногда
дыханье их услышать можно рядом,
их плач и смех, – и дни, что были адом,
вдруг праздником становятся тогда.

Одни тебе изрядно досаждали.
Другие ты всегда любил читать,
они тебя учили ввысь взлетать
и на дуэль тебя сопровождали.

Они живут: лишь только их откроешь,
погладишь, как живые существа,
и сразу узнаешь, чего ты стоишь...

Они источник грез и волшебства:
ты с ними жизнь еще одну построишь
в любви земной, в сиянье божества...

O revistă ca o bibliotecă...

După război, în Basarabia au fost închise aproape toate bisericile. Fuseseră lăsate doar câteva situate pe traseul turiștilor, ca străinii să vadă că în URSS „credința nu e interzisă”.

Și atunci oamenii, în lipsa unor lăcașe în care să se roage, au găsit drumul spre biblioteci. Acolo s-au mutat credincioșii. Biblioteca devenise biserică.

Mi-aduc și-acum aminte de duminicile când biblioteca foia de lume. Oamenii veneau să aducă volumele citite, dar și să ia altele. Să facă un schimb de păreri despre cărți și lume.

Generația noastră, flămândă și desculță, a crescut între acele cărți. Ele ne-au ajutat să supraviețuim. Cărțile scrise de Eminescu, Creangă, Hasdeu, Russo, Alecsandri, Trifan Baltă... Un unchi al meu, Tudor Dabija, de profesie prășitor, și cumnatul poetului Pavel Boțu, Tudor Cobzac, de meserie cioban, erau cititori fanatici. Duminicile stătea tot satul ciucure în jurul lor și ei povesteau cărți. Nu-mi imaginez azi ca tot satul nostru să citească așa cum o făcea atunci, *Harap-Alb*, *Nicoară Potcoavă*, *Cântarea României*... Cădeau foile din cărți, multe erau cu copertele lipsă: ce cărți vesele, spre deosebire de multe dintre cărțile triste de azi, pe care nu le deschide nimeni. Pe alocuri cititorii deveneau și autori. Citisem pe atunci povestirea *Taras Bulba*, cu câteva file anexate la sfârșit scrise de mână – cele tipărite dispăruseră în urma unor lecturi, – care încheiau cu totul altfel povestirea lui Nikolai Gogol, și atunci când am povestit la școală un cu totul alt deznodământ, optimist, profesorul de la școala din satul vecin, undemi făceam studiile, m-a sancționat cu o notă rea. Era improvizația unui consătean/ unei consătențe, care-mi plăcuse mai mult decât așa cum își terminase cartea scriitorul rus... [...]

Журнал как библиотека...

После войны в Бессарабии почти все церкви были закрыты. Оставили лишь несколько, которые находились вдоль туристических маршрутов, чтобы иностранцы видели, что в СССР «вера не запрещена».

И тогда, в отсутствии мест для всеобщей молитвы, люди устремились в библиотеки. Все верующие перешли туда. Библиотека стала церковью.

Мне и сегодня вспоминаются те воскресенья, когда библиотека была полна народа. Люди приносили сюда прочитанные тома и брали новые. Обменивались впечатлениями о книгах и мире.

Наше поколение, голодное и разутое, выросло среди тех книг. Они помогли нам выжить. Книги, написанные Эминеску, Крянгэ, Хашдеу, Руссо, Александри, Трифаном Балтэ... Мой дядя, Тудор Дабижа, который всю жизнь полон бурьян, и Тудор Кобзак, шурин поэта Павла Боцу, чабан по профессии, были фанатичными читателями. По воскресеньям все село собиралось вокруг них, а они пересказывали книги. Сегодня мне трудно себе представить, чтобы все наше село читало так, как тогда читали *Белого Арапа*, *Никоарэ Подкову*, *Песнь Румынии*... Из книг выпадали страницы, многие тома были без переплета: какие же это были веселые книги, в отличие от многих сегодняшних печальных, которые никто не открывает. Иногда читатели становились и авторами. Тогда я как раз прочитал повесть *Тарас Бульба*, в конце которой было несколько приклеенных и написанных от руки страниц – печатные листы пропали после предыдущих чтений, – и которые совершенно иначе завершали повесть Николая Гоголя. И когда я рассказал в школе совсем другую, оптимистичную развязку, учитель из соседнего села, где я учился, наказал меня плохой оценкой. Это была импровизация какого-то односельчанина или односельчанки, которая понравилась мне намного больше того, как закончил свою книгу русский писатель... [...]

Eugen CIOCLEA

Metamorfoză

La început te citeam
ca pe o revistă săptămânală,
cu buzele răsfoindu-te de la un capăt
la altul,
scăpat prin poarta uzinei
ca unul din marinarii lui Melville
din *Moby Dick* de pe Pequod,
cu permis.
Te citeam lacom, cu înflăcărare
și crâncen într-un tren suburban,
pierdut între realitate și vis.
Ca pe *L'Humanité dimanche* te citeam,
cu dicționarul, și curios la culme să știu
oare cum
vei fi arătând în sanscrită,
ferindu-te în buzunarul interior
de la piept
de limba infectă a străzii,
mereu în delir
și răstită.
Degrabă însă
ai început să-mi vii regulat.
Am aranjat cu ofițerul stării civile
un fel de abonament cu avans.
Mașina poștei trase la scară.

Еуджен ЧОКЛЯ

Превращение

В начале я читал тебя
словно еженедельный журнал,
губами перелистывал с одного конца
до другого,
проскочив через проходную завода,
как один из матросов Мелвилла
из *Моби Дика* на «Пекоде»,
с пропуском.
Я читал тебя запоем, поглощая
нешадно в пригородном поезде,
потонувшем между сном и реальностью.
Я читал тебя как *L'Humanité dimanche*,
со словарем, сгорая от любопытства узнать
как же
ты будешь смотреться на санскрите,
храня тебя во внутреннем кармане
на груди
от зловонного языка улицы,
неизменно бредового
и грубого.
Однако вскоре
ты стала приходиться ко мне регулярно.
С сотрудником загса я заранее
договорился о своего рода карт-бланше.
Подогнал к подъезду почтовую машину.

Mă porăiam cu cheile în lacăt
când te-am văzut
brusc prefăcându-te într-o
Gazetă de seară.
Acum stau tolănit și îți umblu la nervi,
cu un creion colorat între dinți.
Decupez programul TV.
Rezolv cuvinte încrucișate.
Pe la prânz îmi povestești delicios
cu cât s-a vândut la Paris
(100 000 franci)
nu *Comedia umană*,
ci cartea lui Honoré de Balzac,
cea de bucate.
Iubito, slabă cum ești,
îți și văd perspectiva.
Spun și mă bat peste gură.
O să ajungi în curând gazeta mea
de perete.

Cezar a trecut Rubiconul
mai ușor decât noi
prin cenzură.

Я возился с ключами в дверях
когда увидел
как ты вдруг превратилась в
Вечернюю газету.
Теперь я лежу и действую тебе на нервы,
зажав в зубах цветной карандаш.
Вырезаю программу телепередач.
Решаю кроссворды.
К обеду ты со вкусом рассказываешь,
за сколько в Париже продали
(за 100 000 франков)
не *Человеческую комедию*,
а книгу Оноре де Бальзака
о еде.
Любимая, ты так исхудала,
я вижу твои перспективы.
Говорю и бью себя по губам.
Ты скоро станешь моей
стенгазетой.

Цезарь переступил Рубикон
легче чем мы через
цензуру.

Leo BUTNARU

Mă încumet

!Ai!
o luarăți cam trivial, senior Don Quijote. !Q!
(Ce bine e că am și litera Q
în mașina aceasta de dactilografiat adaptată
după una slavonă! Sau poate chineză?... Nu
mai țin minte...) Nu vă supărați
însă cam trivial o luarăți, vorbindu-mi ceea ce
mi-ați vorbit până acum
în ce mă privește
permiteți-mi să mă încumet a crede că
vraiștea întrebare neo-hamletiană ar fi
următoarea: „Ce ar fi comun între
Marea Carte a lui Cervantes și
Cartea Marilor Drepturi ale Omului?”
Eu
spre exemplu, gășind o asemănare perfectă – lupta cu
morile de vânt și
toate celelalte feluri...
Vâj, vâj!

6.VII.1993 // 2.VI.1998

Odă Marelui Cititor

[...]
O, cititor sedus, meriți și tu o odă! Prin
forța lucrurilor și a lecturilor
ești complicele autorului înduioșat la gândul
de a trăi prin poemul său un transplant

Лео БУТНАРУ

Осмелюсь

!Ай!

вы несколько тривиальны, сеньор Дон Кихот. !Q!
(Как хорошо, что у моей письменной машинки,
подогнанной под славянскую (или, может, китайскую,
впрочем, я уже и не помню...)

есть буква Q) Не обижайтесь,
но вы несколько тривиальны, говоря мне то,
о чем говорили до сих пор,
что касается меня

позвольте мне осмелиться предположить, что
сумбурный нео-гамлетовский вопрос состоит
в следующем: «Что общего между
Великой Книгой Сервантеса и
Книгой Великих Прав Человека?»

Я

например, нахожу в них совершенное сходство – борьба с
ветряными и

иными видами мельниц...

Вжих-вжих!

6.VII.1993 // 2.VI.1998

Ода великому Читателю

[...]

О, читатель, поддавшийся искушению, и тебе полагается ода!
Благодаря стечению обстоятельств и прочитанным книгам
ты – сообщник писателя, растроганного мыслью
о том, чтобы прожить жизнь трансплантата

din sine în altul – acestuia
oferindu-i dezinteresat ocazia de a fi
și el (tu) CINEVA.
O, cititor talentat
ce mai! Cititor atât de bun încât
n-ar fi păcat ca numele tău să fie tipărit pe carte alături de cel
al autorului; în egală măsură
voi dați valoare literaturii – presupun, pentru că
în poezie nici un presupus nu e de neglijat
el, presupusul, armonizând perfect cu incertitudinea
atotdevoratoarei conștiințe a lumii și scriptorului
ce-ți închină, o, cititorule, oda în care
se află cu o idee mai mult decât
sentimentele pe care le emană; ideea cu
Heraclit ce te poate învăța a străbate drumul de la
un nimeni-anonimeni la un erou, – o
talentatule, priceputule cititor despre care
n-au aflat doar analfabeții,
de parcă
întreaga-ți viață tu ai trăit în interiorul poemului care
trebuie obligatoriu citit, deoarece
Marele Cititor nu se poate percepe la auz
după ureche...

3. VI.2000

Autori, cerneluri

la ora tușelor și retușărilor vespérale
renaște un om dintr-o pasăre
se re-alcătuieste un suflet dintr-un zbor
și dintr-un orizont
și pergamentele își re-umezesc cernelurile secrete
caligrafiile psalmilor, vinițelor vineții – anume
în atare stare îmi place să le recitesc
să fac strigarea catalogului bibliografic din Alexandria:
autorul? titlul? anul nașterii? cel al nenorocirii
prin neantizare?

себя в другом, бескорыстно
давая возможность
и ему (тебе) побыть КЕМ-ТО.
О, читатель, наделенный талантом,
что тут прибавить! Читатель, настолько одаренный, что
не грех поставить и твое имя рядом с именем
автора; вы в равной степени
придаете литературе ценность – полагаю, оттого, что
в поэзии не следует пренебрегать ни одним предположением,
преобладающим в совершенной гармонии с неопределенностью
всепожирающего сознания мира и писаря,
посвящающего тебе, о читатель, оду, в которой
на одну идею больше, чем
источаемых чувств; идея о
Гераклите, который может научить тебя пройти путь
от безвестного и бессловесного – до героя, –
талантливейший, умнейший читатель, о котором
не слышали только безграмотные,
словно
всю свою жизнь ты прожил внутри поэмы, которую
следует непременно прочесть, ведь
Великого Читателя не постигнуть
на слух...

3.VI.2000

Авторы, чернила

в час вечерних рисунков и прорисовок
из птицы вновь рождается человек
полет и горизонт пре-образуют
новую душу
пергаменты вновь наполняют влагой тайные чернила
каллиграфию псалмов, синеватые виньетки – именно
в таком состоянии мне нравится их перечитывать
выкрикивать александрийский библиографический каталог:
автор? название? год рождения? злосчастный год
ухода в небытие?

fertilitățile antichităților
fertilitatea pioșilor copiști în
cărțile-cenotaf
în cimitirele enciclopediilor – pretutindeni
renaște ceva
re-alcătuindu-se, re-scriindu-se cu
cerneluri de viață lungă, chiar dacă nu
eterne

28.VI.2003

Semne de carte

...poate
poemele stau în cărți
ca semnele de carte
între viață
și
moarte

iar pe poeții
ziși nemuritori
îi răsfață
stând altfel –
între moarte
și
viață...

8.VII.2005

Expertiză

analizele comparative prin
tratarea cu carbon au demonstrat
că nu există diferențe între
scrumul părții a doua din „Eneida” lui Vergilius
și scrumul părții a doua a
„Sufletelor moarte” a(le) lui Gogol
(a nu se confunda cu: google...)

22.IX.2005

плодовитость древних миров
плодовитость благочестивых переписчиков в
книгах-надгробиях
в кладбищах энциклопедий – повсюду
что-то возрождается
пре-образуясь, пере-писываясь
чернилами долгой, пусть и не вечной
жизни

28.VI.2003

Книжные закладки

...может
поэмы пребывают в книгах
как книжные закладки
между жизнью
и
смертью

а поэтов
называемых бессмертными
привечают
иначе –
между смертью
и
жизнью...

8.VII.2005

Экспертиза

сравнительный радиоуглеродный
анализ показал, что
нет никакой разницы между
пеплом второй части «Энеиды» Вергилия
и пеплом второй части
«Мертвых душ» Гоголя
(не путать с гуглом...)

22.IX.2005

Cu un număr-două mai mare

de regulă
poemele esențializate
concise
sunt
cu un număr-două mai mari
decât prezentul –
în vederea fireștii
creșteri a copilului
cititorului...

23.IX.2005

Cartea unică

Lui Gh. Ayghi

Pe la 16 ani
visasem CARTEA UNICĂ
adică
a UNI-
VERSULUI – o
dublă avere:
CARTEA
era
cu autograful Lui DUMNEZEU.

12.X.2005

Cartea

exact precum spune Geneza – turnul
se înalță
și furnicarul de fii ai lui Noe căra
tăbârcea
cărămidă mortar
mortar cărămidă

На один-два размера больше

как правило
сжатые и сведенные
к сути
поэмы
на один-два размера больше
нынешнего –
с учетом естественного
роста ребенка
читателя...

23.IX.2005

Уникальная книга

Посвящается Г. Айги

В 16 лет
мне приснилась УНИКАЛЬНАЯ КНИГА
то есть
книга УНИ-
ВЕРСУМА –
богатство вдвойне:
КНИГА
была
с автографом БОГА.

12.X.2005

Книга

в точности, как в Бытии – башня
возносится
и скопище сынов Ноевых тащило
влачило
кирпич раствор
раствор кирпич

și turnul mai creștea
cu un metru
cu o sută de metri
și furnicarul bipezilor se înălța
cu stive de cărămizi
cu târgi de mortar – precum spune
până la un punct Geneza
Testamentul...

...și doar
un biet rătăcit cu o carte în mână
se pomenise în iureșul de furnicătoare râvnă
și toți ceilalți care cărau mortar cărămidă
cărămidă mortar
prinseră a hohoti
prinseră a râde până la lacrimi
de naiitatea ăluia care
urca și el bietul
cu o carte în mână...

...astfel că Domnul Dumnezeu s-a înfuriat
și pedepsi pentru îndrăzneala lor nesăbuită
de a râde de cel ce suia
cu o carte în mână
și Domnul Dumnezeu a dărâmat turnul
nelăsând cărămidă pe cărămidă
mortar între cărămizi

bineînțeles
cartea rămăsese nu doar întreagă
ci și binecuvântată...

4.XI.2008

и башня поднималась еще
на метр
на сто метров
и скопище двуногих возвышалось
на штабелях кирпичей
на носилках раствора – как говорит
до какого-то места Бытие
Завет...

...и лишь
несчастный заблудший с книгой в руке
попал в поток роящегося рвения
и все, кто тащил раствор кирпич
кирпич раствор
начали хохотать
начали смеяться до слез
над наивностью того, кто
как и они поднимался, несчастный,
с книгой в руке...

...потому Господь Бог исполнился гнева
и покарал их за безрассудную дерзость –
смеяться над тем, кто поднимался
с книгой в руке
и Господь Бог разрушил башню
не оставив и кирпича на кирпиче
раствора между кирпичей

книгу Господь Бог, разумеется
не только оставил в целости,
но и благословил...

4.XI.2008

Eugen LUNGU

Spune-mi ce citești ca să-ți spun ce scrii

Cititul ca ritual

Știm mai puține despre deliciale anticilor care scoteau din fridele bibliotecilor așa-zisele *volumina*, sulurile de papirus desfășurate-înfășurate manual, ca niște benzi primitive de magnetofon. Care trebuie să fi fost senzațiile olfactive la citirea *codex*-urilor, primele cărți legate, cu filele din pergament, adică din piei de animale? Ce plăcere (sau precauții?) presupunea parcurgerea tăblițelor de lut sau a celor cerate? Introducerea tiparului uniformizează într-un fel cititul ca proces, deși ritualul poate fi unul de accepție individuală.

Sunt unii pentru care cartea e o boală, o manie vecină cu nebunia. Ei o posedă cu feroarea maniacală, ca pe o victimă. De regulă, aceștia nu sunt interesați de conținutul cărții, ci de valoarea ei bibliofilă. În mâinile lor cartea nu mai prezintă un interes cultural, ci unul meschin pecuniar, chiar dacă fac din ea un cult și sunt gata să se sacrifice pentru a o obține.

Asemenea forme grele ale „iubirii” de carte erau descrise de Charles Nodier și Gustave Flaubert în texte intitulate (probabil prin forța împrejurărilor) aproape identic: *Bibliomanul* (Nodier) și *Bibliomania* (Flaubert). Sau de Georges Duhamel în *Despre amatori*.

Cei care prețuiesc cartea pentru valoarea ei intrinsecă, de bun spiritual (detest acest clișeu, dar cade la țanc!) au și un alt cult și o altă etichetă în relațiile cu ea.

Găsesc la criticul și eseistul englez Charles Lamb (1775-1834) în *Gânduri răzlețe despre cărți și lecturi* (1822) un riguros ceremonial

Еуджен ЛУНГУ

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, что ты пишешь

Чтение как ритуал

Мы почти ничего не знаем об удовольствии древних, вынимавших из библиотечных ниш так называемые *volumina*, папирусные свитки, которые разворачивались и свертывались вручную, подобно примитивным магнитофонным лентам. Какие обонятельные ощущения испытывали они, читая *кодексы*, первые переплетенные книги, страницы которых были изготовлены из кожи животных, или пергамента? В чем состояло удовольствие (или осторожность) при чтении глиняных или вошечных табличек? Появление книгопечатания придало чтению как процессу некоторое единообразие, хотя ритуал может носить и индивидуальный характер.

Для некоторых книга – это болезнь, мания, граничащая с безумием. Такие люди с маниакальным пылом заключают ее в свои владения, словно жертву. Как правило, их интересует не содержание книги, а ее библиофильская ценность. Для них книга не представляет никакого культурного интереса, а сводится лишь к своему денежному эквиваленту, даже не смотря на то, что они возводят книгу в культ и готовы многим пожертвовать, чтобы ее заполучить.

Эту непростую форму «любви» к книге описали Шарль Нодье и Гюстав Флобер в текстах, носящих (возможно, в силу некоторых обстоятельств) почти одинаковые названия: *Библиоман* (Нодье) и *Библиомания* (Флобер). Или Жорж Дюамель в тексте *О любителей*.

Однако у тех, кто действительно ценит книги как духовное благо (ненавижу это клише, но здесь оно придется кстати), сложился в ее отношении другой культ и другой этикет.

В *Разрозненных мыслях о книгах и чтении* (1822) английский критик и эссеист Чарльз Лэмб (1775-1834) пишет о строгом церемониале чтения,

al lecturilor, cu o ierarhie calitativă? emotivă? a cărții potrivite unor anumite ore și prilejuri. Este foarte important, crede el, când și unde citești o carte. În cele cinci minute rămase până la prânz nu vei încerca niciodată să parcurgi grăbit gravele predici ale episcopului Andrews. Un Milton se citește însă numai după un solemn preludiv muzical, deoarece opera lui Milton e ea însăși o muzică. Serile de iarnă, solitare, sunt create parcă pentru o lectură din nobilul Shakespeare... În asemenea momente sunt cât se poate de nimerite *Furtuna* sau *Poveste de iarnă*. Dimpotrivă, într-o clipă de răgaz, la masa unei taverne vei prefera ceva picant, ușor frivol, cum ar fi *Amantul din familia regală și lady G.* sau *Admiratoarea lui Platon și bătrânul fustangiu*. Mai există, adaugă eseistul, și lectura-furt: așa cum citise un amic al său *Clarissa Harlowe*, romanul epistolar al lui Richardson – câte două-trei fragmente mici, venind zilnic la taraba unui vânzător de cărți, până când ăsta l-a întrebat enervat: „Ei bine, îl cumperi sau nu?”

Doar la Baudelaire mai găseam o atât de expresivă și aproape mistică asociere între anumite sorturi de vin și anumite feluri de muzică, ambele entități țâșnind într-o perfectă acoladă...

Pentru Lamb ritualul începe de la copertă: aceasta trebuie să se potrivească în mod firesc cărții; altfel îi falsifică fondul. Un volum de Milton sau Shakespeare nu are nevoie de veșminte luxoase; *Anotimpurilor* lui James Thomson le stă mult mai bine când cartea e chiar ruptă puțin, iar filele au colțurile ușor îndoite – asta îi conferă noblețea uzului. Doar pentru ducesa Cavendish și cartea exagerat-votivă închinată răposatului ei soț eseistul face o excepție – nici o copertă nu e îndeajuns de somptuoasă pentru un asemenea op. În genere, crede el, „cu cât o carte e mai bună, cu atât mai puține pretenții trebuie să avem față de coperta acesteia”.

Capriciile bibliofile îl supărau și pe G. Călinescu. Atenția exagerată față de „îmbrăcătura cărții, raritatea ei, hârtia, filigrana” e o manie a superficialilor. Da, cartea ca „hrană a spiritului, trebuie să fie bine înveșmântată. Coperta decentă și fină, tiparul corect, ediția bine îngrijită, cartea în colecție sunt imperative ale bunului-gust livresc. [...] Însă eu, de pildă, mănânc cărți, adică vreau să spun mestec conținutul lor. Doresc vin bun în pahare Baccarat suave, dar când n-am Baccarat, același vin îl beau și în ulcică”. Protocolul călinescian care anticipă

предполагающем качественную? эмоциональную? иерархию книг, подобранных для определенных часов и поводов. Очень важно, считает он, когда и где читать книги. За пять минут, оставшихся до начала обеда, не станешь и пытаться наспех пробежаться по величавым проповедям епископа Эндрюса. Мильтона следует читать только после торжественной музыкальной прелюдии, поскольку творчество Мильтона само по себе музыка. Одинокие зимние вечера словно созданы для чтения благородного Шекспира... Для таких моментов лучше всего подойдут *Буря* или *Зимняя сказка*. Напротив, в часы досуга, за столом какой-нибудь таверны можно отдать предпочтение чему-либо пикантному, слегка фривольному, например *Любовнику королевской семьи и леди Г.* или *Поклоннице Платона и старому волоките*. Существует, добавляет эссеист, еще и чтение-воровство: так, один его приятель читал *Клариссу Харлоу*, эпистолярный роман Ричардсона, ежедневно приходя к продавцу книг и читая по два-три маленьких фрагмента, до тех пор, пока продавец с раздражением не спросил: «Так вы все-таки купите книгу или нет?»

Лишь у Бодлера я встречал такую же выразительную и почти мистическую связь между некоторыми сортами вина и определенными видами музыки, которые сливались в совершенную акколаду...

Для Лэмба ритуал начинается с обложки: она должна естественным образом соответствовать книге; в противном случае она искажает ее содержание. Том Мильтона или Шекспира не нуждается в роскошных одеяниях; *Временам года* Джеймса Томсона даже больше к лицу, когда книга слегка потрепана, а уголки страниц немного загнуты – это придает ей благородство износа. И только для герцогини Кавендиш и чрезмерно-посвятительной книги, написанной в честь ее усопшего мужа, эссеист делает исключение: для таких опусов ни одна обложка не будет достаточно пышной. Вообще, считает он, «чем книга лучше, тем меньше требований мы должны предъявлять к ее обложке».

Библиофильские капризы раздражали Дж. Кэлинеску. Чрезмерное внимание к «облачению книги, ее редкости, бумаге, филиграни» – не больше чем мания поверхностных людей. Да, книга в качестве «духовной пищи, должна быть хорошо одета. Приличная и изящная обложка, правильная печать, хорошо отредактированное издание, книжная серия являются необходимой составляющей книжного хорошего вкуса. [...] Однако я, например, поглащаю книги, то есть, хочу сказать, что я пережевываю их содержимое. Мне хочется хорошего вина в хрустальных стаканах Баккара, но когда у меня нет Баккара, то же самое вино я пью из кувшина». Протоколы Кэлинеску, предваряющие удовольствие от чтения как такового, содержат еще один деликатный этап – разре-

plăcerea propriu-zisă a lecturii mai conține o delicată fază – tăierea cărții. „Defloarea” cărții începe cu un preludiv cvasierotic: „Lectura unei cărți e un act intim ca îmbrățișarea și sărutul, și sărutările nu se dau pe stradă” (remarc, între paranteze, că lui Lamb i se făcea milă de scăpătații care citeau în stradă). „Nici tăierea cărții nu se face la întâmplare, continuă Călinescu, alunecând neașteptat în gastronomie. Întâi de toate un iubitor al cărții ține s-o taie el însuși. Decuparea cărții e un moment delicios, de nerăbdare. A lăsa pe altul să-ți taie o carte e cum ai lăsa să ți se vâre bucătura în gură”. Și acum, momentul culminant: „Din tăierea cărții rezultă o scamă care e grațioasă, plăcută ca talașul tâmplarului sau ca firul de păr al fetei luat pe haină. Un document al comuniunii. Nu mi se pare indiferent cu ce tai o carte. Repudiez astfel acul de cap, chibritul, degetele care taie brutal hârtia, cuțitul de masă”. Cărțile netăiate îl aruncă într-o profundă dezolare, criticul procedând în consecință: „Totdeauna am fost mișcat de tristețea cărților netăiate în bibliotecă. Ele sunt făcute să fie citite și aerul lor mi s-a părut stânjenit ca al unor vestale fără vocație. Întrând mai deunăzi într-o bibliotecă..., am auzit suspinele discrete ale unor excelente ediții de nimeni atinse. Atunci am luat un *coupe-papier* și am început să tai”.

Cunosc senzația. Prin oculțe minuni au ajuns în biblioteca mea unele volume tipărite în interbelic. Câteva purtau exlibrisul unor marcante personalități românești. Cărțile erau netăiate. Tehnica de tipar de azi ne salvează în acest sens în ochii generațiilor viitoare.

O ultimă etapă a ritualului este *apostilarea*, cum îi zice Călinescu. Mai simplu: notele făcute pe margini sau simplele sublinieri. Aici autorul *Istoriei...* apelează și el la savanta tehnică în materie a lui P. Zarifopol.

Am recurs la acest extins interludiu dintr-un singur motiv – nu am observat în *Cititul și scrisul* [de N. Manolescu] vreun tic ritualic vizavi de carte. Poate doar copilăreasca numerotare a volumelor în încercarea de a le da o anumită ordine, gest care capătă o anume semnificație doar în maturitate, după recursul la Borges: „Să pui în ordine o bibliotecă este un mod tăcut de a exersa actul criticii”. Cartea pentru Nicolae Manolescu este mai puțin obiectul în sine, manufactura, produsul tipografic. Ea este Opera. Și o tratează implicit – nu ca pe un fetiș, o bijuterie sau ca pe o efemeridă editorială, ci ca pe o Operă. Așa se face

зание книг. «Лишение» книги «девственности» открывается почти что эротической прелюдией: «Чтение книги – это интимный акт, подобный объятию и поцелую, а поцелуи на людях не раздаются» (отмечу, в скобках, что Лэмб испытывал жалость к падшим типам, читающим на улице). «Даже разрезание книги не делается, как придется, – продолжает Кэлинеску, неожиданно сползая в область гастрономии. Прежде всего, настоящий ценитель книг постарается сделать это сам. Разрезание страниц – лакомое, нетерпеливое занятие. Позволить еще кому-нибудь разрезать твою книгу – все равно что позволить кому-нибудь запихнуть тебе кусок в горло». И вот, кульминационный момент: «При разрезании книги образуются изящные ворсинки, приятные на ощупь как столоярная стружка или девичий волос, унесенный на одежде. Свидетельство тесной связи. Мне не кажется безразличным, чем именно разрезать книгу. Я сразу же отбрасываю закладки, спички, пальцы, грубо разрывающие бумагу, столовый нож». Неразрезанные книги приводят его в глубокое уныние, вследствие чего критик поступает следующим образом: „Меня всегда трогала печаль неразрезанных книг в библиотеках. Они созданы для того, чтобы их читали, но их вид казался мне полным такого же смущения, что и у весталок без призвания. Войдя на днях в библиотеку..., я услышал сдержанные стоны превосходных изданий, к которым еще никто не притрагивался. Тогда я взял в руки *coupe-papier* и принялся их разрезать».

Мне знакомо это ощущение. Каким-то тайным чудом в мою библиотеку попали несколько томов, изданных в период между двумя войнами. На некоторых были экслибрисы видных деятелей румынской культуры. Книги разрезаны не были. В этом смысле, современная издательская техника спасает нас в глазах будущих поколений.

Последним этапом ритуала является *разметка*, как называет ее Кэлинеску. Проще говоря, это заметки на полях или простое подчеркивание. Тут автор *Истории...* тоже ссылается на мудреную технику П. Зарифопола.

Я сделал это пространное отступление лишь по одной причине – в *Чтении и письме* [Н. Манолеску] я не заметил ни одного ритуального тика в отношении книги. Может, только ребяческая нумерация томов в попытке придать им определенный порядок, что обретает некоторый смысл лишь в зрелом возрасте, если сослаться на слова Борхеса: «Упорядочение библиотеки это молчаливый способ подвергнуть книги критическому анализу». Для Николае Манолеску книга – меньше всего вещь в себе, мануфактура, типографское изделие. Она – Творение. И он так к ней и относится – не как к фетишу, украшению или издательской однодневке, а как к Творению. Сложилось так, что мемуарист Н. Ма-

că memorialistul N. Manolescu este pus foarte des în umbră de criticul N. Manolescu (vezi paginile despre *Mizerabilii*, *Kaštanka* ș.a.). Aceste subiecte sunt, de fapt, niște articole deghizate sau chiar articole de altădată, reactivate în *Cititul și scrisul*. Apropo, am auzit de la mai mulți „hm!”-uri confuze în această privință. Mie mi se par însă firești aceste pagini într-o *biografie a lecturii*, cu reveniri și aprofundări din perspectiva altei vârste și a unei *noi* interpretări.

Re-inventarea cărții, re-constituirea ei din alt unghi și de la alt nivel hermeneutic sunt, de fapt, marile fascinații ale criticului. Dar poate în asta constă ritualul Manolescu?

De la Petrușka la citirea critică

Cititorii profesioniști au pentru carte o anume pulsație amoroasă. Vorbind despre această secretă comuniune, discursul lor lunecă *volens-nolens* într-o terminologie erotică (vezi mai sus citatele din G. Călinescu). G. Duhamel privea și el la cărțile din biblioteca sa ca la un harem pe care îl stăpânea suveran.

Inspirat de *Sophie a ales* a lui William Styron, N. Manolescu scrie și el despre „cititul ca profesie și cititul ca erecție”. Acest ultim reflex e al cititorilor inocenți, pentru care lectura e ceva între zăbavă și altruistă delectare cvasisentimentală, venind mai ales din absoluta libertate opțională între cărți (e ca în amor – alegi ce îți place...). Când cititul devine o meserie și o obligație, scriam cu mulți ani în urmă într-un articol „în temă”, candoarea lecturii se sparge, zăbava rămâne o fascinație a unei tinereți ce nu o mai poți reedita, cum, probabil, nu-și pot reinventa delicatul amor adolescentin „pretesele” lui Venus, care fac trotuarul la modul profesionist. La o anumită vârstă, spune N. Manolescu, citeam ca Petrușka, un personaj gogolian care devora volumele fără să-i pese prea mult de conținutul lor: „Îi era totuna dacă citea pățaniile unui erou îndrăgostit, o bucoavnă sau o carte de rugăciuni; le citea pe toate cu luare-aminte. Am văzut numaidecât în Petrușka simbolul cititorului care eram în adolescență”.

Această fază erectilă se consumă în momentul când înțelege că citește cărți ca să scrie despre ele: „Între cititor și critic legătura este superficială: amândoi citesc. Nu e adevărată nici supoziția că trebuie să-ți placă să citești ca să fii critic. *Trebuie să-ți placă să scrii despre*

нолеску часто остается в тени критика Н. Манолеску (см. страницы об *Отверженных*, *Капитанке* и др.). Затрагиваемые им вопросы на самом деле не что иное, как замаскированные или действительно когда-то опубликованные статьи, возвращенные к жизни в *Чтении и письме*. Кстати, я много раз слышал по этому поводу недоуменное «хмыканье». Мне же эти страницы кажутся естественными в *читательской биографии*, предполагающей возвращение к некогда прочитанному, его углубление с высоты другого возраста и его *новую* интерпретацию.

Повторное открытие книги, ее *вос-создание* с другой точки зрения, на другом уровне толкования и составляют великое обаяние критика. А может, в этом-то и состоит ритуал Манолеску?

От Петрушки – к чтению под критическим углом

У профессиональных читателей складывается некое любовное влечение к книге. Говоря об этой тайной связи, их рассуждения *volens-nolens* наполняются эротической терминологией (см. выше цитаты из Дж. Кэлинеску). Ж. Дюамель тоже смотрел на книги своей библиотеки как на гарем, чувствуя себя в нем суверенным властителем.

Вдохновившись *Выбором Софи* Уильяма Стайрона, Н. Манолеску тоже пишет о «чтении как профессии и чтении как эрекции». Последнее относится к неискушенным читателям, для которых чтение нечто среднее между забавой и квазисентиментальным альтруистским наслаждением, являющимся результатом абсолютной свободы выбора книг (здесь, как в любви – выбираешь, что тебе по душе...). Когда чтение становится ремеслом и обязанностью, как много лет назад я уже писал в одной своей статье «в тему», невинность чтения утрачивается, забава становится обаянием молодости, которую уже не можешь себе вернуть, как, вероятно, не могут возродить в себе хрупкую юношескую любовь «жрицы» Венеры, с профессиональной хваткой прогуливающиеся по бульвару. В каком-то возрасте, говорит Н. Манолеску, я читал подобно Петрушке, гоголевскому персонажу, поглощавшему тома, не придавая большого значения их содержанию: «Ему было все равно, читает ли он о злключениях влюбленного героя, букварь или молитвенник; он все читал с одинаковым вниманием. Именно в Петрушке я увидел символ того читателя, каким я был юности».

Этап эрекции исчерпал себя в тот момент, когда он понял, что читает книги, чтобы о них писать: «Между читателем и критиком есть поверхностная связь: оба читают. Допущение, что для того, чтобы стать критиком, должно нравиться читать, тоже неверно. *Должно нравиться не*

cărți, nu să le citești [sublinierea îmi aparține – e.l.]. Sunt plăceri total diferite”. În momentul când ajunge empiric la acest adevăr, coconul în care era țesut Petrușka se destramă: „Îmi vine greu să-mi amintesc de clipa, probabil întinsă pe câțiva ani, din care am renunțat la a mai citi pur și simplu cărți și am simțit nevoia de a scrie despre ele”. De la această fază lecturile acumulative devin o sursă energetică pentru scris, proba intelectuală absolută. [...]

Plăcută zăbavă

A cetitului zăbavă, vorba cărturarului Costin, tăiat de tatăl arhicărturarului Cantemir, mă arunca într-o conștientă neștire din care ieșeam greu și doar somat de cineva. Credința ruralului că ce e prea mult strică se lăsa asupra mea cu muștrări și prohibiții, ai mei interzicându-mi de multe ori să iau alte cărți în mână afară de manuale.

Există o anumită vârstă a lecturilor ingenui, când devii însuși o himeră sau o hieroglifă între himerele și semnele cărții, când lectura este ceea ce trebuie să fie ea pentru omul comun, pentru care, în fond, se scrie cartea, adică o zăbavă, un oțiu, o petrecere benevolă, de cele mai multe ori dulce, fiindcă îți lasă mărinimos libertatea alegerii între autori și titluri. Listele cu lecturi obligatorii mă dizolvau și recrutau în mine mai degrabă un adversar decât un adept. Săream peste aceste cărți și mi le apropiam când deveneau iarăși „libere”.

Toți intrăm în bibliotecă (oricare!) ca într-un paradis. În *Itinerar italian* (1927) tânărul încă Eliade își amintește o vizită la Giovanni Papini. Copleșit de mulțimea cărților și a titlurilor din casa vestitului italian, Eliade exclamă (fiți atenți la verb!): „Mă *destramă* din toate părțile volume și broșuri ispititoare”.

În celălalt capăt ne așteaptă o bibliotecă-labirint.

Când cititul devine o meserie și o obligație, când ești privat brutal de libertatea de a alege, selecția fiindu-ți impusă de un program, cartea o învingi ca pe o muncă. E o lectură cu regim, o prestație oarecare, ce nu include și inocenta idee a plăcerii neangajante.

Această blestemație a meseriei marchează cumva și lecturile mele, hai să le zic libere, deși ochiul neadormit al meseriașului (vă

читать книги, а писать о них [выделение мое – е.л.]. Это два абсолютно разных удовольствия». В момент, когда он эмпирически пришел к этой истине, кокон, в котором пребывал Петрушка, разорвался: «Мне сложно вспомнить момент, который длился, вероятно, несколько лет, с которого я перестал просто читать книги и почувствовал необходимость о них писать». С этой минуты кумулятивное чтение стало энергетическим источником для письма, абсолютным испытанием интеллекта. [...]

Приятная забава

Чтения забава, как говорил ученый-книжник Костин, обезглавленный отцом архиученого-книжника Кантемира, приводила меня в сознательное беспамятство, из которого я выходил с трудом и только по чьему-либо категорическому требованию. Вера сельского человека в то, что все, что не в меру, губит, внушалась мне вместе с укорами и запретами. Дома мне часто запрещалось брать в руки другие книги, кроме учебников.

Существует некий возраст невинного чтения, когда ты сам становишься химерой или иероглифом среди книжных знаков, когда чтение является тем, чем оно и должно быть для обычного человека, для которого, в конечном итоге, книга и пишется, – забавой, праздностью, добровольным, чаще всего сладостным развлечением, поскольку оно оставляет за тобой широкую свободу выбора авторов и названий. Списки обязательного чтения меня удручали и находили во мне скорее своего противника, чем сторонника. Я переступал через эти книги и подпускал их к себе лишь тогда, когда они снова становились «свободными».

Мы все входим в (любую!) библиотеку, словно в рай. В своих *Итальянских странствиях* (1927) тогда еще молодой Элиаде вспоминает о своем визите к Джованни Папини. Пораженный количеством книг и названий в доме знаменитого итальянца, Элиаде воскликнул (обратите внимание на глагол!): «Со всех сторон меня *одергивают* заманчивые тома и брошюры».

На другом конце нас ждет библиотека-лабиринт.

Когда чтение становится ремеслом и обязанностью, когда тебя грубо лишают свободы выбора, который навязывается тебе определенным распорядком, книгу приходится одолевать как труд. Чтение обрастает режимом, некой повинностью, которая исключает непорочную идею о беспристрастном удовольствии.

jenează cumva cuvântul?) veghează chiar și asupra unei simple pagini de ziar, abordând-o aproape neapărat ca pe un TEXT, mecanismul interpretativ incluzându-se inconștient, gândirea muncind în el ca într-un sistem de semne și structuri.

Candoarea lecturii s-a spart, zăbava e o fascinație apusă a unei tinereți ce n-o mai poți reedita, cum, probabil, nu-și pot reinventa delicatul amor adolescentin „preotesele” lui Venus, care fac trotuarul la modul profesionist.

Acum doar cărțile mari te acaparează, te câștigă total, ca altădată. Dar acestea nu sunt întotdeauna la îndemână.

Englezul William Hazlitt (1778-1830) spunea că există o modă a cărților, ca și în vestimentație, care ține cam un sezon. Într-adevăr, valul publicitar și promoțional (parcă așa îi spune acum...) ridică în văzul tuturor titluri care se topesc o dată cu refluxul. Abia dacă-și mai amintește cineva de ele.

Acum toată Europa pare cuprinsă de o luciditate pragmatică, alegând din stocurile de cărți ce se produc zilnic literatura informativă – dicționare, îndreptare, enciclopedii, biografii etc., etc. Beletristica, ficțiunea sunt pentru amatori și mai ales pe latura S.F. În Europa de Est e sezonul jurnalelor. Editurile care dețin asemenea manuscrise au un *box-office* de invidiat.

Totdeauna vor rămâne însă în top cărțile mari. Închei cu un citat din Th. Simenschy care-și invită elevii să nu citească cărți bune: „Căci dacă ați avea trei existențe, tot nu ați avea timp să le citiți pe toate cele foarte bune”.

Cartea ca eros

Colecționarii sunt tipi cu dambla, chestie care nu are leac. E o patimă precum cea a suptului sau a jucătorului împotmolit în cazinouri. Tot o dambla e și bibliofilia, deși în cazul ei poate fi invocat un pretext elitist. Oricum, nu pui alături un colecționar de cărți și unul de capace de bere.

Deosebirea dintre un colecționar-bibliofil și un om al cărții este mare – primul are un muzeu, ades de piese rare, al doilea – o biblio-

Это профессиональное проклятье отражается некоторым образом и на моем, назовем его свободном, чтении, хотя неусыпное око ремесленника (вас смущает это слово?) бдит даже над простой газетной страницей, почти всегда рассматривая ее как ТЕКСТ. Механизм интерпретации запускается сам по себе, а мысль работает над Текстом как над системой знаков и структур.

Простодушного чтения больше нет, забава стала утраченной радостью молодости, которую больше не вернуть, как, вероятно, больше не могут воскресить хрупкую юношескую любовь «жрицы» Венеры, профессионально прогуливающиеся по бульварам.

Сейчас тебя увлекают, полностью захватывают, как и раньше, только великие книги. Но они не всегда под рукой.

Англичанин Уильям Хэзлит (1778-1830) говорил о том, что на книги, как и на одежду, тоже есть мода, которая длится не больше одного сезона. Действительно, волна по рекламированию и продвижению (так вроде бы это сейчас называется...) книги, выносит на всеобщее обозрение названия, которые улечиваются вместе с обратной волной. Едва ли кто-нибудь о них потом вспомнит.

Сегодня Европа кажется охваченной прагматичной трезвостью, выбирая из ежедневно публикуемых книжных запасов информативную литературу – словари, руководства, энциклопедии, биографии и т.д. Беллетристика, фикшн рассчитаны на любителей, особенно в том, что касается научной фантастики. В Восточной Европе сезон дневников. Издания, обладающие такими рукописями, получают завидный *box-office*.

Однако на первом плане всегда будут оставаться великие книги. Завершу цитатой из Т. Сименски, который призывал своих учеников не читать хороших книг: «Потому что даже если у вас будут три жизни в запасе, вам все равно не хватит времени прочитать лучшие из них».

Книга как эрос

Коллекционеры – люди с прихотью, и это неизлечимо. Их увлечение сродни пристрастию пьяницы или заплутавшего завсегдатая казино. Такой же прихотью является и библиофильство, хотя здесь можно отделаться отговоркой об элитарности. В любом случае, нельзя сравнивать собирателя книг и коллекционера пивных пробок.

Разница между коллекционером-библиофилом и человеком книги большая: у первого – музей, зачастую состоящий из редких экземпляров, у второго – библиотека. Первый восхищается ими, так же как в

tecă. Primul le admiră, așa cum își admira, la lumina scânteietoare a lumânării, avarul lui Pușkin comoara, al doilea le citește. Un ziarist de la *Stampa* număra 67 de dulapuri cu cărți în biblioteca lui Umbetro Eco. Multe dintre ele sunt volume rarissime (Eco nu-și putea tempera voluptatea de posesor când vorbea despre câteva ediții unice pe care le deține!) și totuși scriitorul îndepărtează de la sine faima de bibliofil. Sau recunoaște că e într-un fel *bibliofil*, dar în nici un caz *biblioman*. În *Memoria vegetală și alte scrieri de bibliofilie* (RAO, 2007), o carte spumoasă, în care Eco își divulgă feblețea de subjugat al cărților, el se vede obligat să constate că sunt bibliofili și bibliofili: „Bibliofili perverși se lasă copleșiți în așa măsură de pasiune [...], încât nici nu citesc cărțile pe care le colecționează, iar dacă acestea nu au filele tăiate, nu le taie pentru a nu micșora valoarea comercială a cărții”. Și G. Călinescu se arăta cam prudent față de ei: „Bibliofilul nu iubește pe autor, ci îmbrăcătura cărții, raritatea ei, hârtia, filigrana”.

Ca și orice altă patimă, bibliofilia presupune o angajare pasională, un cutremur al simțurilor. Georges Duhamel, medic de profesie și scriitor prin vocație, căzut și el în sclavia cărții-drog, își „procesa” cu minuție pasiunea „vinovată”: „Când intru la anticar, emoția mă copleșește într-atât, încât degetele strânse pe măciulia bastonului încep să tremure”. Dacă rafturile librăriei îl dezamăgesc, optimistul din el se transformă într-un sceptic neconsolat, care își pierde speranța în virtuțile umanității. Patima îl consumă, îl destramă ca un viciu comun și cumva rușinos: „Asta m-a făcut să înțeleg psihologia băutorului cronic, al jucătorului de cărți, al tipului desfrânat”. Psihologia ultimului – a tipului desfrânat – transpare tot mai mult în autoanalizele microscopice pe care și le face fostul medic: „Peste un timp am fost surprins să constat că încerc o desfătare aproape sentimentală în momentul când îmi revăd acasă cumpărăturile. Cumpăram câte două sau chiar trei cărți pe zi. Seara, așezându-le pe masă, le deschideam, le pipăiam, le răsfoiam, citind la întâmplare două-trei rânduri, le mângâiam colțurile copertelor, cotoarele, încuietorele. A doua zi, aceste cărți mi se păreau la fel de atractive, dar sentimentul ce mă încerca față de ele nu mai era atât de acut. Le căutam un loc în rafturi și le aranjam acolo. Era de parcă le-aș fi introdus în familie, în gospodărie și mi-aș fi legalizat relațiile cu ele. După încă o zi, le priveam cu o satisfacție nepasională, la fel

искраемся свете свечи скупой [рыцарь] Пушкина восторгался своим сокровищем, второй – читает. Некий журналист газеты *Stampa* насчитал 67 книжных шкафов в библиотеке Умберто Эко. Во многих из них – редчайшие тома (Эко не смог совладать с блаженством обладателя, рассказывая о нескольких уникальных изданиях, находящихся в его владении!), и тем не менее писатель отгораживает себя от славы библиофила. Или признает, что он лишь в некоторой степени *библиофил*, но ни в коем случае не *библиоман*. В книге *Память растений и другие работы по библиофильству* [2007], легкой и живо написанной, в которой Эко говорит о своей слабости книжного пленника, он с чувством долга констатирует, что библиофил библиофилу рознь: «Исвращенные библиофилы позволяют своей страсти захватить себя до такой степени [...], что даже не читают тех книг, которые они коллекционируют, и если страницы последних не разрезаны, они их не разрезают, чтобы не снизить коммерческую ценность книги». И Дж. Кэлинеску относится к ним довольно осторожно: «Библиофил любит не автора, а оболочку книги, ее редкость, бумагу, филигрань».

Подобно любой другой страсти, библиофильство подразумевает бурное увлечение, потрясение чувств. Жорж Дюамель, врач по профессии и писатель по призванию, также ставший рабом книги-наркотика, со всей тщательностью «прокручивал» в мыслях свою «греховную» страсть: «Когда я захожу к букинисту, меня охватывают настолько сильные эмоции, что пальцы, сжимающие набалдашник трости, начинают дрожать». Если полки книжного магазина его разочаровывают, из оптимиста он превращается в безутешного скептика, утратившего веру в достоинства человечества. Страсть поглощает его, разрушает как некий порок, повсеместно распространенный и в какой-то степени постыдный: «Это дало мне возможность понять психологию хронического искателя, картежника, развратника». Психология последнего – человека развращенного – все чаще проскальзывает в опытах микроскопического самоанализа, предпринятого бывшим врачом: «Через некоторое время я с удивлением констатировал, что испытываю почти что чувственное наслаждение, когда просматриваю дома покупки. Я покупал по две или даже по три книги в день. Вечером, положив их на стол, я их открывал, ощупывал, листал, прочитывал две-три случайные строки, поглаживал уголки переплетов, корешки, защелки. На следующий день они казались мне такими же прекрасными, однако испытываемое к ним чувство уже не было таким острым. Я подыскивал им место на полке и укладывал их туда. Это было похоже на то, как если бы я ввел их в свою семью, в свои владения и узаконил с ними свои отношения. Еще через день я смотрел на них с

cum îți accepți consoarta legitimă. Mă simțeam însă mereu tentat să cumpăr alte și alte cărți, patima de a pune stăpânire pe ele arzându-mi sufletul. Porneam zilnic la o nouă vânătoare și rareori mă întorceam cu tolba goală. Cărțile își primeau partea lor de mângâiere, după care își ocupau locul stabilit în haremul meu. Sigur că le iubesc pe toate la fel. Dar nu ca în luna de miere, perioadă incomparabilă. Cred că înțelegeți, domnilor, ce înseamnă luna de miere. Deși, câteodată, față de unele dintre ele mi se aprind iarăși dorințele” (*Despre amatori*).

Pasiunea e atât de mare și acaparantă, încât împătimitul începe să vorbească despre cărți (ce e cartea, în ultimă instanță, decât celuloză tipărită?) ca despre ființe vii, atracția depășind un banal atașament față de un obiect oarecare, ci dezvoltându-se într-o paradoxală adorație sentimentală, într-o comuniune cvasitrupească. Bibliofilia se convertește astfel în eros.

Un senzual al cărții era și G. Călinescu, însingurarea cu o carte având pentru el ceva din intimitatea ritului erotic: „Cărțile nu se citesc în public; cu ele te închizi în casă, în singurătate” (*Fals jurnal*). În altă notă e și mai tranșant: „Lectura unei cărți e un act intim ca îmbrățișarea și sărutul, și săruturile nu se dau pe stradă”. Cărțile netăiate și necitite sunt pentru el „vestale fără vocație”. Nicolae Manolescu își continuă predecesorul, vorbind chiar despre „citit ca erecție”, invocând drept exemplu un personaj literar: „Stingo, personajul narator din *Sophie's Choice* de Styron, este, la 22 de ani, redactor la o editură newyorkeză. Corectează toată ziua manuscrise idioate. Seara, revenind în cămăruța lui sărăcăcioasă, înarmat cu trei cutii de bere, se pune pe citit. Dragostea pentru tot ce este scris îi era «atât de agresivă, spune el însuși, încât se înrudea cu erotismul». Își amintește chiar de o vreme în care perspectiva de a petrece o jumătate de oră cu *Lista abonaților la serviciul telefonic* îi producea o «ușoară, dar destul de evidentă erecție»” (*Cititul și scrisul*).

Acest tip de afirmații pot jena pudicii: *cartea și erecția*? E posibil? Cum poate fi raportată cartea și sublima ei lumină (ah! vai!) la un act atât de trivial? Anatole France privea însă calm la acest „amor” bibliofil, găsind că dragostea pentru colecționarea cărții „nu este mai vană decât orice altă dragoste” (*Grădina lui Epicur*).

удовольствием, лишенным страсти, подобно тому, как терпишь законную супругу. В то же время я постоянно испытывал соблазн покупать новые и новые книги, страсть владеть ими заставляла меня гореть изнутри. Каждый день я отправлялся на новую охоту и редко возвращался без добычи. Книги получали причитающуюся им долю ласк, после чего занимали предназначенное им место в моем гареме. Безусловно, всех их я люблю одинаково. Но не как во время медового месяца, – ни с чем несравнимого периода. Думаю, господа, вы понимаете, что значит медовый месяц. Хотя время от времени к некоторым из них у меня снова вспыхивает желание» (*О любителях*).

Страсть эта настолько сильна и захватывающа, что одержимый ею начинает говорить о книгах (не является ли книга, в конечном итоге, лишь напечатанной целлюлозой?) как о живых существах, его влечение выходит за рамки банальной привязанности и перерастает в парадоксальное чувственное обожание, чуть ли не в телесную связь. Так библиофильство обращается в эрос.

Человеком, получавшим чувственное наслаждение от книги, был и Дж. Кэлинеску, для которого уединение с книгой было похоже на интимность эротического ритуала: «Книги не следует читать на людях; с ними запираешься дома, в одиночестве» (*Ложный дневник*). В другом месте еще конкретней: «Чтение книги – это интимный акт, подобный объятию или поцелую, а поцелуи не раздаются посреди улицы». Для него неразрезанные и непрочитанные книги – это «весталки без призвания». Николае Манолеску идет по стопам своего предшественника, когда говорит о «чтении как эрекции», приводя пример одного из литературных персонажей: «Стинго, повествователь в романе *Выбор Софи* Стайрона, в свои 22 года работает редактором в одном из нью-йоркских издательств. Целыми днями он правит дурацкие рукописи. Вечером, возвращаясь в свою убогую каморку, вооружившись тремя коробками пива, он садится за чтение. Его любовь ко всему, что написано, была „настолько агрессивной, по его собственным словам, что граничила с эротическим чувством“. Он даже вспоминает о том периоде, когда перспектива провести полчаса в компании *Списка абонентов телефонных услуг* вызывала у него „легкую, но достаточно заметную эрекцию?“» (*Чтение и письмо*).

Такие высказывания могут смутить людей стыдливых: *книга и эрекция?* Неужели возможно? Как можно связывать книгу и ее возвышенный свет (ах! ой!) с таким тривиальным актом? Между тем, Анатолий Франс относился к такой библиофильской «влюбленности» спокойно, считая, что любовь к коллекционированию книг «не более тщетна, чем любая другая любовь» (*Сад Эпикура*).

Umberto Eco, un principe al cărții, faimos nu numai ca autor, dar și ca cititor de o monstruoasă erudiție, recurge foarte des la ideea cărții ca eros. Profesorul accentuează astfel intensitatea și adâncimile absorbitoare ale unei pasiuni selecte. O face în termeni care depășesc mult formula lirică stendhaliană despre cristalizarea iubirii: „A arunca o carte după ce am citit-o este ca și cum n-am mai vrea să revedem o persoană cu care tocmai am întreținut un act sexual. Dacă se întâmplă astfel, înseamnă că era vorba despre o nevoie fizică, nu despre dragoste”. Sau: „...un bibliofil care, după ce a pipăit și-a adulmecat cartea, descoperă o lipsă, chiar dacă e vorba numai de colofon sau de o pagină de erată, încearcă senzația unui *coitus interruptus*”. Și, în alt loc din aceeași *Memoria vegetală*: „Bibliomanul fură cărți. Și bibliofilul ar putea-o face, împins de lipsuri, dar, de obicei, acesta consideră că, dacă pentru a avea o carte n-a făcut nici un sacrificiu, nu poate încerca plăcerea cuceririi (diferența este aceea dintre a cuceri o femeie prin farmecul personal și a o avea prin siluire)”.

Această, s-o numim *fiziologizare* a lecturii, nu repugnă, deoarece cartea e percepută ca un *sublimat* al iubirii, accesibil doar rafinaților.

Psihologia bibliofiliei perverse, cum probabil o vor cataloga unii, nu e o invenție a secolului XXI, chiar dacă timpul nostru este mult mai spontan și mai puțin pudibond în expresii și moravuri decât veacurile anterioare. Dacă e să-l credem pe Gabriel Liiceanu, nici în epocile dominate de puritanism nu se gândea altfel, dovadă această replică (apocrifă, spune G.L.) din *Hamlet*. Nu am descoperit replica nici în piesă, nici la comentarii, dar se „pliază” bine pe idee: „Librarii, domnul meu, sunt cei mai mari codoși. În fiecare zi îi împing pe oameni în brațele câte unei cărți. Și unde mai pui că după nopțile petrecute în tovărășia unor asemenea iubite rămâi nu numai vlăguit, dar și cu mințile rătăcite”. Exemplul îl extrag din *Dans cu o carte*, poate cel mai frumos poem închinat cărții. Gabriel Liiceanu urmărește relația *el-carte* în faza ei inițială, platonică, a conturării cuplului. Printr-o cutumă milenară, dictată de paralela umanoidă a aventurii, nu ea (cartea) alege. Ea așteaptă să fie aleasă: „Privite, cărțile par nespuse de sfioase. Ele nu vin niciodată spre tine. Ca într-o medievală iubire, tu trebuie, întotdeauna, să le cauți și să te duci către ele. Ființa lor este așteptare pură. Le va deschide cineva pentru a le face, astfel, *să înceapă să fie?*”

Умберто Эко, властитель книги, известный не только в качестве писателя, но и в качестве читателя, обладающего чудовищной эрудицией, довольно часто прибегает к идее книги как эроса. Таким образом итальянский профессор подчеркивает интенсивность и всепоглощающую глубину увлечения для избранных. Он облакает это в слова, намного превосходящие лирическую формулу Стендаля о кристаллизации любовного чувства: «Отбрасывая книгу после прочтения, мы словно больше не желаем встречаться с человеком, с которым только что занимались любовью. Если это происходит именно так, значит речь шла о [физиологической] потребности, а не о любви». Или: «...библиофил, который, после того как ощупал и обнюхал книгу, обнаруживает в ней какой-нибудь недостаток, даже если речь идет лишь о колофоне или эррате, испытывает чувство *coitus interruptus*». И в другом месте из той же *Памяти растений*: «Библиоман крадет книги. И библиофил мог бы это делать, подвигаемый на это нуждой, но, как это обычно бывает, он считает, что, если для обладания книгой он ничем не жертвует, он не может испытать удовольствия обладания (разница подобна обладанию женщиной благодаря личному обаянию, с одной стороны, и обладанию ею силой, с другой)».

Такая, скажем, *физиологизация* чтения не вызывает отвращения, поскольку книга рассматривается как *сублимат* любви, доступной лишь утонченным людям.

Психология извращенного библиофильства, как это наверняка могут обозначить некоторые, – изобретение не XXI века, несмотря на то, что наше время намного спонтаннее и отличается меньшей скромностью в выражениях и нравах, чем прошлые столетия. Если верить Габриелу Лиичану, даже в эпохи господства пуританства, думали не иначе, доказательством чему служит эта (апокрифическая, по словам Г.Л.) реплика из *Гамлета*. Нам не удалось найти ее ни в самой пьесе, ни в комментариях к ней, однако она хорошо «подходит» к идее: «Продавцы книг, милорд, самые большие сводники. Каждый день они толкают людей в объятия какой-нибудь книги. А вдобавок ко всему, после ночей, проведенных в обществе подобных любовниц, остаешься не только без сил, но и с кашей в голове». Этот пример я взял из *Танца с книгой*, возможно, самой прекрасной поэмы, посвященной книге. Габриел Лиичану прослеживает отношение *он-книга* на начальном, платоническом этапе становления пары. Согласно тысячелетнему обыкновению, продиктованному человекоподобной параллелью приключения, выбирает не она (книга). Она ждет, когда ее выберут: «Рассмотренные вблизи, книги кажутся невероятно робкими. Они никогда не идут к тебе сами. Как в средневековой люб-

Din mulțimea de cărți resemnate în așteptare, multe dintre ele consumându-se până la urmă într-o dezolantă singurătate și într-un la fel de dezolant anonim, pentru „dans” se alege una, așa cum prințul Andrei o alege pe Natașa Rostova din strălucitoarea mulțime a frumuseților care așteaptă. Multe dintre ele sunt la limita răbdării, invitația de a ieși din umbra gregarității, însemnând pentru ele invitația la viață. Paralela mi se pare perfectă, Gabriel Liiceanu selectând din multitudinea de povești literare una dintre cele mai fermecătoare istorii și unul dintre cele mai desăvârșite cupluri, o pereche absolut emblematică pentru metafora *cartea ca eros*: prințul Andrei Bolkonski și Natașa Rostova: „Dar alegând-o și dansând cu ea, Bolkonski descoperă că, din toate femeile care luau parte la cel mai strălucitor bal al anului, Natașa, o fetișcană încă, cu «brațele ei slabe și urâte», era cea mai frumoasă. Ascunsă până atunci în mulțimea indistinctă a doamnelor din sala de bal, frumusețea ei devine dintr-o dată, prin alegerea lui Bolkonski, vizibilă. Prințul, care era, spune Tolstoi, «unul din cei mai buni dansatori ai timpului său», o ridică, prin alegerea lui, pe soclul propriei ei splendori. Abia *aleasă* și abia *dansând*, Natașa devine aparentă în frumusețea ei”.

Urmează concluzia, ca un corolar al metaforei: „Cărțile aliniată, așteptând, de-a lungul peretelui. Privirea distrată care trece peste ele, fără să se hotărască asupra uneia anume. Apoi mâna care se întinde, care scoate o carte din raft, care o deschide. Dansul poate începe. Dans cu o carte”.

În loc de concluzie sau de punct pur și simplu, această strălucitoare ironie a lui Hugo despre cei care ignoră cartea ca seducătoare aventură a spiritului: „Există oameni care au o bibliotecă așa cum eunucii au un harem”.

5 decembrie 2008

ви, ты должен их постоянно искать и идти к ним. Их сущность – чистое ожидание. Откроет ли их кто-нибудь, чтобы таким образом они *начали быть?*» Из множества книг, смирившихся в ожидании, истощившихся в удручающем одиночестве и в своего рода удручающей анонимности, на «танец» приглашается всего одна, подобно тому как князь Андрей выбирает Наташу Ростову из сияющего множества ждущих красавиц. У многих из них терпение уже подходит к концу, а приглашение покинуть безвестность толпы равно для них приглашению в жизнь. Эта параллель кажется мне безупречной, так как из множества литературных сказок Габриел Лиичану выбрал одну из самых очаровательных историй и одну из самых совершенных пар – чету, являющуюся символичной для метафоры *книги как эроса*: князя Андрея Болконского и Наташу Ростову: «Однако выбрав ее и танцуя с ней, Болконский обнаруживает, что из всех женщин, бывших на самом пышном балу года, Наташа, еще совсем девчонка, с „ее слабыми и некрасивыми руками“, была самой красивой. Скрытая до поры за смутным множеством дам в бальной зале, ее красота сразу же, благодаря выбору Болконского, становится *видимой*. Своим выбором князь, который был, как говорит Толстой, „лучшим танцором своего времени“, поднимает девушку на пьедестал ее собственного блеска. Только будучи *выбранной*, и только *в танце*, красота Наташи становится *видимой*».

Затем следует вывод, как следствие метафоры: «Книги, разложенные и ждущие вдоль стены. Рассеянный взгляд скользит по ним, не решаясь выбрать какую-нибудь одну. Потом рука протягивается, снимает с полки одну из книг, открывает ее. Танец может начаться. Танец с книгой».

Вместо заключения или просто вместо точки, вот блестящая ирония Гюго в адрес тех, кто игнорирует книгу как обольстительное приключение духа: «Есть люди, для которых библиотека то же, что и гарем для евнуха».

5 декабря 2008

Arcadie SUCEVEANU

Poveștile nerentabile

Iertați-mă, bunii mei Frați Grimm,
și dumneata, bătrâne Hans Christian Andersen,
dar, iată, sunt nevoit să vă spun
că poveștile voastre s-au cam învechit,
haina miracolelor s-a cam rărit pe la coate
și nici o curățătorie chimică nu i-ar mai putea scoate
petele.

Vedeți dumneavoastră,
vine o zi când descoperi dintr-odată uimit
că *Regina fulgilor de nea* poartă blugi
și frecventează săptămânal discoteca,
că *Scușiței Roșii* i s-a defectat televizorul
și cheamă lupul să i-l repare,
că *lampa lui Aladin* a fost aruncată la lucruri vechi,
iar copilul a devenit și el mai precaut,
nu se grăbește să strige: „dar regele-i gol”.

Zadarnic ne facem iluzii: între un antrecot
și un covor zburător
se alege, întotdeauna, primul.

Da, bunii mei Frați Grimm,
și dumneata, bătrâne Hans Christian Andersen,
vine o zi când zânele îmbărtânesc,
vine o zi când căsuța de turtă dulce e demolată
și haina miracolelor trebuie dată la întors.

Аркадие СУЧЕВЯНУ

Нерентабельные истории

Простите меня, добрые мои Братья Grimm,
и ты, старина Ханс Кристиан Андерсен,
но, вот, я вынужден вам сообщить,
что сказки ваши несколько устарели,
одеяние чудес поистерлось на локтях,
и ни одной химчистке уже не смыть с него
пятен.

Видите ли,
приходит день, когда вдруг с изумленьем открываешь,
что *Госпожа Метелица* носит джинсы
и каждую неделю ходит на дискотеку,
что у *Красной Шапочки* вышел из строя телевизор
и она зовет волка, чтобы его отремонтировать,
что *лампу Алладина* выбросили на кучу с хламом,
и что ребенок тоже стал осмотрительней, –
он не спешит кричать «да ведь король-то голый».

Зря мы строим себе иллюзии: между антрекотом
и ковром-самолетом
всегда выбирают первое.

Да, добрые мои Братья Grimm,
и ты, старина Ханс Кристиан Андерсен,
приходит день, когда феи стареют,
приходит день, когда пряничный домик рушится
и следует перелицевать одеяние чудес.

Întâmplări în bibliotecă

De printre rafturile bibliotecii,
pe masa de scris
răsare o mică bestie verde:
cioc de vultur, pânțece de vacă, piciorușe de muscă.

„Nenorocitele, întârziatule,
chițcăie mica arătare, vremea poemului
a trecut de mult,
afară înflorește tutunul, comerțul.
Ai un creier frumos ca un glob de porțelan,
uită cuvintele, uită cuvintele.”

Stau la masă netulburat și scriu mai departe.
Scriu *altfel, invers, cu literele înăuntru*.
Țin direcția sângelui și scriu,
iau cu asalt istoria literaturii, academiile,
îmbătrânesc între propoziții,
mă bâlbâi și scriu.

„Hei, grămătic al lui Nimeni-Nimic,
din cauza ta și-a unora ca tine
au degradat științele, a slăbit economia și medicina –
avea dreptate Platon,
avea dreptate Platon...”

„Javra dracului! Javra dracului!” –
sar înnebunit de furie
și o strivesc cu unghia pe hârtia
pe care îmi scriu poemul, până când
rămâne doar o pată umedă printre oximoroni și simboluri –
și, cu sângele ei verde, de paiată scârboasă,
scriu mai departe.

A doua zi, de printre rafturile bibliotecii,
pe masa de scris
răsare o mică bestie verde:
cioc de vultur, pânțece de vacă, piciorușe de muscă.

Происшествие в библиотеке

Из-за библиотечных полок,
на письменном столе
показывается маленькая зеленая тварь:
орлиный клюв, коровье брюхо, мушинные лапки.

«Несчастный, отставший от века, –
пищит маленькое видение, время поэм
давно прошло,
на дворе цветет табак, коммерция.
Твой мозг красив, словно фарфоровый глобус,
забуди слова, забудь слова».

Я невозмутимо сижу за столом и пишу дальше.
Пишу *иначе, наоборот, буквами вовнутрь*.
Следую за движением крови и пишу,
беру приступом историю литературы, академии,
старею среди строк,
запинаюсь и пишу.

«Эй, грамотей Никого-Ничто,
из-за тебя и таких, как ты
науки пришли в упадок, ослабли экономика и медицина –
Платон был прав,
Платон был прав...»

«Чертова псина! Чертова псина!» –
вскакиваю вне себя от ярости
и давливаю ее ногтем на бумаге,
на которой пишу свою поэму, пока
среди оксюморонов и символов не остается лишь мокрое место –
и зеленой кровью этого омерзительного шута
пишу дальше.

На другой день из-за библиотечных полок,
на письменном столе
показывается маленькая зеленая тварь:
орлиный клюв, коровье брюхо, мушинные лапки.

Parisul, un mit niciodată pierdut: jurnal

[...] Am în biblioteca mea o ediție a romanului lui Victor Hugo *Notre-Dame de Paris*, apărută în vechea serie BPT, probabil. Pe copertă e imprimată imaginea catedralei redată de-un pictor: învăluită în umbra nopții, magnifică și misterioasă, având deasupra o lună palidă ce abia se zărește de printre nori. Din momentul în care am citit cartea (cred că era în anii studenției mele cernăuțene) și până acum, am purtat în memorie această imagine livrescă a catedralei, ca pe unica posibilă.

Spre surprinderea mea, în noaptea de 5 octombrie 2009, când am reușit să ajung în fața ei, imaginea reală a catedralei era aproape identică cu cea pe care o purtasem în imaginație. Era prezentă pe cer și luna. [...]

Париж – вечный миф, который никогда не терялся: дневник

В моей библиотеке есть издание романа Виктора Гюго *Собор Парижской Богоматери*, вышедшее, кажется, в старой серии «Библиотека для всех». На обложке – нарисованное художником изображение церкви, укутанной в ночную тень, величественной и таинственной, над которой виднеется бледная луна, едва выглядывающая из-за облаков. С того момента, как я прочитал книгу (думаю, это было в годы моего черновицкого студенчества), и до сих пор, я хранил в памяти этот книжный образ собора в качестве единственно возможного.

К моему изумлению, в ночь на 5 октября 2009 года, когда я, наконец, увидел его перед собой, реальный образ собора был почти идентичен тому, что я хранил в своем воображении. На небе была и луна. [...]

Alexe RĂU

Borges bibliosoful

3.

Reflecțiile despre carte ale lui Borges coboară de asemenea din arhetipalitate, el încercând și realizând o tipologie proprie a cărții.

Primul arhetip este unul mai mult perceptiv. Mai înainte de a judeca o carte, scrie el în „Liturghii eretice”, noi avem o naivă concepție fizică despre ea. O carte în acel moment nu este o expresie sau o înlănțuire de expresii, ci literalmente un volum, o prismă cu șase fețe rectangulare, alcătuită din file subțiri de hârtie care trebuie să aibă o copertă, o falsă copertă, un moto în cursive, o prefață tot în cursive, dar cu format mai mare, nouă sau zece părți cu începutul în verzale, o tablă de materii, un ex-libris, o erată concisă, câteva file albe, un colofon interliniar și o casetă tehnică – elemente din care se constituie arta scrisului. Dar acesta e un arhetip al aparențelor. Mai importante sunt acelea care țin de esența cărții.

Primul arhetip esențial este acela al cărții virtuale, pe care Borges îl evidențiază referindu-se nu la epoca culturii electronice, ci la cea antică (în primul rând la greci). E vorba, de fapt, de cartea orală, cartea spusă. Este bine cunoscută neîncrederea filosofilor și savanților din Grecia antică față de scriere, pe motiv că ea „îngheață” gândul și nu permite abordarea exhaustivă, multilaterală a unei teme sau a unei probleme. Platon spunea: „Cărțile sunt ca statuile sau ca efigiile: par ființe vii, dar când sunt întrebate ceva nu știu să răspundă”. Această dificultate a cărții scrise grecii o depășeau recurgând la dialogul peripatetic. Socrate, Pitagora și alți filosofi nu au scris nici un rând, învățăturile lor transmițându-se pe cale orală. Pe aceeași cale s-au răspândit

Алексе РЭУ

Борхес-библиософ

3.

Размышления Борхеса о книге также восходят к архетипам. Он попытался и сумел создать собственную типологию книги.

Первый архетип связан в основном с восприятием. Прежде чем судить о книге, пишет он в «Еретических литургиях», мы имеем о ней наивное физическое представление. В тот момент книга не является выражением или цепью выражений, а буквально томом, призмой с шестью прямоугольными гранями, состоящей из тонких листов бумаги, у которых должна быть обложка, фальш-обложка, выделенный курсивом эпиграф, предисловие тоже курсивом, но большего формата, девять или десять частей, начинающихся с прописной буквы, оглавление, экс-либрис, краткая эррата, несколько чистых листов, межлинейный колофон и техническая кассета – элементы, из которых состоит искусство письма. Однако это архетип внешней видимости. Намного важнее те, что связаны с сутью книги.

Первый основной архетип относится к виртуальной книге. Борхес выделяет его, обращаясь не к эпохе электронной культуры, а к античности (в первую очередь, древнегреческой). Речь, в действительности, идет об устной, сказанной книге. Хорошо известно недоверие философов и ученых Древней Греции к письму по причине того, что оно «замораживает» мысль и не дает возможности исчерпывающего, разностороннего рассмотрения какой-либо темы или проблемы. Платон говорил: «Книги подобны статуям или эффигиям: они кажутся живыми людьми, но когда задаешь им вопрос, они ничего не могут ответить». Эту трудность написанной книги греки преодолевали, прибегая к перипатетическому диалогу. Сократ, Пифагор и другие философы не написали ни строчки, а их учение передавалось устным путем. Таким

la început și poemele lui Homer „Iliada” și „Odiseea”. Iar atunci când își așterneau totuși gândurile pe hârtie, grecii aveau sentimentul de ceva neîmplinit. Este revelator în acest sens schimbul de replici între Alexandru Macedon și învățătorul său, Aristotel. Când s-a hotărât să-și publice „Metafizica”, filosoful este dojenit de ucenicul său, căruia îi răspunde: „Tratatul meu a fost publicat și nu a fost publicat”, având în vedere că nu este posibil ca o carte să expună complet tema dată. Cheia înțelegerii cărții orale (virtuale) este, după Borges, maxima Magister dixit, pronunțarea căreia, după proclamarea unei teorii, la pitagorieni, însemna deschiderea căii spre dezbateri, inovații, completări. Cartea antică scrisă era considerată doar ca un înlocuitor al cuvântului oral sau ca un ghid pentru dialogurile peripatetice sau în „divan”.

Al doilea arhetip ar fi acela al cărții clasice. Prin această noțiune (pe care o revendică de la latinescul *classis*, ce înseamnă fregată sau escadră), Borges subînțelege o carte ordonată, „așa cum trebuie să fie totul ordonat la bordul unui vas – „shipshape” (pus la punct, ca pe navă). În plus, ca să poată fi numită clasică, o carte trebuie să fie nu doar bine ordonată, ci și remarcabilă în domeniul său, bibliosoful recurgând în acest sens la exemple ca „Don Quijote” de Cervantes, „Divina Comedie” de Dante, „Faust” de Goethe și „Iliada” de Homer. Totuși, cartea clasică nu este impecabilă cuvânt cu cuvânt. Ea este supusă schimbării, influenței timpului și trebuie abordată istoricește și contextual.

Al treilea arhetip esențial este acela al cărții sacre, pe care Borges îl consideră tipic oriental. Inspirat de Spiritul Sfânt, uneori scrise de acesta, cărțile sacre, spre deosebire de scrierile umane, nu au nimic întâmplător în ele, iar Coranul e o carte anterioară chiar limbii arabe. Ca atare, astfel de cărți nu pot fi studiate, crede Borges, în mod istoric sau filologic. Scriptura a fost anterioară pronunțării cuvintelor. În ea nu poate fi schimbat nici un semn.

În afara acestor arhetipuri rămâne cartea pe care Borges nu o definește cu un termen anume, dar care am putea s-o numim, recurgând tot la un termen borgean, carte ecumenică. Despre acest arhetip, care e legat mai mult de contemporanietate, marele scriitor a formulat mai multe reflecții particulare, în consens cu concepția sa filosofică. Acest fel de carte trebuie să se constituie, după el, într-o expresie a virtuali-

же образом стали известны и поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». А когда они все-же излагали свои мысли на бумаге, греков не покидало чувство чего-то незавершенного. В этом смысле многое открывает обмен репликами между Александром Македонским и его учителем, Аристотелем. Когда Аристотель решил опубликовать свою «Метафизику», Александр упрекнул его в этом, на что тот ответил: «Мой трактат был опубликован, и вместе с тем не был», имея в виду, что невозможно, чтобы какая-либо книга полностью раскрыла определенную тему. Ключом к пониманию устной (виртуальной) книги является, по Борхесу, выражение *Magister dixit*, произнесение которого после объявления какой-нибудь теории открывало у пифагорейцев путь к обсуждениям, предложениям, дополнениям. Античная написанная книга считалась лишь заменой устного слова или руководством для перипатетических либо «диванных» диалогов.

Второй архетип относится к классической книге. Под этим понятием (которое он возводит к латинскому *classis*, означающему фрегат или эскадру), Борхес понимает книгу, упорядоченную также «как все должно быть в порядке на борту корабля – *«shipshape»* (в полном порядке, как на судне). Кроме того, чтобы книгу можно было назвать классической, она должна быть не только приведена в полный порядок, но и быть исключительной в своей области. В этом смысле библиософ приводит такие примеры, как «Дон Кихот» Сервантеса, «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гёте и «Илиада» Гомера. Но, несмотря на это, классическая книга не безупречна в каждом своем слове. Она подвержена изменениям, влиянию времени, ее нужно рассматривать с точки зрения исторической эпохи и контекста.

Третий основной архетип относится к священной книге, который Борхес считает типично восточным. Вдохновленные Святым Духом, иногда им же написанные, священные книги, в отличие от человеческих писаний, не содержат в себе ничего случайного, а Коран возник даже раньше арабского языка. Вообще, Борхес считает, что эти книги нельзя изучать с точки зрения истории или филологии. Писание существовало прежде звучания самих слов. В нем нельзя поменять ни одного знака.

Помимо этих архетипов, остается книга, которую Борхес не обозначает каким-либо понятием, но которую мы могли бы назвать, прибегая к борхесовскому выражению, экуменической книгой. Об этом архетипе, который связан, в основном, с современностью, великий писатель высказал довольно много частных суждений, соответствующих его философскому мировоззрению. Этот тип книги должен стать,

tății, într-o imagine niciodată încheiată, menită să stabilească un echilibru între finit și infinit. În ea trebuie să se reflecte celelalte cărți, ea trebuie să fie scrisă în rezultatul unei ars combinatoria. Ea trebuie să cuprindă în sine variațiile posibile, precum și contrariile lor. Adică, în fond, Borges pare să fie adeptul tipului grecesc de carte. Dar cum ar fi posibil acest lucru în condițiile actuale, când e pusă la punct o întreagă industrie a cărții? Prin participarea cititorului. „Cartea, scrie Borges, nu este o entitate închisă: e o relație, e un centru de nenumărate relații. Fiecare carte renaște la fiecare lectură...” Această viziune a pregătit terenul pentru conceptul de Opera Aperta al lui Umberto Eco.

4.

Lui Borges îi datorăm asocierea bibliotecii cu Paradisul. Această viziune o întâlnim într-o poezie din volumul „El Hacedar”:

„Eu care îmi imaginam Paradisul ca un fel de bibliotecă...”

Apoi în textul conferinței „Cărțile și noaptea”: „Eu mi-am imaginat întotdeauna Paradisul sub forma unei biblioteci. Alte persoane consideră că ar fi o grădină, alții și-l pot închipui ca un palat; eu l-am imaginat întotdeauna ca o bibliotecă”.

E o viziune poetică ce trebuie interpretată ca atare. Se cere remarcat, mai întâi, faptul că arhetipul de bibliotecă-paradis este conceput de Borges în legătură cu amintirile sale din copilărie. În casa părintească exista o bibliotecă „cu multe cărți englezești”, întreținută de tatăl scriitorului, în care micuțul Jorge face primele lecturi de basme, tot de acolo trăgându-i-se și pasiunea pentru enciclopedii. În al doilea rând, Borges aborda arhetipurile de biblioteci prin prisma categoriei de Ordine, pe care, cum am văzut, o considera una întemeietoare, o axă a biblioteconomiei și pe care o trata în două aspecte esențiale, în funcție de arhetipul de bibliotecă la care o aplica. Paradisul, precum știm, înseamnă domnia Ordinei divine. E o lume sustrasă timpului necruțător și distrugător, dar și acțiunii entropice pe care o aduce în lume omul. E o lume a Armoniei și a Bucuriei primordiale. Așa este și bibliotecă-paradis, arhetip al bibliotecilor pentru copii.

Al doilea aspect al categoriei de Ordine, exploatat mult în creația borgeană, este acela al ordinii pusă de om, dar care o imită pe cea divină. El se referă la un alt arhetip, acela de bibliotecă-labirint. Aici

по его словам, выражением виртуальности, незавершенным образом, призванным установить равновесие между конечным и бесконечным. В ней должны отобразиться все остальные книги, и написана она должна быть в результате некой *ars combinatoria*. Она должна вобрать в себя все возможные варианты, а также их противоположности. То есть, в общем, Борхес предстает адептом греческого типа книги. Но насколько это возможно в нынешних условиях, когда выстроена целая книжная индустрия? Благодаря участию читателей. «Книга, пишет Борхес, не закрытая в себе сущность: она есть отношение, средоточие бесчисленных отношений. Каждая книга рождается заново при каждом новом прочтении...» Этот взгляд подготовил почву для концепции *Opera Aperta* Умберто Эко.

4.

Сравнению библиотеки с Раем мы обязаны Борхесу. Это сопоставление можно встретить в одном стихотворении из сборника «Делатель»:

«Я, представлявший себе Рай в виде библиотеки...»

А затем и в тексте лекции «Книги и ночь»: «Я всегда воображал себе Рай в виде библиотеки. Некоторые считают, что он подобен саду, иные представляют его себе в виде дворца; я всегда воображал его как библиотеку».

Этот поэтический образ нуждается в соответствующем толковании. Прежде всего, следует отметить, что архетип библиотеки-рая возникает у Борхеса в связи с его детскими воспоминаниями. В его родном доме была библиотека, в которой было «много английских книг», принадлежавших отцу писателя. Там маленький Хорхе прочитал свои первые сказки, отсюда же тянется его страсть к энциклопедиям. Во-вторых, Борхес рассматривал архетипы Библиотек с точки зрения категории Порядка, который, как мы видели, он считает основополагающим, стержнем библиотековедения, и который он трактовал с двух основных позиций, в зависимости от архетипа библиотеки, из которого он исходил. Рай, как известно, означает господство божественного Порядка. Это мир, пребывающий вне беспощадного и разрушительного времени, а также вне энтропического влияния человека на мир. Это мир извечной Гармонии и Радости. Такой же является и библиотека-рай, архетип детских библиотек.

Другим аспектом категории Порядка, часто встречающимся в творчестве Борхеса, является порядок, устроенный человеком, но ими-

Ordinea înseamnă ordonare, ierarhizare, descifrare. Ea merge mână în mână cu efectul de oglindire prezent în diferite tipuri de relații și corelații: Lume-enciclopedie, colecție-catalog ș.a.m.d. Motivul labirintului nu este inventat de Borges, el avându-și începutul în străveacuri. Dar felul în care e concepută, imaginată și descrisă la el biblioteca-labirint constituie o realizare bibliosofică de excepție, cu repercusiuni asupra gândirii mai multor cărturari contemporani. Anume de la el pare să se fi inspirat Umberto Eco atunci când a conceput memorabila bibliotecă-labirint din romanul „Numele trandafirului”, construcție superinginerescă prin care scriitorul italian ne previne că excesul de ordine și de organizare conduce la autodistrugere.

5.

Este remarcabilă contribuția lui Borges la teoria ori, mai bine spus, la filosofia lecturii, pentru că reflecțiile sale la acest capitol decurg din cunoașterea de sine și din propria-i experiență de cititor. Concepția borgeană despre lectură se fundează pe înțelegerea literaturii ca pe o formă a fericirii. Și cum lectura este definită de el ca „o formă de viață a literaturii”, ea ține de asemenea de fericirea umană.

Această reîntemeiere a actului citirii produce o schimbare de optică în raport cu existentele până acum teorii ale lecturii. Astfel, ceea ce-l mobilizează pe cititor trebuie să fie nu interesul, ci dorința de lectură. Timpul lecturii, reversibil și circular, este un remediu contra angoasei existențiale legată de ireversibilitatea timpului obiectiv. Spațiul lecturii este o expresie a eliberării, el se extinde și chiar dispare, lectura permițându-i omului ca și cum să se desprindă de corporalitate, să se rupă din gravitația materiei.

Este vie la el consimțirea limitelor lecturii, acestea decurgând din viziunea ciclică asupra timpului și din rostul decodificator al cititului. Parafrazându-l pe Aristotel, care se referea la publicarea unei cărți, Borges afirmă: despre o carte poți să spui că ai citit-o și, în același timp, că nu ai citit-o, pentru că fiecare cititor în parte, dar mai ales fiecare generație de cititori va descoperi în ea valențe și sensuri noi. „O literatură, zice el, diferă de alta mai puțin prin text, cât prin felul în care e citită”, sau: „...istoria literară este istoria felurilor și motivelor de a o citi...”

тирующий божественное творение. Он связан с архетипом библиотеки-лабиринта. Здесь Порядок означает упорядочивание, иерархию, декодирование. Он сопряжен с эффектом отражения, который присутствует в различных типах отношений и соотношений: Мир-энциклопедия, коллекция-каталог и т.д. Мотив лабиринта придуман не Борхесом. Его истоки теряются в веках. Но то, как он мыслит, воображает и описывает библиотеку-лабиринт, являет собой исключительное библиософское творение, оказавшее влияние на многих современных ученых. Именно им, вероятно, вдохновился Умберто Эко, создавая свою незабываемую библиотеку-лабиринт в романе «Имя розы», сверхинженерную конструкцию, при помощи которой итальянский писатель предупреждает нас о том, что избыток порядка и организованности приводит к саморазрушению.

5.

Борхес внес значительный вклад в теорию, или, лучше сказать, в философию чтения, так как его рассуждения на этот счет вытекают из его самопознания и личного читательского опыта. Борхесовская концепция чтения основывается на понимании литературы как формы счастья. А поскольку чтение он определял как «форму жизни литературы», оно также связано с человеческим счастьем.

Предпринятое им воссоздание читательского акта ведет к изменению взгляда на существовавшие до сих пор теории чтения. Так, читателя должен мобилизовать не интерес, а желание читать. Время чтения, обратимое и круговое, выступает средством против экзистенциального страха, связанного с необратимостью объективного времени. Пространство чтения воплощает высвобождение, оно расширяется и даже исчезает, позволяя человеку как бы вырываться за рамки своей телесной сущности, материального притяжения.

Он признает границы чтения, которые вытекают из представления о цикличности времени и из декодирующего смысла чтения. Перефразируя Аристотеля, который говорил о публикации книги, Борхес утверждает: о книге можно сказать, что кто-либо ее прочитал и в то же время, что не прочитал, потому что каждый читатель в отдельности, а особенно каждое поколение читателей обнаружит в ней новые свойства и смыслы. «Одна литература, – говорил он, – отличается от другой не столько текстами, сколько способами их прочтения», или: «...литературная история – это история способов и поводов к ее прочтению...»

În plus, scrisul nu e, pentru Borges, decât o formă de lectură. Ideea pare să consune cu viziunea lui G. Steiner din celebrul tratat „După Babel”, numai că americanul abordează scriitura ca pe o traducere în limbaj a conceptelor interioare. Argentinianul merge mai departe, abodând-o ca pe un rezultat al citirii în Cartea Lumii.

Modul de organizare a lecturii decurge, la Borges, din constituția topografică a memoriei sale. În consens cu conceptul de timp ciclic, el crede că istoria literaturii, de exemplu, în special istoria poeziei, nu trebuie să fie învățată cronologic, ci pe zone și regiuni. Întrucât a asimilat „memoria cristalizată” conținută în paginile citite, un Cărturar se alege și el cu o astfel de memorie, încât nu are în fața sa decât prezentul etern. În consecință, interiorul său e ca un fel de hartă, pe care sunt trecute domenii de cunoaștere și teme. Lectura se pivotează la el pe dialectica golurilor și a plinurilor: când sesizează pe „harta” sa interioară un gol, o pată albă, el caută și citește cărțile necesare pentru a le surmonta. Borges merge și mai departe: atunci când nu găsește în bibliotecă cărțile cerute de golul sesizat în interior, el se apucă și le scrie.

Strâns legată de acest fenomen este și tehnica lecturii. Borges recurgea permanent la un procedeu asemănător cu utilizarea cuvintelor-cheie la regăsirea informației înmagazinate în calculator. Când avea de ținut o conferință, ori de scris un eseu, o ficțiune, el invoca unul sau câteva cuvinte pornitoare, acestea gravându-i-se parcă pe „ecranul” memoriei, apoi dezvolta în jurul lor întreaga temă. Memorizarea celor citite se fortifica de asemenea cu ajutorul unor astfel de cuvinte, uneori și cu al unor grupuri de litere. [...]

Primul bibliotecar din lume

[...] Ne amintim că acel prim bibliotecar se numea Șepsecafankh. Era un demnitar din timpul celei de a patra dinastii de faraoni și era, cum glăsuiește inscripția de pe mormânt, „șeful casei de scrieri”. Bibliologul neamț F. Milkau (în impunătorul său tratat „Geschichte der Bibliotheken im alten Orient”, apărută la Leipzig în 1935) a făcut o încercare de a stabili anii de viață ai celui bibliotecar. Ar reieși că Șepsecafankh s-a născut cam prin anul 2894 înainte de Hristos. Adică,

Кроме того, письмо для Борхеса не больше чем форма чтения. Это идея кажется созвучной взглядам Дж. Стайнера из его знаменитого трактата «После Вавилона», однако американец рассматривает письмо как перевод в речь внутренних концепций. Аргентинец же идет дальше, рассматривая его как результат чтения Мировой Книги.

Способ организации чтения вытекает у Борхеса из топографического строения его памяти. Сообразуясь с циклической концепцией времени, он считает, что историю литературы, например, особенно историю поэзии, нужно изучать не хронологически, а по зонам и регионам. Вобрав в себя с прочитанных страниц «кристаллизованную память», Читатель сам становится обладателем таковой, открывая перед собой вечное настоящее. Вследствие этого, его внутренний мир уподобляется карте, на которую перенесены области знаний и темы. Чтение вращается в нем вокруг диалектики пустот и заполненности: когда он обнаруживает на своей внутренней «карте» пустоту, белые пятна, он ищет необходимые книги для их заполнения. Борхес идет еще дальше: когда он не находит в библиотеках книг, которые нужны для заполнения внутренней пустоты, он пишет их сам.

С этим явлением тесно связана и техника чтения. Борхес всегда обращался к приему, похожему на поиск накопленной в компьютере информации с помощью ключевых слов. Когда ему нужно было прочитать лекцию, написать эссе или рассказ, он отталкивался от одного или нескольких отправных слов, которые будто высекались на «экране» памяти, а потом развивал вокруг них всю тему. Также, при помощи таких слов, а иногда и сочетания букв, упрочивалось запоминание прочитанного. [...]

Первый в мире библиотекарь

[...] Известно, что первого библиотекаря звали Шепсекафанкх. Он был государственным служащим времен фараонов четвертой династии, и занимал, как сообщает надпись на могиле, должность «начальника дома письма». Немецкий библиолог Ф. Милкау (в своем внушительном трактате «Geschichte der Bibliotheken im alten Orient», вышедшем в Лейпциге в 1935 году) попытался установить годы жизни этого библиотекаря. Выходит, что Шепсекафанкх родился около 2894 года до

în acest an s-ar împlini 4900 ani de la nașterea lui. Arheologul și bibliologul Nguin Hini a ajuns și el în evaluările sale aproape de această dată. [...] Prea puține lucruri știm despre acest prim bibliotecar. Dar oare peste alți 4900 ani despre noi, bibliotecarii din această clădire [...], se vor ști mai multe?

Totuși, știm câteva detalii interesante. Că în acele vremuri pregătirea unui bibliotecar începea de la vârsta de cinci ani și dura o perioadă îndelungată, pentru că el trebuia să devină cărturarul prim al comunității. Că datorită activităților prestate de el, știința scrierii și a citirii avea o răspândire cvasi generală. Că el era un om văzut, cinstit de faraon și de cetățeni, că i se atribuia una din cele mai înalte dregătorii din stat...

Ce bine e că primul bibliotecar din lume nu a rămas necunoscut, ne gândim tustrei. Există totuși dincolo de vremi, acolo sus, o răsplătă, se face o dreptate și cine ajunge cu înțelegerea la această înălțime, izbândește cu sufletul. [...]

Cum arată un curs special de bibliosofie

Tema 1. Introducere în curs

[...] Bibliosofia ca abordare din interiorul uman a problemelor cărții, lecturii și bibliotecii.

Structura disciplinei Bibliosofie. [...]

Tema 2. Filosofii lumii despre carte, lectură, bibliotecă

Filosofii antici: Confucius, Lao Zi, Platon, Hesiod, Aristotel, Marc Aureliu ș.a.

Filosofii medievali: Dionisie Areopagitul, Aureliu Augustin, Boethius, Toma d'Aquino, Abelard.

Filosofii Renașterii: Bruno, Alighieri, Mirandola, Cusanus, Da Vinci, Kepler.

Filosofii moderni: F. Bacon, R. Descartes, D. Hume, G. Berkeley, T. Hobbes, Voltaire, Montesquieu, Rousseau, Helvetius.

Filosofii clasici germani: Kant, Hegel, Schelling.

Filosofii de la sf. sec. XIX – sec. XX: Schopenhauer, Nietzsche, Husserl, Bergson, Heidegger, Kierkegaard, Derrida, Hartman, K. Popper.

Рождества Христова. То есть, в этом году исполнилось бы 4900 лет со дня его рождения. Археолог и библиолог Нгуин Хини в своих расчетах пришел примерно к той же датировке. [...] Как же мало мы знаем о том первом библиотекаре! А будут ли знать больше о нас, библиотекарях, работающих в этом здании, [...] спустя еще 4900 лет?

Тем не менее, нам известно несколько интересных подробностей. Что в те времена подготовка библиотекаря начиналась в возрасте пяти лет и продолжалась долгое время, поскольку он должен был стать первым ученым своего сообщества. Что благодаря его деятельности наука письма и чтения были широко распространены. Что он был видным человеком, почитаемым фараоном и гражданами. Что он получал одну из самых высоких сановных должностей в государстве...

Как хорошо, что первый в мире библиотекарь не остался безвестным, подумали мы втроем. Все-таки есть за гранью времен, там, наверху, расплата, свершается справедливость, и кто с пониманием приходит к этим высотам, тот побеждает душой. [...]

Как выглядит спецкурс по библиософии?

Тема 1. Введение в курс

[...] Библиософия как изучение проблем книги, чтения и библиотеки с точки зрения внутреннего мира человека.

Структура Библиософии как дисциплины. [...]

Тема 2. Философы мира о книге, чтении, библиотеке

Философы античности: Конфуций, Лао-цзы, Платон, Гесиод, Аристотель, Марк Аврелий и др.

Философы средневековья: Дионисий Ареопагит, Аврелий Августин, Боэций, Фома Аквинский, Абельяр.

Философы Возрождения: Бруно, Алигьери, Мирандола, Кузанус, Да Винчи, Кеплер.

Философы Нового времени: Ф. Бэкон, Р. Декарт, Д. Юм, Дж. Беркли, Т. Гоббс, Вольтер, Монтескье, Руссо, Гельвеций.

Немецкие классические философы: Кант, Гегель, Шеллинг.

Философы конца XIX – XX вв.: Шопенгауэр, Ницше, Гуссерль, Бергсон, Хайдеггер, Кьеркегор, Деррида, Гартман, К. Поппер.

Gânditorii români: D. Cantemir, M. Costin, Gh. Asachi, V. Conta, T. Maiorescu, Eminescu, Rădulescu-Motru, L. Blaga, C. Noica, M. Eliade, B.P. Hasdeu. [...]

Tema 4. Ontologia cărții și a bibliotecii

Trecerea în revistă a teoriilor referitoare la originea cărții și a bibliotecii:

- Versiunea relativă la compensarea imperfecțiunii memoriei umane;
- Versiunea privind determinismul statal;
- Versiunea relativă la uitare și moarte;
- Antagonismul concepțiilor de carte orală și carte scrisă;
- Utilizarea metodei dialectice în deducerea premiselor apariției cărții și lecturii. Aplicarea analogiilor experienței de Kant.
- Tipologia ontologică, ontică și bibliosofică. [...]

Tema 5. Filosofia biblioteconomiei

- Răsfrângerea categoriilor filosofice în conceptul și în institutul de bibliotecă:
 - Bibliotecă – întruchipare a Ordinii.
 - Categoriile de timp și spațiu în biblioteconomie.
- Conceptul de tehnică în filosofie (M. Heidegger) și manifestarea lui în câmpul biblioteconomiei. Aspecte ale tehnicii ca modalitate de scoatere din ascundere (cataloge, fișiere, baze de date, descrieri analitice).
- Abordări filosofice ale biblioteconomiei ca obiect (orientarea tehnocrată, orientarea socială, orientarea ideologică, orientarea soteriologică).
- Viziunea continentală și viziunea transoceanică asupra bibliotecii ca fenomen al culturii.
- Tipologia ontologică a bibliotecilor:
 - arhetipul de labirint;
 - arhetipul de paradis;
 - arhetipul de turn;
 - arhetipul de Ordine;
 - arhetipul de memorie colectivă;

Румынские мыслители: Д. Кантемир, М. Костин, Г. Асаки, М. Конта, Т. Майореску, Эминеску, Рэдулеску-Мотру, Л. Блага, К. Нойка, М. Элиаде, Б.П. Хашдеу. [...]

Тема 4. Онтология книги и библиотеки

Обзор теорий о происхождении книги и библиотеки:

- Версия о компенсации несовершенства человеческой памяти;
- Версия касательно государственного детерминизма;
- Версия относительно забвения и смерти;
- Антагонизм концепций устной книги и написанной книги;
- Использование диалектического метода в дедукции предпосылок появления книги и чтения. Приложение аналогий опыта Канта.
- Онтологическая, онтическая и библиософская типология. [...]

Тема 5. Философия библиотековедения

- Влияние философских категорий на концепцию и институт библиотеки:
 - Библиотека – воплощение Порядка.
 - Категории времени и пространства в библиотековедении.
- Концепция техники в философии (М. Хайдеггер) и ее проявление в сфере библиотековедения. Аспекты техники как способа извлечения из тайника (каталоги, картотеки, базы данных, аналитические описания).
- Философская трактовка библиотековедения как предмета (технократическое направление, социальное направление, идеологическое направление, сотериологическое направление).
- Континентальный и заокеанский взгляд на библиотеку как явление культуры.
- Онтологическая типология библиотек:
 - архетип лабиринта;
 - архетип рая;
 - архетип башни;
 - архетип Порядка;
 - архетип коллективной Памяти;

- arhetipul de nod (loc focalizator), centru al comunicării.

Dezbatere: Discutarea (și lecturi fragmentare, după caz) a ficțiunii „Biblioteca Babel” de Borges.

Tema 6. Filosofia lecturii

- Viziuni asupra conceptului de lectură pe parcursul istoriei:
 - Lumea ca o carte. Confundarea noțiunii de *a exista* cu aceea de *a citi*.
 - Citirea urmelor (Freud, Derrida). Urme lăsate de trup și urme lăsate de spirit. Scrierea, textul ca urmă a spiritului.
 - Două categorii de lectură în lume: lectura interpretativă (în Orient) și lectura liniară (în Occident). Deosebire dintre ele și consecințele lor asupra Ființei și spiritualității.
- Abordările filosofice de bază ale lecturii:
 - tehnică (Platon);
 - lectura ca amintire (Bergson);
 - lectura ca reamintire (Kierkegaard);
 - lectura ca transbordare (Valéry, Proust).
- Tipuri ontice de lectură (citire):
 - vizuală;
 - auditivă;
 - lectio palpabile;
 - lectura olfactivă;
 - cititul cu inima. Lectura de chilie.
- Lectura și problemele fericirii (Borges).
- Abordarea teoretică a lecturii: psihanalitică (Freud), psihologico-spiritistă (de Berry), textualistă (P. Cornea).
- Lectura în condițiile societății informaționale:
 - Hartman și Shannon despre limitele receptării umane. Lectura ca receptare multimedia;
 - Aspecte ale lecturii electronice: probleme ființiale și ontologice (U. Eco).

Masă rotundă: Experiențe, observații, probleme și sugestii privind lectura în internet a copiilor și a tineretului.

- архетип узла (фокусирующего места), центра общения.

Обсуждение: Разбор (и чтение фрагментов, по ситуации) рассказа «Вавилонская библиотека» Борхеса.

Тема 6. Философия чтения

- Взгляды на концепцию чтения, сложившиеся на протяжении истории.
 - Мир как книга. Конфликт понятий *существовать* и *читать*.
 - Чтение следов (Фрейд, Деррида). Следы, оставленные телом, и следы, оставленные духом.
 - Две категории чтения в мире: интерпретативное чтение (на Востоке) и линейное чтение (на Западе). Разница между ними и их влияние на Сущность и духовность.
- Основные философские трактовки чтения:
 - техническая (Платон);
 - чтение как воспоминание (Бергсон);
 - чтение как припоминание (Кьеркегор);
 - чтение как перемещение (Валери, Пруст).
- Онтические типы чтения (прочитывания):
 - визуальное;
 - слуховое;
 - *lectio palpabile*;
 - обонятельное чтение;
 - чтение сердцем. Чтение в келье.
- Чтение и проблема счастья (Борхес).
- Теоретическая трактовка чтения: психаналитическая (Фрейд), психологически-спиритуалистская (де Берри), текстуальная (П. Корня).
- Чтение в условиях информационного общества:
 - Гартман и Шеннон о пределах человеческого восприятия. Чтение как мультимедийное восприятие;
 - Аспекты электронного чтения: сущностные и онтологические проблемы (У. Эко).

Круглый стол: Опыт, наблюдения, проблемы и предложения касательно чтения в интернете детьми и молодежью.

Tema 7. Aspecte filosofice ale bibliopsihologiei și biblioarhitecturii

- Viziunea antică asupra bibliotecii ca Farmacie pentru suflet. Cauzele (premisele) apariției acestui aspect conceptual: teama de moarte și teama de zei (Lucrețiu), teama individuației (Marc Aureliu). Remediile oferite de lectură, după filosofi antici: timpul reversibil și spațiul estompat al cititului, medicament pentru alungarea grijilor (Platon), lectura ca telos (Aristotel), lectura ca joc (Huizinga).
- Acțiunea spațiului și a mediului ambiental asupra lecturii. Legea contrastului recepționării și percepției formulată de Kierkegaard.
- Fobiile contemporane și premisele apariției bibliopsihologiei:
 - Fobiile psihologice ale lecturii. Teama de limite. Complexele de inferioritate. Metodele de abordare (tratare) bibliopsihologică.
 - Evoluția bibliopsihologiei de la antici la Rubakin și în zilele noastre.
 - Fobiile sociale și rolul bibliotecilor în menținerea speranței de viață și a incluziunii.
- Biblioarhitectura ca factor de impact bibliopsihologic:
 - Concepte primordiale. Casa ca simbol al Conștiinței. Casa și jertfa. Casa și ordinea lumii. Concepte antice de clădiri pentru biblioteci.
 - Vitruviu despre antropomorfismul arhitecturii. Făptura umană ca model și ca raport de proporții, etalon pentru arhitectură. Acțiunea aspectelor antropomorfe ale arhitecturii asupra psihicului uman.
 - Legea contrastului receptării a lui Kierkegaard și aplicarea ei în biblioarhitectură.
 - Evoluția biblioarhitecturii mondiale. Metafore, arhetipuri, tendințe moderne. Aspectele ecologice ale biblioarhitecturii. Corelația factorilor de impact psihologic al biblioarhitecturii: aproapele și departele, familiarul și distantul.

Тема 7. Философские аспекты библиопсихологии и библиоархитектуры

- Античные взгляды на библиотеку как Аптеку для души. Причины (предпосылки) возникновения этого концептуального аспекта: страх смерти и страх перед богами (Лукреций), страх индивидуации (Марк Аврелий). Лекарство, которое дает чтение, согласно античным философам: обратимое время и размытое пространство чтения, средство ухода от забот (Платон), чтение как телос (Аристотель), чтение как игра (Хёйзинга).
- Воздействие пространства и окружающей среды на чтение. Закон контраста приема и перцепции, сформулированный Кьеркегором.
- Современные фобии и предпосылки возникновения библиопсихологии:
 - Психологические фобии чтения. Страх пределов. Комплексы неполноценности. Методы библиопсихологической интерпретации (трактовки).
 - Эволюция библиопсихологии от античных философов до Рубакина и наших дней.
 - Социальные фобии и роль библиотек в сохранении продолжительности жизни и инклюзивности.
- Библиоархитектура как фактор библиопсихологического воздействия:
 - Изначальные концепции. Дом как символ Сознания. Дом и жертва. Дом как мировой порядок. Античные концепции библиотечных зданий.
 - Витрувий об антропоморфизме архитектуры. Человек как модель и соотношение пропорций, эталон для архитектуры. Воздействие антропоморфных аспектов архитектуры на человеческую психику.
 - Закон контраста восприятия Кьеркегора и его применение в библиоархитектуре.
 - Развитие мировой библиоархитектуры. Метафоры, архетипы, современные тенденции. Экологические аспекты библиоархитектуры. Соотношение факторов психологического воздействия библиоархитектуры: близкое и далекое, знакомое и отдаленное.

- Modele de biblioarhitecturi sub aspectul lor filosofic și bibliopsihologic: Alexandria, Paris, Riga, Quebec, America, Copenhaga, Varșovia (biblioteca centrală universitară) ș.a. [...]

Tema 8. Probleme filosofice ale cărții, bibliotecii, lecturii în epoca globalizării. Bibliofuturologia. Postmodernismul în biblioteconomie

- Postmodernismul în cultură. Conceptul de sat global și consecințele fructificării lui. Biblioteca postmodernă (parametri, funcționalitate, perspective).
- Trei abordări (și profeții) privind rostul și viitorul cărții, lecturii, bibliotecii:
 - Mc Luhan: dispariția cărții și a bibliotecii;
 - U. Eco. De la Internet la Gutenberg;
 - H.R. Patapievici. Sinteză critică.
- A. Rău despre vechea/ noua bibliotecă în condițiile vechii/ noii globalizări;
- Bibliofuturologia ca produs al erei informaționale: ontologie, metodologie, tendințe.

Masă rotundă: Discuție, în baza celor citite și a experienței acumulate de către auditori, asupra problemelor cărții, lecturii, bibliotecii în Moldova actuală, în abordare filosofică și bibliosofică.

Tema 9. Cunoașterea de sine și întemeierea pe aceasta a stilului bibliosofic individual

- Proiectarea postulatului socratic „Cunoaște-te pe tine însuși” în universul lecturii. Metode de cunoaștere a limitelor și capacităților personale de cititor și adaptarea la ele a actului lecturii.
Gabriel Liiceanu despre arta de a-ți alege cărțile de citit. Liderii lecturii.
- Interiorizarea și concentrarea – condiție principală a actului lecturii. Secretele asigurării unei condiții fizice și psihologice necesare pentru o lectură creatoare. Problema lecturii.

- Библиоархитектурные модели с философской и библиопсихологической точек зрения: Александрия, Париж, Рига, Квебек, Америка, Копенгаген, Варшава (центральная университетская библиотека) и др. [...]

Тема 8. Философские проблемы книги, библиотеки, чтения в эпоху глобализации. Библиофутурология. Постмодернизм и библиотекведение

- Постмодернизм в культуре. Концепция глобальной деревни и последствия ее освоения. Библиотека постмодерна (параметры, функциональность, перспективы).
- Три взгляда (и пророчества) на значение и будущее книги, чтения, библиотеки:
 - Маклюэн: исчезновение книги и библиотеки;
 - У. Эко. От Интернета к Гутенбергу;
 - Х.-Р. Патапиевич. Критический синтез.
- А. Рэу о старой/ новой библиотеке в условиях старой/ новой глобализации.
- Библиофутурология как продукт информационной эры: онтология, методология, тенденции.

Круглый стол: Беседа, основанная на опыте слушателей и на прочитанном ими материале о проблемах книги, чтения, библиотеки в сегодняшней Молдове: обсуждение этих аспектов с философской и библиософской точек зрения.

Тема 9. Самопознание и построение на его основе индивидуального библиософского стиля

- Соотнесение сократического постулата «Познай самого себя» с миром чтения. Методы познания личных читательских ограничений и умений и адаптация к ним читательского акта. Габриел Лиичану об искусстве выбора книг для чтения. Лидеры среди читателей.
- Интериоризация и концентрация – основное условие читательского акта. Секреты создания необходимого физического и психологического состояния для творческого чтения. Проблема чтения.

- Factorul gastronomic și mediul (locul) lecturii. Rețetele duhovnicești.
Profilul de cititor al lui Nietzsche: subiectivismul necesar, cunoașterea limitelor pentru a le putea depăși, lectura ca efort continuu, ca act de supraviețuire.
- Lectura formatoare. Sistemul personal de lectură elaborat în baza cunoașterii de sine. Cititul ca o condiție a afirmării personalității.
Analiza profilului și cazului Patapievici. [...]

- Гастрономический фактор и обстановка (место) чтения. Духовные рецепты. Читательский профиль Ницше: необходимый субъективизм, знание пределов для возможности их преодоления, чтение как безостановочное усилие, как акт выживания.
- Формирующее чтение. Личная система чтения, разработанная на основе самопознания. Чтение как условие самореализации. Анализ читательского профиля Патапиевича. [...]

Mircea V. CIOBANU

Câmpul de lectură. Marginalii la o teorie (încă) nescrisă

* * *

Cititorul (chiar și cel mai ingenuu) vine pe terenul (minat, vom vedea) al textului cu o anumită „experiență”. Acești doi factori, textul și cititorul sunt deja două inducții foarte diferite: textul (*câmpul scriiturii*, cu toate tensiunile-inducțiile autorului) intră într-o conexiune cu experiența lectorului. Sugeram mai sus că există deja o anumită experiență a cititorului, o anumită „încărcătură”: știe să citească/ să asculte niște texte; eventual, știe că ceea ce citește este „roman”, „nuvelă”, „document” etc. Mai curând, cineva i-a sugerat/ recomandat textul (ori a auzit despre el); altfel spus, există a priori un „orizont de așteptare”, configurat/ infirmat, total ori parțial, la lectura ce va urma... [...]

* * *

Citesc, la I.D. Sârbu, un silogism cutremurător al unui teolog arab din secolul IX, Ibn-Saun: „Cine mă caută, mă găsește; Cine mă găsește, mă iubește; Cine mă iubește, îl iubesc; Pe cine îl iubesc... îl distrug”. Chiar dacă e o trimitere la Atotputernicul, textul acesta poate fi citit ca un monolog al Cărții, or, o carte adevărată e una căutată (i se caută sensurile), e una îndrăgită, în fine, e una „care mă dorește” (R. Barthes) și, din această dragoste pentru mine, mă distruge. Nu mai sunt eu, *nu mai sunt același* după ce am lecturat o carte care m-a impresionat. Este tocmai acțiunea... nefastă (în sens strict psihologic) pe care mi-a produs-o acțiunea câmpului de lectură (ca să ne convingem încă o dată că el există în sensul cel mai direct, fizic).

Мирча В. ЧОБАНУ

Поле чтения. Заметки на полях (еще) ненаписанной теории

* * *

Читатель (даже самый простодушный) подступает к (заминированному, как мы увидим) пространству текста, обладая уже определенным «опытом». Эти факторы, текст и читатель, уже являются двумя совершенно разными индукциями: текст (*поле письма*, со всем напряжением и индукциями автора) вступает во взаимодействие с опытом читателя. Выше я указывал на то, что у читателя уже есть определенный опыт, определенный «заряд»: он умеет читать/ слушать тексты; возможно, он знает, что то, что он читает, является «романом», «новеллой», «документом» и т.д. Скорее всего, кто-нибудь ему посоветовал/ порекомендовал текст (либо он о нем услышал); другими словами, априори существует некий «горизонт ожидания», который при последующем чтении полностью или частично оправдывается, либо не оправдывается... [...]

* * *

У И.Д. Сырбу читаю потрясающий силлогизм арабского теолога IX века Ибн-Сауна: «Кто меня ищет, тот меня находит; Кто меня находит, тот меня любит; Кто меня любит, того люблю и я; Кого я люблю... того я убиваю». Пусть это всего лишь отсылка на Всемогущего, но этот текст может быть прочитан как монолог Книги, поскольку настоящая книга – та, которую ищут (в ней ищут смыслы), которую любят, наконец, та, которая «меня желает» (Р. Барт), и которая, из-за своей ко мне любви, меня же и убивает. Я уже не остаюсь собой, *я уже не тот* после того как прочитал впечатлившую меня книгу. В этом и состоит... злополучное воздействие (в чисто психологическом смысле), которое оказало на меня поле чтения (здесь мы еще раз убеждаемся в том, что оно существует в самом прямом, физическом смысле).

* * *

Desigur, un câmp de lectură „concret” e un caz particular, unul din posibilele modele. E un fel de „robinsoniadă”, în care lectorul (personaj sau element-cheie) uzează, pe de o parte, (doar) de experiența proprie anterioară, iar pe de altă parte, (doar) de resursele la îndemână (cartea de referință plus eventualele anexe: biografii, memorii, glosare, marginalii, opinii critice, enciclopedii etc.).

O experiență de lectură începe cu speranța de a regăsi aici ceva proiectat de „orizontul de așteptare”, dar și cu o anumită îngrijorare: „Voi înțelege?” „Totul începe cu o punere sub semnul întrebării, ne previne Jean Bollack, cu trecerea printr-un soi de ne-cunoaștere radicală. «Sensul nu va fi cumva altul?», iată singura întrebare ce trebuie pusă”.

În una dintre scrisorile către Lucilius, Seneca, amintind că „pe una și aceeași luncă boul caută iarbă, câinele – un iepure, iar barza – o șopârlă”, deduce simplu că un literat, un lingvist și un filozof vor găsi lucruri diferite în (d.e.) aceeași lucrare a lui Cicero *Despre stat* (unul se va interesa de fabulă: „erau doi împărați romani, unul n-avea mamă, celălalt tată”..., altul va remarca prezența unor formule lingvistice arhaice, iar al treilea se va preocupa de problemele echității/ dreptății).

Glose pentru poetica cititului

* * *

Preferințele de lectură se conjugă cu modalitățile de lectură. Nicolae Manolescu invocă o clasificare interesantă: epoci „religioase”, având cultul Cărții și epoci „laice”, având cultul cărților, al bibliotecii. Ambele sunt niște extreme: unul citește (devorează fără discernământ) cărțile, celălalt își impune, sadic, restrictiv, o singură lectură, etern reluată: Cartea. Într-un caz contează actul, în altul – obiectul. Lectura cărților distruge Cartea, sau: „Cartea s-a degradat în cărți, așa cum Ideea s-a degradat în idei, ori Cuvântul în cuvinte”. Pe de altă parte, Cartea (unică) distruge lectura. Totuși ambele își au părțile bune – una presupune *diversitatea*, alta impune *calitate*.

* * *

Конечно, «конкретное» поле чтения – это частный случай, одна из возможных моделей. Нечто вроде «робинзонады», в которой читатель (персонаж или ключевой элемент), исходит, с одной стороны, (только) из своего личного предшествующего опыта, а с другой стороны, (только) из имеющихся под рукой источников (сама книга плюс возможные приложения: биографии, воспоминания, критические отзывы, энциклопедии и т.д.).

Опыт чтения начинается с надежды обрести в книге что-то спроецированное «горизонтом ожидания», но и определенной тревогой: «Пойму ли?» «Все начинается с постановки вопроса, – предупреждает нас Жан Боллак, – с преодоления некоего радикального не-знания. „Не будет ли смысл иным?“, – вот единственный вопрос, который стоит себе задать».

В одном из писем к Луцилию Сенека, напоминая, что «на одном и том же поле бык ищет траву, собака – зайца, аист – ящерицу», делает простой вывод о том, что литератор, лингвист и философ обнаружат разные вещи в работе Цицерона *О государстве* (одного заинтересует сюжет: «жили два императора, у одного не было матери, у другого – отца»..., другой отметит наличие архаичных языковых формул, а третий займется проблемами справедливости/ правосудия).

Глоссы к поэтике чтения

* * *

Читательские предпочтения соотносятся со способами чтения. Николае Манолеску приводит интересную классификацию, которая включает «религиозные» эпохи с их культом Книги, и «светские» эпохи с культом книг, библиотеки. И то и другое – крайности: один читает (поглощает без разбора) книги, другой – по-садицки, ограничительно – навязывает себе только одну, бесконечно перечитываемую Книгу. В одном случае важен акт, в другом – предмет. Чтение книг уничтожает Книгу, или: «Книга выродилась в книги, точно также как Идея выродилась в идеи, либо Слово в слова». С другой стороны, (одна единственная) Книга убивает чтение. И все же, в обоих случаях есть и хорошие стороны – один предполагает *разнообразие*, другой – *качество*.

Variantele intermediare, (relativ) mixte sunt totuși preferabile. Un exemplu bun de atitudine pioasă față de lectură pe care-l propune Manolescu vine din modernitate (nu din Antichitate ori Evul Mediu, cum s-ar fi așteptat cineva): Faulkner, cel care preferă să recitească periodic *Don Quijote*, *Madame Bovary*, *Frații Karamazov*, *Vechiul Testament*, decât să urmărească literatura contemporană. Jocul este într-adevăr ritualic și aproape religios. Eu, unul, parcă m-aș mai extinde puțin. Dar nu mult de tot. În orice caz, nu până la un personaj de-al lui Gogol (invocal de Manolescu), care citește orice, încât nu-l mai captivează cărțile, ci procesul în sine. În comparație cu el, devoratorii actuali de telenovele sunt aproape ritualic-religioși: mai oftează, mai lăcrămează, mai surâd. Și rețin nume de personaje!

* * *

Un sfat dintre cele multe: nu te speria dacă un autor te captivează într-atât, încât ai vrea să citești mai multe din textele lui, bineînțeles, cu riscul de a-i lăsa pe alții necitiți. Urmează-ți setea. Evident, poți să-ți propui inversul: să citești câte puțin din toți. Dar Seneca (întru în Antichitate, încep să devin patetic) îi explica lui Lucilius posibilele consecințe printr-o imagine, care vine din compararea citirii unei multitudini de autori și a unei diversități mari de texte cu viața unui veșnic rătăcitor în lume: *are o mulțime de cunoștințe/ gazde, dar n-are prieteni*. Așa că... alege și tu.

Sfatul lui este o consolare și pentru mine, care n-am atât de mulți autori pe care să-i vizitez permanent. Probabil cam asta se cuprinde în dictonul lui Pliniu cel Tânăr (vorbea și el despre ce/ cât trebuie să citești): „Non multa, sed multum”.

* * *

Citesc experiența de lectură a cuiva. Dacă, citind, se împiedică de anumite dificultăți, nu face eforturi de a le depăși, ci, după ce încearcă o dată, de două ori să se descurce, le lasă baltă și merge mai departe. Este încrezut că dacă s-ar opri mai mult, numai ar pierde timp, deoarece tot ce n-a înțeles dintr-odată, la relecturi atente și insistente înțelege și mai puțin. Tot ce face îi place să facă vesel, pe când insistența, tenacitatea, perseverența acționează asupra sa apăsător.

Однако предпочтительны промежуточные, (относительно) смешанные варианты. Хороший пример благочестивого отношения к чтению, предложенный Манолеску, можно найти в Новое время (не в Античности или Средневековье, как можно было бы подумать): Фолкнер, который предпочитал скорее периодически перечитывать *Дон Кихота*, *Госпожу Бовари*, *Братьев Карамазовых*, *Ветхий Завет*, чем следить за современной литературой. Эта игра действительно не лишена ритуальности и носит почти религиозный характер. Мне же хотелось бы немного расширить этот список. Однако несильно. В любом случае, не до уровня гоголевского персонажа (упомянутого Манолеску), читавшего все подряд, так, что его интересовали уже не столько книги, сколько сам процесс. По сравнению с ним нынешние потребители мыльных опер почти так же ритуально-религиозны: они вздыхают, проливают слезы, улыбаются. И помнят имена персонажей!

* * *

Один из множества советов: не пугайся, если какой-нибудь писатель увлек тебя настолько, что тебе захотелось прочитать из него больше, разумеется, рискуя при этом не прочитать остальных. Следуй своей жажде. Безусловно, ты можешь сделать и обратное: прочитать понемногу из всех. Но Сенека (обращаясь к Античности, становлюсь пафосным) объяснял Луцилию возможные последствия этого при помощи образа, в котором чтение множества авторов и большого разнообразия текстов сравниваются с жизнью вечного скитальца: *у него много знакомых/ пристанищ, но нет друзей*. Так что... выбор за тобой.

Число авторов, к которым я постоянно возвращаюсь, невелико. Поэтому совет Сенеки является для меня утешением. Наверное, именно это и подразумевает изречение Плиния Младшего (который тоже писал о том, что/ сколько нужно читать): «Non multa, sed multum».

* * *

Читаю о читательском опыте некоего человека. Если во время чтения он наталкивается на определенные трудности, то не прилагает усилий, чтобы их преодолеть, но, попытавшись справиться раз или два, машет на них рукой и идет дальше. Он уверен, что, если он задержится больше, то лишь потеряет время, так как все, что он не понял с первого раза, он понимает еще меньше, когда пытается перечитать текст с большим вниманием и упорством. Все, что он делает, ему нравится делать весело, тогда как настойчивость, упорство, старания оказывают на него гнетущее воздействие,

sător, îl obosesc și îl întristează. Citind prea atent, începe să vadă rău. Când îl enervează o carte, o aruncă și ia alta, pe care o citește, categoric, doar atunci când moare de urât. Nu citește autori noi, îi preferă pe cei vechi, nu citește în limba străină, pentru că o cunoaște superficial. Printre preferințele sale se numără *Decameronul* lui Boccaccio... Acest specimen, care nici pe departe nu pare a fi cititorul ideal, se numește Michel Montaigne.

* * *

Orice carte citită trebuie să fie *o carte-asiin*: să omoare în noi tot omul care a fost până la lectură. Ca o sticlă de vin, ca o femeie frumoasă plutindu-ne enigmatic prin fața ochilor, ca șocul unui cataclism, ca un război care schimbă fața lumii.

* * *

Și încă ceva. Nu impuneți nimănui nicio carte (nici „cartea”, în general). Nici – cu atât mai puțin! – copiilor. Poți să-l înveți pe cineva să citească, dar e altceva. După cum unora le face bine lectura, altora le face bine... necititul. Cărțile i-au cucerit pe atâția, că au și ele dreptul – ca toate femeile – să aleagă pe cine să cucerească și pe cine nu. Așa că unii... chiar ar fi bine să se lase de citit și să facă alte lucruri, utile și plăcute. (Adică, tot așa cum un apologet al cărților, Ieronim, cel care *altădată* spunea: „Iubește știința scrisului și vei renunța la păcatele trupului”, s-a înfiorat citindu-l pe Plaut – care nu era autorul lui – am putea spune, ducând ideea până-n pânzele albe, că pentru unii a citi cărți e o eroare, o netrebuință, un sacrilegiu).

* * *

O (primă!) lectură este și *o primă interpretare a cărții* (orice ar spune criticii „serioși”, care cred că exercițiul hermeneutic e apanajul lor). În general, orice lectură este cu adevărat plăcută doar atunci când, *citind textul, îl joci, îl imaginezi, îl interpretezi*. Trebuie să ai dorința (cel puțin) de a vorbi despre această carte proaspăt citită, de a o povesti, de a lua pixul/ creionul și a mâzgăli câmpurile, de a transcrie, de a citi cu voce tare. O carte citită e așadar o carte cu câmpurile scrise și desenate (fie și imaginar, că altfel intru în conflict cu bibliotecarii), cu

утомляют и печалят. Читая слишком внимательно, у него портится зрение. Когда его раздражает какая-нибудь книга, он ее выбрасывает и берет другую, которую читает лишь тогда, когда умирает со скуки. Он не читает новых авторов, предпочитая им старых, он не читает на иностранных языках, которые знает довольно поверхностно. Среди его предпочтений фигурирует *Декамерон* Боккаччо... Имя этого человека, которого даже близко нельзя назвать образцовым читателем, Мишель Монтень.

* * *

Каждая прочитанная книга должна быть *книгой-убийцей*: она должна убивать в нас того, кем мы были до начала чтения. Подобно бутылке вина, красивой женщине, загадочно парящей перед нашим взором, подобно шоку от какого-нибудь катаклизма или войне, преображающей мир.

* * *

И еще кое-что. Книги (и «книгу» вообще) не нужно никому навязывать, даже – тем более! – детям. Можно научить кого-то читать, но это другое дело. Если некоторым чтение приносит пользу, то другим пользу приносит... его отсутствие. Книги покорили столько, что и у них есть право – как и у всех женщин – самим выбирать, кого покорять, а кого нет. Так что некоторым людям... лучше оставить книги и заняться чем-то другим, полезным и приятным. (То есть, точно также, как и другой апологет книг, Иероним, который *давным-давно* говорил: «Полюби искусство письма и отступишься от грехов телесных», вышел из себя, читая Плавта – который не был его автором, – можно сказать, доведя идею до крайности, что для некоторых чтение книг – это ошибка, низость, богохульство).

* * *

(Первое!) прочтение книги – это уже и *первая ее интерпретация* (что бы ни говорили «серьезные» критики, которые считают, что герменевтические занятия – их удел). Вообще, всякое чтение по-настоящему приятно только тогда, когда, *читая текст, разыгрываешь его, представляешь его себе, интерпретируешь*. Должно быть желание (хотя бы) поговорить о недавно прочитанной книге, рассказать о ней, взять ручку/ карандаш и начать марафь поля, переписывать, читать вслух. Поэтому на полях прочитанной книги всегда будут рисунки и пометки (пусть и воображаемые, поскольку таким образом я рискую рассориться с библиотекарями), подчеркнутые строчки, вопросительные и вос-

rânduri subliniate, cu semne de interogare și de exclamare, cu semnele ortografice și literele omise de corector și puse de cititor...

Apropo, *lectura critică* (de la sublinieri și note pe câmp până la... repovestire și recenzare) permite digerarea hranei. Altfel, boțurile înghițite vor fi eliminate din organism intacte, fără să ne dăuneze.

* * *

Teoria literaturii distinge cel puțin 3 sensuri ale cuvântului *cititor*: a) cititorul-model (Eco), destinatarul *virtual*, închipuit de către autor ca potențial utilizator, un fel de reprezentant al publicului-țintă; b) cititorul implicat în schema discursului, *imaginea cititorului reflectată în operă*, cu care autorul dialoghează sau își adresează (formal, la pers. II) discursul/ mesajul; c) cititorul real, publicul cititor care – indiferent de intenția autorului – citește cartea.

În lume se cunosc mai multe cazuri când cititorii adună bani pentru monumentul unui scriitor. E timpul ca scriitorii – care scriu, oricum, din necesitate fiziologică, nu din dorința publicului – să pună mână de la mână și să înalțe un monument Cititorului fidel, sincer, pasional. Prin prezența acestuia, și meseria de scriitor se crede, oarecum, justificată.

Adept al lecturilor hedoniste, Roland Barthes decretează un fel de Ligă de apărare a textului de plăcere: *Societatea Prietenilor Textului*: membrii săi nu ar avea nimic în comun (căci nu există neapărat un acord asupra textelor de plăcere), în afara dușmanilor lor: pisălogi de toate soiurile, care decretează decăderea din drepturi a textului și a plăcerii sale, fie din conformism cultural, fie dintr-un raționalism intransigent, fie din moralism politic, fie prin critica semnificantului, fie prin pragmatism imbecil, fie dintr-o naivitate de bufon, fie prin distrugerea discursului, pierderea dorinței verbale”. (*Plăcerea textului*, p. 24-25)

* * *

Câteva forme de citire-interpretare – „splendide, excitante”, exclamă Eco – ni le propune Borges. Printre ele, citirea *Odiseei* ca și cum ar fi fost posterioară *Eneidei* (ar fi fost un alt text, nu? – în cheia lui *Don Quijote* de Menard). Eco însuși propune citirea unui text polițist de Rex Stout în spirit kafkian și – o, blasfemie! – citirea *Procesului*

клицательные знаки, орфографические знаки и упущенные корректором, но вписанные читателем буквы...

Кстати, *критическое чтение* (начиная с подчеркиваний и заметок на полях до... изложения и рецензирования) дает возможность переварить пищу. Иначе проглоченные куски будут выведены из организма нетронутыми, не принеся нам ни малейшего вреда.

* * *

В теории литературы различают по меньшей мере 3 смысла слова *читатель*: а) читатель-модель (Эко), *виртуальный* адресат, представляемый автором в качестве возможного пользователя, что-то наподобие представителя целевой аудитории; б) читатель, вовлеченный в дискурсивную схему, *образ читателя, отраженный в произведении*, с которым автор ведет беседу или к которому обращает (формально, от второго лица) свое высказывание/ посыл; в) реальный читатель, читательская публика, которая – независимо от авторского намерения – читает книгу.

В мире известно множество случаев, когда читатели собирают деньги на памятник какому-нибудь писателю. Пришло время, чтобы писатели – так или иначе, пишущие из физиологической потребности, а не из-за желания публики – собрали с миру по нитке и воздвигли памятник преданному, искреннему, страстному Читателю. Ведь только благодаря Читателю писательскому ремеслу, как-никак, можно найти оправдание.

Приверженец гедонистического чтения, Ролан Барт провозглашает нечто вроде Лиги по защите текста-удовольствия: «*Общество Друзей Текста*: у его членов не будет ничего общего (ведь неперменного согласия относительно текста-удовольствия быть не может), кроме врагов – всяческих зануд, налагающих запрет как на сам текст, так и на доставляемое им удовольствие; делается это в силу разных причин – культурного конформизма, узколобого рационализма (с подозрением относящегося ко всякой «мистике» в литературе), политического морализаторства, критики означающих, тупого прагматизма, всякого рода благоглупостей, а также вследствие утраты вербального желания, стремления разрушить дискурс». (*Удовольствие от текста*, стр. 24-25)

* * *

Несколько форм чтения-интерпретации – «великолепных, возбуждающих», восклицает Эко – предлагает Борхес. Среди них чтение *Одиссеи*, как если бы она появилась после *Энеиды* (это был бы уже другой текст, не так ли? – наподобие *Дон Кихота* Менара). Сам Эко пред-

lui Kafka în cheia unui roman polițist. (Oribil!) La toate acestea mai adăugăm un exemplu la îndemâna lui Eco: „Proust putea să citească mersul trenurilor, regăsind în numele localităților regiunii Valois eco-uri dulci și labirintice ale călătoriei lui Nerval în căutarea Sylviei...” (Precizăm totuși, pentru a nu induce pe cineva în eroare, că orarul propriu-zis avea un singur public-țintă sau cititor-model: călătorul indiferent estetic).

* * *

„O carte – spune Borges în șarada poeziei – este un obiect fizic, într-o lume de obiecte fizice. Este o suită de simboluri moarte. Și deodată vine cititorul potrivit, și cuvintele – sau, mai degrabă, poezia din spatele cuvintelor... – se trezesc la viață și avem parte de renașterea cuvântului”. Iar în altă parte (*Crezul unui poet*): „Personal, mă consider esențialmente un cititor. [...] cred că lucrurile pe care le-am citit sunt mai importante decât cele pe care le-am scris. Pentru că, *de citit, citești numai ce-ți place*, pe când de scris, scrii nu ceea ce ți-ai dori să scrii, ci numai ceea ce ești în stare să scrii”.

* * *

Când ziceam despre refuzul de a citi cărți care nu te cuceresc, aveam în vedere și altceva. O lectură care te plictisește este inefficientă și în consecință inutilă. Dar dacă știi să te lași atras în mrejele lecturii (acceptând regula jocului), până și lecturile dificile pot deveni captivante. Uneori – am mai remarcat acest lucru – lectura poate să-ți pară o construcție insipidă, dar când ieși din acel labirint, îi re-vezi nervurile și îți re-trăiești (acum, cu adevărat) emoțiile. E ca și cum ai rezolva o problemă de șah (care într-un moment ți s-ar părea fără soluții, moartă și străină) și, după ce ai găsit soluția, revezi aranjarea pieselor într-o superbă armonie, ca într-un tablou de Cézanne, ca într-o fugă de Bach.

Așadar, o lectură trebuie să fie atentă. Adică să fie bună, pentru că la o bună lectură, spunea într-un loc N. Manolescu, „versurile cele mai complicate se dovedesc extraordinar de simple și firești”. Și atunci, dincolo de vreun *aparent* joc formal, pur sintactic, dintr-un monolog care cuprinde într-o singură frază 40 de pagini, îți vor răsări în față, ca picăturile de rouă odată cu reglarea obiectivului, imagini impresionan-

лагает прочтение детективного текста, написанного Рексом Стоуном, в кафкианском духе и – о, святотатство! – прочтение *Процесса* Кафки сквозь призму детективного романа. (Кошмар!) Ко всему прочему можно добавить пример, приведенный самим Эко: «Пруст мог читать расписание поездов, находя в названиях населенных пунктов провинции Валуа сладкие и запутанные отголоски путешествия Нерваля в поисках Сильвии...» (Тем не менее, чтобы не вводить никого в заблуждение, уточним, что у расписания поездов была всего одна целевая аудитория – эстетически равнодушный пассажир).

* * *

«Книга – говорит Борхес в поэтической шараде, – это физический предмет в мире физических предметов. Это набор мертвых символов. И вдруг приходит нужный читатель и слова – или, скорее, стоящая за ними поэзия... – пробуждаются к жизни, и происходит возрождение слова». А в другом месте (*Кредо поэта*): «Лично я считаю себя прежде всего читателем; [...] думаю, то, что я прочитал, намного важнее того, что я написал. Потому что *читать можно только то, что нравится*, а пишешь всегда не то, что бы тебе хотелось, а только то, что ты в состоянии написать».

* * *

Когда я говорил об отказе читать книги, которые тебя не захватывают, я имел в виду еще кое-что. Чтение книги, которая заставляет тебя скучать, – безрезультатно и, в конечном счете, бесполезно. Но если ты способен дать себя затянуть в сети чтения (принимая правила игры), то и трудные книги могут стать увлекательными. Иногда – я уже это отмечал – чтение может показаться тебе нудной конструкцией, но выйдя из этого лабиринта, ты заново оглядываешь его строение и заново переживаешь (теперь уже по-настоящему) свои эмоции. Словно тебе удалось решить шахматную задачу (которая в какой-то момент уже казалась тебе неразрешимой, мертвой и чужой) и, уже найдя решение, ты вновь оглядываешь положение фигур, пребывающих в великолепной гармонии, как на картине Сезанна или в фуге Баха.

Итак, чтение должно быть внимательным. То есть, должно быть добротным, потому что при добротном чтении, говорил где-то Н. Манолеску, «самые сложные стихи оказываются необыкновенно простыми и естественными». И тогда, помимо *кажущихся* формальных, чисто синтаксических игр, из монолога, в котором одна фраза растягивается на 40 страниц, одновременно с настройкой объектива тебе в лицо забрызжут

te și sentimente tulburătoare, oprindu-ți răsuflarea ca să auzi respirația lui Molly Bloom.

* * *

În ultimă instanță, în ce ar consta o teorie a lecturii? Ochești pe raft cotorul cărții despre care ai auzit și ai crezut că merită, o tragi atent cu arătătorul mâinii stângi, o ții în palma aceleiași mâini, stând în picioare, șezând în fotoliu sau „întinsă leneșă pe canapea”, o deschizi (probabil, cu mijlocul dreptei) și începi să citești, preferabil de la prima pagină, de la stânga la dreapta. Dar există variante.

* * *

În fine, odată ce, pornind să scriu o (pseudo)teorie a lecturii, m-am pomenit să fac un fel de apologie cititorului, aș mai adăuga ceva. Cititorul (o specie rară azi, dacă-i excludem pe cei care citesc din snobism sau – ceea ce-i totuna – citesc ca Petrușka lui Gogol, adică înghit fără să digereze) trebuie protejat și încurajat.

Spre deosebire de scriitor, care, dacă devine grafoman, își poate impune agresiv cărțile, nenorocindu-i pe toți, și tot atât de agresiv își poate revendica gloria, cititorul nu prezintă pericol pentru societate. Chiar dacă admitem că citește uneori cărți multe și proaste. Oricât de exagerată ar fi această ipostază a lui, cea de cititor fără măsură și fără gust, oricât de degradantă și patologică, ea nu poate naște decât o figură tristă și simpatică: pe Don Quijote.

Cartea (p-book): instrucțiuni de utilizare

Cititorul și-a dat seama că am inventat acest termen *p-book* („printed book” = „carte tipărită”) în opoziție cu deja mult prea cunoscutul *e-book* („electronic book”). Presupunând că în jurul nostru aproape că există mai mulți utilizatori ai calculatorului, tot ei, navigatori pe Internet și cititori de cărți electronice, eseul acesta e adresat lor. În primul rând, aș vrea ca ei să știe că îi consider oameni normali și că seamănă cu noi, cei care am citit cărțile în sălile de lectură, în mansarde și poduri. Desigur că și ei (ca și noi, pe timpuri) mai trebuie fugăriți la fot-

капли росы, впечатляющие образы и волнующие чувства, заставляющие тебя замереть, чтобы услышать дыхание Молли Блум.

* * *

В конечном счете, в чем состоит теория чтения? Замечаешь на полке корешок книги, о которой ты слышал и считаешь, что ее стоит прочитать, осторожно вытягиваешь ее указательным пальцем левой руки, держишь ее в ладони той же руки, стоя на ногах, сидя в кресле или «лениво растянувшись на диване», открываешь (возможно, средним пальцем правой руки) и начинаешь читать, предпочтительно с первой страницы, слева направо. Но есть и другие варианты.

* * *

Наконец, раз уж, приступив к построению (псевдо)теории чтения, я незаметно для себя стал выступать с апологией читателя, я бы добавил еще кое-что. Читателя (редкий сегодня вид, если исключить тех, кто читает из снобизма или – что одно и то же – читают подобно гоголевскому Петрушке, то есть плотают без того, чтобы переварить) нужно оберегать и поощрять.

В отличие от писателя, который, обращаясь вдруг в графомана, может агрессивно навязывать свои книги, надоедая всем, и который может также агрессивно требовать славы, читатель не представляет общественной опасности. Даже если допустить, что он иногда читает много плохих книг. Какой бы преувеличенной ни была эта его ипостась читателя без меры и вкуса, какой бы она ни была ущербной и патологичной, она может дать жизнь лишь одной печальной и приятной фигуре: Дон Кихоту.

Книга (p-book): инструкция по эксплуатации

Читатель догадался, что понятие *p-book* («printed book» = «напечатанная книга») я придумал в противовес давно известному понятию *e-book* («electronic book»). Допуская, что нас окружают в основном пользователи компьютера, они же интернет-пользователи и читатели электронных книг, это эссе адресовано им. Во-первых, я хотел бы, чтобы они знали, что я считаю их нормальными людьми, и что они похожи на нас, тех, кто читал книги в читальных залах, в мансардах и на чердаках. Конечно, и их (как когда-то и нас) нужно выгонять играть в футбол,

bal, la săpat, la prăsit (din considerente de sănătate, nu din necesități economice).

Așadar, cartea tipărită este, în general, un fel de calculator, „într-o formă specială”, ușor „arhaică”. Iar un bloc mai mare de cărți alcătuiesc o bibliotecă, ceva de genul unei rețele Internet. Textele din carte pot fi accesate, ca orice informație din calculator, fie după o listă de concepte numite cuprins, fie în ordine alfabetică, după numele-cod, numit cuvântul-titlu. Acestea apar într-un gen de cărți asemănătoare cu niște rețele de site-uri. Ele se numesc enciclopedii sau dicționare. Chiar dacă au apărut cu mult înaintea calculatoarelor, acestea seamănă conceptual cu sistemele electronice.

Fiind ordonate strict în ordine alfabetică, dicționarele și enciclopediile se utilizează uimitor de simplu: deschizi cartea la litera respectivă, apoi la cuvântul căutat (îl accesezi, cum s-ar zice) și toată informația e la pagina respectivă. Trimiterile la alte noțiuni se fac tot aici, urmând să deschizi cartea la cuvântul căutat. Trimiterile la alte cărți implică un procedeu mai complicat: trebuie să deschizi alte volume, dar șansele de a găsi textul căutat sunt aproape aceleași ca și căutarea lor în Google. Ca să nu uit, ca orice text sau imagine din calculator, cărțile pot fi citite, dar pot fi (doar) privite.

Textul necesar din carte poate fi accesat și citit rând cu rând, ori poate fi „sărit” doar prin pasajele necesare. În carte, poți trăi, suferi, triumfa, ca și în universul virtual al calculatorului. Totuși cartea tipărită este, spre deosebire de calculator, un obiect trainic. Sunt cărți – dacă mă credeți – care trăiesc mult mai mult decât autorii lor și decât utilizatorii lor.

Cartea le suportă pe toate câte i se întâmplă pe paginile ei. Nu poți apăsa, simplu, pe *delete*, nu poți stinge textul, închizând fișierul. O poți închide, poți omite lectura unor pasaje, atât. Nu-i poți modifica textul. O poți rescrie, într-un alt fel, dar e altceva, e altă carte.

În rest, mai multe asemănări decât deosebiri. Știi că, oricât de multă informație conține un calculator, el nu poate „citi”, „cugeta”, împreună cu tine, decât asupra textului de pe monitor. Așa se întâmplă și cu cartea: ea trăiește – cu adevărat – numai pe pagina deschisă, când citești această pagină. În rest, ea nu reflectă nimic, tot așa cum oglinda din camera de alături nu-ți reflectă chipul decât atunci când intri în

копать и полоть (из соображений физического здоровья, а не экономической необходимости).

Итак, напечатанная книга в общих чертах напоминает немного «архаичный», «особого вида» компьютер. А большая стопка книг образует библиотеку, нечто вроде сети Интернет. Книжные тексты, как и любую другую информацию в компьютере, можно открывать по списку понятий, названному оглавлением, либо в алфавитном порядке, по кодовому слову, называемому заголовком. Их можно найти в книгах, похожих на сеть сайтов. Их называют энциклопедиями или словарями. Несмотря на то, что они появились намного раньше компьютеров, концептуально они очень похожи на электронные системы.

Построенными строго в алфавитном порядке энциклопедиями и словарями на удивление легко пользоваться: нужно открыть книгу на соответствующей букве, потом на искомом слове (как говорится, кликнуть по нему) и вся информация появится на соответствующей странице. Отсылки к другим понятиям делаются здесь же, нужно только открыть книгу на искомом слове. Отсылки к другим книгам подразумевают более сложную процедуру: нужно открыть другие тома, но шансы найти искомый текст почти такие же, как и их поиск в Гугле. Чтобы не забыть: как и всякий компьютерный текст или изображение, книги можно читать или (только) просматривать.

Необходимый текст в книге можно открыть и читать строчка за строчкой, либо можно «прыгать» лишь по нужным фрагментам. В книге можно жить, страдать, торжествовать, как и в виртуальном пространстве компьютера. И все же, в отличие от компьютера книга – вещь долговечная. Есть книги – если вы мне, конечно, верите –, которые живут дольше их авторов и пользователей.

Книга сносит все, что может произойти на ее страницах. Нельзя просто нажать на *delete*, нельзя отключить текст, закрыв документ. Можно закрыть книгу, можно пропустить несколько фрагментов, и все. Самого текста изменить нельзя. Его можно переписать в совершенно иной манере, но это будет уже не то, это будет другая книга.

В остальном, здесь больше сходств, чем различий. Знаешь, сколько бы не содержалось в компьютере информации, он не может вместе с тобой «читать», «думать» ни о чем другом, кроме текста на экране. То же самое происходит и с книгой: она – по-настоящему – живет только на открытой странице, когда эту страницу читаешь. В остальном, она ничего не отражает, точно также, как и зеркало в соседней комнате отражает твой образ только тогда, когда тыходишь в ту комнату и смо-

acea cameră și privești în acea oglindă. Celelalte pagini, anterioare, sunt doar în memoria ei, în memoria ta, ca și pe paginile necitite la moment, din memoria calculatorului.

Dar dacă toată memoria calculatorului (mult mai mare decât a unei cărți tipărite) e latentă, accesând doar ceea ce se poate vizualiza pentru moment, cartea obișnuită – prin construcția ei oarecum simplisită, oarecum mecanică: e cum ai arăta aripile unui colibri, concomitent, în cele 6000 de faze-bătăi de aripi pe minut – este toată pe față: într-un anume sens, o poți privi oarecum simultan (e cum ar fi un film însoțit de pictura-poster relevantă).

Și încă ceva: aceste cărți de modă veche au... cum să zic?... *Personalitate!* Spre deosebire de textele electronice, un exemplar de *Divina Comedie* sau *Eneida* în format p-book arată cu totul altfel decât, să zicem, *Pinnocchio* în același format de carte tipărită și cu totul altfel decât o *Istoria Angliei* sau un *Larousse* pe suport de hârtie. Ce ar înțelege un utilizator din expresia (poetică!) „cât un *Larousse*”, dacă nu ar fi văzut cartea, tomul!?

Cărțile îngrijite (adică cele adevărate, despre care un om deștept a spus: *o carte* este cu totul altceva decât *o culegere*) sunt omogene și în ele este imposibil să amesteci, într-o formulă eclectică, într-o lipsă totală de gust, absolut arbitrar, tot ce este text și imagine. Or, în acest sens, calculatorul pare a fi opera unui „editor” amatorist, ori a unui *biblioman* (nu *bibliofil*!) fără discernământ.

Într-o carte intitulată *Memoria vegetală*, Umberto Eco (un prieten al calculatorului, de altfel: el a „personalizat” (în romanul său, intitulat *Pendulul lui Foucault*) computerul cu numele Abulafia, el a scris *Monologul interior al unui e-book* și chiar, prin toate astea, mi-a sugerat tema prezentului text) scria: „astăzi, cărțile sunt bătrânii noștri”. El avea în vedere că demult, când nu exista scrisul, singurii care știau despre lucrurile întâmplate cândva erau bătrânii – niște „cărți vii”, de fapt, care nu lăsau neamul și lumea fără cunoștințe și fără istorie.

Și, în context, încă ceva: orice lucru are o istorie (inclusiv, calculatorul, programul pe care îl utilizezi acum, ori versiunea electronică a cărții pe care ai citit-o ieri, a filmului pe care l-ai lăsat pentru mâine). Dar cartea tipărită, ca o ființă de modă veche, are o istorie care i se citește pe față (ca ridurile bunicii, ca cicatricea bunelului, dovadă a

тришься в то зеркало. Остальные страницы, предыдущие, существуют лишь в ее памяти, как и еще не прочитанные страницы в памяти компьютера.

Но если вся память компьютера (которая намного больше памяти напечатанной книги) скрыта и доступно в ней только то, что можно увидеть в данный момент, то обычная книга – благодаря своей в какой-то мере упрощенной и механической конструкции: подобно тому, как если бы удалось одновременно показать крылья колибри в 6000 фазах-взмахах в минуту – вся налицо: в некотором смысле, ее можно охватить сразу и целиком (подобно фильму, сопровождаемому подходящей картиной-постером).

И еще кое-что: у этих старомодных книг есть своя... как сказать?... *Индивидуальность!* В отличие от электронных текстов, экземпляр *Божественной Комедии* или *Энеида* в формате р-book выглядит совершенно иначе, чем, скажем, *Пиноккио* в том же формате напечатанной книги и совершенно иначе, чем *История Англии* или *Ларусс* в бумажном варианте. Что поймет пользователь в таком (поэтическом!) высказывании: «как целый *Ларусс*», если ни разу не видел самой книги, тома!?

Тщательно отредактированные книги (то есть настоящие книги, о которых один умный человек сказал: *книга – не сборник*) однородны и к ним очень трудно прибавить – в неорганичной, безвкусной, совершенно произвольной манере – какой-либо текст или изображение. А ведь компьютер в этом смысле кажется произведением «редактора»-любителя или неразборчивого *библиомана* (не библиофила!).

В книге, озаглавленной *Память растений*, Умберто Эко (друг компьютера, между прочим: он «персонализировал» (в своем романе *Маятник Фуко*) компьютер по имени Абулафия, написал *Внутренний монолог электронной книги* и даже, посредством всего этого, подтолкнул меня к теме данного текста) писал: «сегодня книги – это наши старики». Он имел в виду, что давно, когда не существовало письменности, единственными, кто знал о случившемся когда-то, были старики – фактически «живые книги», которые не оставляли народ и мир без знаний и без истории.

И, в контексте, еще кое-что: у каждой вещи есть своя история (включая компьютер, программу, которой ты сейчас пользуешься, или электронную версию книги, которую ты вчера прочитал, фильма, который ты оставил на завтра). Но у напечатанной книги, как у старомодного существа, есть история, читаемая на ее лице (подобно бабушкиным морщинам, дедушкиному шраму, доказательству его встречи с медведем, о

întâlnirii cu ursul, despre care spunea...). Iată ce scrie Umberto Eco în cartea citată: „Chiar un exemplar mutilat poate să ne spună o poveste adesea dramatică: numele editorului șters pentru a se sustrage rigurilor cenzurii, pagini cenzurate de cititori sau de bibliotecari excesiv de prudenți, pagini înroșite pentru că fuseseră tipărite clandestin cu material ieftin, semne ale unei lungi șederi în pivnițele vreunei mănăstiri, semnături, note, sublinieri, toate spunând povestea diferiților posesori de-a lungul a două sau trei secole...”

De la carte (versiunea p-book) calculatorul a învățat un lucru important: *nu memorie* trebuie să ai (condiție importantă, bineînțeles, dar insuficientă), ci *memorie ordonată*, memorie care poate fi păstrată și accesată *sistemic*. Altfel, vei semăna cu *Funes cel care nu uită* al lui Borges, adică vei avea o memorie absolută, totală, neselectivă, nesistemată, nediferențiată, în consecință: inutilă, ca și lipsa totală a acesteia. Nu sunt sigur că calculatorul a fost suficient de atent la această lecție. În formula clasică, elaborată, cartea (și biblioteca, de altfel) continuă să selecteze și să ordoneze, iar calculatorul adună și multiplică, ordonând lucrurile după algoritmi indiferenți estetic și valoric.

Cartea rămâne a fi un fel de „amprentă preistorică” a tradiției intelectuale aristocratice, iar calculatorul – o dovadă vie a democrației și pluralismului postinformațional, fără limite. Pe de altă parte, dacă *trecutul* și arhaicul concept știința îl aflăm din cărți, de la „bărtâanii” cu gândire „mitologică”, adică, sintetizatoare, esențializantă, atunci cele mai noi lucruri – și, important, în cel mai rapid mod – ni le comunică, bineînțeles, tinerii *utilizatori*, cu gândire analitică, construită „în rețele”, tinerii *conectați* la sursele electronice, la performanții *purtători de informație*. Voia boierului, cum s-ar zice, dar mie, unuia, îmi pare rău de cel care apelează la o singură sursă.

Și, ca să înțelegeți că toate sunt legate între ele, credeți că întâmplător o carte de format comod e făcută s-o ții ușor în palmă și s-o răsfoiești cu degetul altei mâini (mai ales, când ești într-o barcă, într-o pădure, unde n-ai nici priză, nici acoperire a rețelei)?

Și, în același sens, crezi, *iubite utilizator* că întâmplător monitorul din fața ta are forma și dimensiunile unei cărți deschise?

котором он рассказывал...). Вот что пишет Умберто Эко в цитируемой книге: «Даже и изувеченный экземпляр может рассказать нам зачастую драматичную историю: имя автора, стертое, чтобы избежать строгость цензуры, страницы, подвергнутые цензуре чрезмерно осмотрительными читателями или библиотекарями, страницы, покрасневшие от того, что были напечатаны подпольно с использованием дешевых материалов, следы долгого пребывания в погребах какого-нибудь монастыря, подписи, заметки, подчеркивания, каждое из которых рассказывает историю различных владельцев на протяжении двух или трех столетий...»

От книги (версия р-book) компьютер научился важной вещи: необходима *не столько память* (условие, разумеется, важное, но недостаточное), сколько *упорядоченная память*, которую можно хранить и использовать *системно*. Иначе можешь сойти за *Фунеса чудо памяти* Борхеса, то есть у тебя будет абсолютная, тотальная, беспорядочная, бессистемная, сумбурная, а в конечном итоге и бесполезная, как и ее полное отсутствие, память. Не думаю, что компьютер был достаточно внимателен в этом отношении. В своем классическом, разработанном виде, книга (и, кстати, библиотека) продолжает отбирать и упорядочивать, а компьютер накапливает и множит, собирая вещи согласно алгоритмам, равнодушным в эстетическом и ценностном плане.

Книга остается чем-то вроде «доисторического отпечатка» аристократической интеллектуальной традиции, а компьютер – живым доказательством демократии и постинформационного, безграничного плюрализма. С другой стороны, если *прошлое* и архаичное понятие науки мы узнаем из книг, от «стариков» с «мифологическим», то есть обобщающим, субстанциальным мышлением, то самые новые вещи – и, важно, самым быстрым образом – нам сообщают, разумеется, молодые *пользователи*, обладающие аналитическим, «сетевым» мышлением, молодые люди, *подключенные* к электронным ресурсам, к продвинутым *носителям информации*. Ваша воля, как говорится, но мне, например, жаль того, кто обращается только к одному источнику.

И, чтобы было понятно, что все друг с другом взаимосвязано: думаете, случайно книга удобного формата сделана так, чтобы ее можно было легко держать в одной руке и листать пальцем другой (особенно, если ты находишься в лодке, в лесу, где нет ни розетки, ни сетевого покрытия)?

И, опять же, *дорогой пользователь*, является ли случайным, что экран перед тобой имеет форму и размеры открытой книги?

Biblioteca incompletă

Orice bibliotecă, oricât de mare, este incompletă. E un îndemn aici de a nu te limita la o listă bibliografică propusă, oricât de solidă. Fiecare carte bună, citită atent, te deschide spre alte și alte titluri. Dar e și un fel de consolare aici: niciodată nu vei putea aduna toate cărțile lumii. Nici nu e cazul, mă grăbesc să adaug, oricât de pasionat bibliofil vei fi. Poate doar vreun biblioman fără discernământ ar vrea să aibă toate cărțile lumii. Cea mai mare parte din cărțile existente îți va fi neînțeleasă ori inutilă. Cărțile pentru tine sunt puse deoparte, rămâne doar să le găsești.

Mai bun este, așadar, alt îndemn: vezi să nu-ți scape cărțile tale. Fiecare are rezervate, în Biblioteca Babel, titlurile care îl așteaptă. Din această listă, pregătită special pentru tine, nu e bine să-ți scape vreuna. Și nu pentru că te-ar obliga cineva, ci pentru că nu-ți vei găsi liniștea până nu vei ajunge să citești cartea râvnită. Mai ales atunci când ți se dă de înțeles că celelalte sunt așa și așa, dar pe asta nu se poate să n-o citești! Elev, nu aveam prea multe cărți în biblioteca personală, încât să facem schimb cu prietenii sau colegii. În schimb, făceam schimb de impresii de la cărțile citite. Aceste titluri, la care se adăugau cele pomenite prin manuale, auzite la radio sau de la frații mai mari, erau un fel de necunoscute și misterioase tărâmuri. În lipsa acestor cărți, îmi închipuiam singur aventurile descrise în ele. Astfel, cartea *Un căpitan de 15 ani* mi-o închipuiam ca pe o carte despre partizani, iar pe cea intitulată *Piept la piept* mi-o imaginam ca pe una despre luptele corp la corp, în vreun Stalingrad sau Berlin asediat.

Citesc un volum coordonat de Dan C. Mihăilescu (*Cărțile care ne-au făcut oameni*, Humanitas, 2010), despre lecturile unor personaje marcante ale culturii române. Copilul de atunci s-ar fi bucurat că mulți scriitori și personalități din alte domenii ale culturii au inclus *Insula Misterioasă* printre preferințe. Îmi plăcuse cartea, o citisem cu răsuflarea tăiată, căutam asocieri cu realitatea ce mă înconjură, încercam să găsesc obiecte ce pot fi cumva reciclate și utilizate (precum confecționarea unei lupe din sticlele unui ceasornic etc.).

Dar exista o rivală a ei, *Copiii căpitanului Grant*, scrisă de același Jules Verne, pe care nu o citisem, dar de care colegii mă

Неполная библиотека

Любая библиотека, какой бы большой она ни была, остается незавершенной. В этом заключается призыв не ограничиваться предложенными кем-то даже самыми солидными библиографическими списками. Всякая хорошая, внимательно прочитанная книга открывает путь к новым и новым названиям. Но есть в этом и своеобразное утешение: мы никогда не сможем собрать все книги мира. И не нужно, спешу я добавить, каким бы страстным библиофилом ты ни был. Может, только безрассудный библиоман желает обладать всеми книгами мира. Большая часть существующих книг будет тебе непонятной или бесполезной. Предназначенные для тебя книги отложены в сторону, остается их только отыскать.

Итак, лучшим кажется другой призыв: смотри, не упусти своих книг. В Вавилонской Библиотеке для каждого зарезервированы ожидающие его названия. Из этого списка, приготовленного специально для тебя, не следует упустить ни одной книги. И не потому, что тебя к этому кто-то обязывает, а потому, что ты не успокоишься до тех пор, пока не прочитаешь желанную книгу. Тем более, когда дается понять, что остальные – так себе, а эту не можешь не прочитать! Когда я учился в школе, в моей личной библиотеке было не так много книг, чтобы можно было обмениваться с друзьями или одноклассниками. Вместо этого, мы обменивались впечатлениями от прочитанных книг. Эти названия, к которым прибавлялись другие, встреченные в учебниках, услышанные по радио или от старших братьев, были чем-то вроде неизведанных и таинственных земель. В их отсутствие я сам воображал описанные в них приключения. Так, книгу *Пятнадцатилетний капитан* я представлял себе повествующей о партизанах, а книгу под названием *Лицом к лицу* я представлял рассказывающей о рукопашных схватках в каком-нибудь осажденном Сталинграде или Берлине.

Читаю сборник, вышедший под редакцией Дана Ч. Михэйлеску (*Книги, сделавшие нас людьми*, Humanitas, 2010), о чтении влиятельных деятелей румынской культуры. Ребенок прежних лет обрадовался бы, что многие писатели и личности из других областей культуры включили *Таинственный остров* в список своих предпочтений. Мне книга понравилась, я читал ее, затаив дыхание, искал связи с окружавшей меня реальностью, пытался найти вещи, которые можно было бы переработать и использовать (например, изготовление увеличительного стекла из линзы наручных часов и др.).

asigurau că e mai bună. Eram frustrat că nu găseam cartea. Am dat de ea, într-un târziu, când crescusem din hăinuța ei adolescență. M-am convins, atunci, că „a mea” (*Insula misterioasă*) era, totuși, mai ceva. M-am bucurat, deși la mijloc o fi fiind și vârsta percepției: pe prima o citisem la anii oportuni acestui gen de lecturi. Era o carte pe care poți construi toată mitologia creației literare: cea de rescriere a istoriei lumii, a re-creării ei, a vizualizării lumii ca pe o poveste. Or, personajele lui Jules Verne, nimerind pe insula nepopulată dintr-un hazard, încep să-și creeze o lume a lor. Imitând, în echipă, actul solitar al lui Robinson, al Creatorului Suprem, dar și pe al unui scriitor.

Exact în aceeași cheie am citit și *Copiii căpitanului Grant*, modelul absolut al unei aventuri și al unei căutări. Sau, dacă vrei, al unui roman polițist bine scris. Personajele operează cu date permanent incomplete, permanent completabile, fie și (doar) cu deducții. Și încă ceva foarte important: toate pisteles „false” sunt absolut fascinante și la fel de productive în plan literar ca și cele „autentice”, care descriu (doar) descoperirea propriu-zisă.

...Cărțile care sunt pentru tine te caută singure, important e să fii treaz atunci când ele trec pe alături. Să nu-ți scape, tu fiind prins în vreo aventură pasageră cu vreo frivolă broșură lejeră, comodă și nepretențioasă. E ușor să-ți scape o carte bună numai pentru că nu ai găsit timp pentru ea. Nu încerca să posezi/ să citești toate cărțile lumii. Dar nici nu fi leneș/ indiferent, încât să-ți scape cartea pentru care unicul scop al existenței sale e – poate – să fie a ta.

У этой книги есть соперница, *Дети капитана Гранта*, написанная тем же Жюлем Верном, которую я не читал, но по поводу которой одноклассники уверяли меня, что она лучше. Я был расстроен, что не находил книгу. Наконец, я нашел ее, когда уже вырос из ее подростковых одежд. Тогда я убедился, что «моя» (*Таинственный остров*) была все-таки куда лучше. Я был рад, хотя дело было, вероятно, в возрасте восприятия: первую я прочитал в годы, подходящие этому типу чтения. Это была книга, на которой можно построить всю мифологию литературного творчества: ту, что переписывает историю мира, претворяет ее, изображает мир в виде сказки. А ведь персонажи Жюль Верна, случайно попав на необитаемый остров, действительно начинают создавать свой собственный мир. Подражая, все вместе, одинокому акту Робинзона, Высшего Творца, но и писателя.

Точно в таком же ключе я прочитал и *Детей капитана Гранта*, универсальную модель приключений и поисков. Или, если хотите, хорошо написанного детектива. Персонажи постоянно оперируют обрывочными данными, которые неизменно дополняются, пусть даже и с помощью (одной лишь) дедукции. И еще кое-что очень важное: все «ложные» пути совершенно захватывающи и настолько же продуктивны в литературном плане, как и «истинные», которые описывают (только) открытие само по себе.

...Книги, созданные для тебя, ищут тебя сами, важно быть бдительным, когда они проходят мимо. Чтобы не упустить их, пока ты захвачен временной авантюрой с какой-нибудь легкомысленной, ветреной, удобной и непритязательной брошюрой. Легко упустить хорошую книгу только потому что не нашел для нее времени. Не пытайся овладеть/прочитать все книги на свете. Но и не будь ленивым/равнодушным, чтобы не упустить книгу, единственный смысл существования которой, возможно, – стать твоей.

Teo CHIRIAC

Nesomnul cuvintelor

IV

...în această carte, poate un capitol;
în acest capitol, poate o pagină;
în această pagină, poate un poem
și în acest poem – ah, un cuvânt
cu norocul trist, ca mărul
nemâncat și răscopt, când
cineva închide cartea fără să știe
că el e tocmai adevărul...

V

A înainta prin cuvinte
ca prin zăpada de apoi;

a te luneca, a te ridica
de pe litera rece ca lama;

a te luneca, a te ridica
de pe steaua înghețată ca secunda –
de steaua ta, îndepărtându-se...

Тео КИРИАК

Бессонница слов

IV

...в той книге, может быть, глава;
в главе той, может быть, страница;
на той странице, может быть, поэма
и в той поэме – ах, лишь слово
с судьбой несчастной, словно плод
несъеденный и перезрелый, когда,
захлопнув книгу, и не замечают
в нем скрытой истины щедрот...

V

Пробираться сквозь слова,
как сквозь замогильный снег;

оступаться, вставлять
с холодной, как лезвие, буквы;

оступаться, вставлять
со звезды, застывшей секундой, –
от твоей звезды отдаляясь...

Apocalipsa de la orele mici

1.

Gândacii de bucatărie trăgând concluzii după
profunde meditații transcendente asupra materiei:

„la început a fost cartoful”

gândacii de bibliotecă trăgând concluzii după

îndelungate contemplații transcendente asupra spiritului:

„la început a fost cuvântul”

opulenți transpirați filosofii bucatelor proslăveau cartoful
serafici și puri filosofii bibliofagi preamăreau cuvântul
dar și unii și alții iubeau se-nmulțeau se sacrificau

la timpul potrivit bătrânii gândaci de bucatărie

le vorbeau gândacilor tineri:

„domnul nostru pământean și subpământean este cartoful
el poartă pe cap frumoase coroane de flori albe

frumoase coroane de flori violete

el este înconjurat din toate părțile de îngeri comestibili

de formă rotundă ovală sau alungită uneori numiți

metaforic tuberculi

voi v-ați născut sub steaua norocoasă dintr-o ciorbă de cartofi

de aceea vă rugăm de dumnezeu evitați supa de zeamă de limbă

evitați limba cu sos de creier

evitați limba cu sos de inimă și dor

căci pe voi vă așteaptă amidonul glucoza colonul

pe voi vă așteaptă cartoful cel dulce și mirositor...”

bătrânii gândaci de bibliotecă le spuneau gândacilor tineri:

„speranțele noastre cerești speranțele noastre livrești

sunt legate bineînțeleș

de cuvântul cuvântului”

imaginați-vă întregul univers ca pe o mare carte scrisă

cu cerneală simpatică

imaginați-vă că doar în rarele clipe de inspirație divină

Апокалипсис в поздние часы

1.

Кухонные жуки подводят итоги после
глубоких трансцендентальных размышлений о материи:

«в начале была картошка»

книжные жуки подводят итоги после
продолжительного трансцендентального созерцания духа:

«в начале было слово»

упитанные вспотевшие философы яств воспевали картошку
ангельские и непорочные книгоеды возвеличивали слово
однако и те и другие любили плодились и жертвовали собой

в нужное время престарелые кухонные жуки

говорили молодым жукам:

«наш земной и подземный бог – это картофель
он увенчан прекрасной короной из белых цветов

прекрасной короной из лиловых цветов

со всех сторон он окружен съедобными ангелами
круглой овальной или продолговатой формы иногда

иносказательно именуемых клубнями

вы родились под счастливой звездой из картофельного супа

поэтому молим вас именем бога сторонитесь бульона из языка

сторонитесь языка в соусе из мозгов

сторонитесь языка в соусе из сердца и тоски

ибо вас ждет крахмал глюкоза толстая кишка

вас ждет сладкий и ароматный картофель...»

престарелые книжные жуки говорили молодым жукам:

«наши небесные надежды наши книжные надежды

разумеется связаны

со словом слова»

вообразите себе мироздание как огромную книгу написанную

симпатическими чернилами

вообразите себе что лишь в редкие мгновения божественного

вдохновения

puțin câte puțin pot fi descifrate mici fragmente din
cuvântul de deschidere a cărții
uitați-vă acum și veți vedea că obosiții de noi păcătoșii de
noi nu am descifrat decât primul grafem decât prima literă
din șirul de litere invizibile
oricât am dori această literă nu ne oferă decât un semn grafic
asemănător c-un arc de triumf sau c-o ușă dând spre nicăieri:
n nn nnn nnnnn nnnnnn nnnnnnnnnnnn nnnnn nnnnnn nnn n

răsturnat semnul scoate în evidență cea de-a doua literă care
este chiar aceeași literă brusc răsturnată în ea însăși:
u uu uuu uuuu uuuuu uuuuuuuuuuuuu uuuuu uuuuuu uuu u

unindu-le una cu alta unele cu altele veți citi cu emoție și
suspîn cuvântul ce deschide cartea universului întreg carte
scrisă cu cerneală simpatică de preafericitul Teop și in-
titulată provizoriu
un-vers-in-vers-uni-versu-i-un-vers-in-vers-unu-i-un-
-uni-vers-in-vers-uni-versu-i-un-i-in-vers-versu-i-un-un:

nu nu nu nunu nununu nununununu nununu nu nu nu!!!”

2.

Gândacii de bibliotecă trăgând concluzii după
îndelungate contemplații transcendente asupra spiritului:

„la sfârșit va fi cuvântul”

gândacii de bucătărie trăgând concluzii după
profunde meditații transcendente asupra materiei:

„la sfârșit va fi cartoful”

serafici și puri filosofi bibliofași preamăreau cuvântul
opulenți transpirați filosofi bucatelor proslăveau cartoful
dar și unii și alții practica meditația contemplația
și extazul
în deplină obscuritate

мало-помалу могут быть расшифрованы небольшие фрагменты из
вводного слова книги
посмотрите теперь и увидите что усталые грешники
мы расшифровали лишь первый знак лишь первую букву
из целого ряда невидимых букв
сколько бы мы того ни желали эта буква дает нам лишь
графический знак
напоминающий триумфальную арку или дверь ведущую в никуда:
n nn nnn nnnnn nnnnnn nnnnnnnnnnnnn nnnnn nnnnnn nnn n

в перевернутом виде знак принимает вид другой буквы которая
есть ничто иное как та же буква неожиданно перевернутая в
самой себе:
и ии иии ииии иииии ииииииииииии иииии ииииии иии и

соединяя их одну с другой одни с другими вы с волнением и
со слезами прочтете слово открывающее книгу всего
мироздания книгу
написанную симпатическими чернилами блаженного Теопа и на-
званную временно
стихо-творение-тихо-стихий-отворение-стихо-творение-тихо-со-
творение-стихий-отворение-тихо-творение-стихо-с-со:

nu nu nu nunu nununu nununununu nununu nunu nu nu nu²!!!»

2.

Книжные жуки подводят итоги после
продолжительного трансцендентального созерцания духа:
«в конце будет слово»
кухонные жуки подводят итоги после
глубоких трансцендентальных размышлений о материи:
«в конце будет картошка»

ангельские и непорочные книгоеды возвеличивали слово
упитанные вспотевшие философы яств воспевали картофель
однако и те и другие размышляли созерцали
и впадали в экстаз
в полной темноте

² Nu – (рум.) нет, не.

3.

Uneori pe la orele mici pe când se clatină zeii
ca din cer sau ca din pământ apărea stăpânul apartamentului
(unul supranumit de ei domnul Poet)

el intra în salon brusc aprindea lumina lua din raft

Kritik der reinen Unvernunft

la fel de brusc aprindea lumina în bucătărie
unde în ipostazele sale demiurgice avea sublima plăcere

de a transfigura din timp în timp cartofii în cuvinte

de a transfigura din timp în timp

cuvintele în cartofi

surprinse de iluminările becului apocaliptic

cuprinse de adevărata agonie de adevăratul extaz insectele

credinței se rostogoleau ca niște diamante în flăcările aragazului

– infernul

printre paginile cărții deschise

– purgatoriul

în găleata hermeneutică plină cu coji de cartofi

– paradisul

3.

Иногда в поздние часы когда содрогаются боги
будто с неба или из под земли появлялся хозяин квартиры
(они называли его господин Поэт)

он входил в зал внезапно включал свет доставал с полки

Kritik der reinen Unvernunft

также внезапно включал свет на кухне
где в своей ипостаси демиурга обретал возвышенную радость
время от времени обращать картошку в слова
обращать время от времени
слова в картошку

застигнутые врасплох светом апокалиптической лампочки
охваченные настоящей агонией настоящим экстазом насекомые
веры кувыркались словно бриллианты в пламени газовой плиты

– ад

по страницам раскрытой книги

– чистилище

в герменевтическом ведре с картофельными очистками

– рай

Vasile GÂRNET

summer in Bessarabia

[...]

compunerea aceasta colectivă a versurilor
am numit-o pasajul școlăresc al existenței noastre
delirul nostru pitic
trambulina necesară spre lectură
singura care ne apără

stampă III

viață de gherilă a scribului
se împlinesc câțiva ani
de când citesc cu voce tare din Proust
e ceva burghez în întâmplarea aceasta
ceva ce contrazice flagrant oglinda vieții de-afară
mie însă îmi ajută

uneori e bine să nu ai certitudini asupra
ci să trebuiască mereu să te pipăi
pentru a te convinge că exiști cu adevărat

Василе ГЫРНЕЦ

summer in Bessarabia

[...]

это коллективное сочинение стихов
я назвал школьным коридором нашего бытия
нашим пифийским бредом
необходимым трамплином к чтению
единственному, что нас хранит

эстамп III

партизанская жизнь писца
исполняется несколько лет
с тех пор, как я вслух читаю из Пруста
во всей этой истории есть что-то мещанское
что явно противоречит зеркалу внешней жизни
но мне это помогает

порой лучше не знать гнетущей уверенности
но стараться себя всякий раз одергивать
чтобы убеждаться в том, что существуешь на самом деле

Jurnal la *Contrafort*

martie 1998

Lansările de carte la Chișinău, atâtea câte au loc în aceste vremuri potrivnice culturii, sunt, cu excepțiile care confirmă regula, niște spectacole unice în felul lor. Punctul delicat este că scenariul foarte bogat al acestor manifestări zgomotoase ne oferă puține elemente din ceea ce ar trebui să însemne, în opinia mea, o lansare de carte. După 1989, de când s-a liberalizat discursul și gestul cultural, am asistat la sute de asemenea evenimente și mă încumet acum să notez, fără pretenția că voi acoperi întreg registrul, câteva trăsături distinctive dintr-o tipologie destul de largă a fenomenului.

Mai întâi, să remarc că la noi toate lansările de carte sunt situate sub zodia excepționalului și sunt maratonic. Vorbitorii, inadmisibil de mulți și, de cele mai multe ori, situați în afara subiectului, adică a cărții, nu mai prididesc cu epitetele la adresa autorului. E inutil să reiau aici lungul lor șir, așa încât las cititorii să-și folosească fără reținere imaginația.

Ca un prim model, cel mai răspândit, aș evidenția *lansarea de carte tip miting*. La ea participă activ un public numeros și eterogen, așa-numiții oameni de bună-credință, considerați din oficiu patrioți și, implicit, niște competențe indiscutabile. În acest caz lansarea de carte este un prilej pentru a vorbi despre orice: „destin ingrât”, „unire”, „trădători de neam”, „martiri”, „asuprire rusească”, „solidaritate moldovenească”, „guvern antinațional și anticultural”, „președinte filorus”, „opozitie divizată”, „ambasada română prietenă” etc. Din puținele cuvinte ale vorbitorilor care au vizat chiar cartea și autorul ei, înțelegem că asistăm la lansarea unei opere monumentale, datorată unei personalități de calibru universal. În încheiere se recită o poezie patriotică, cineva strigă rușinat-discret „Deșteaptă-te, române!”, participanții se informează reciproc privind datele viitoarelor lansări și pleacă acasă cu sentimentul datoriei împlinite. Evident că nimeni nu cumpără nici un exemplar din cartea (monumentală!) tocmai lansată.

La *lansările de tip cenaclu literar-artistic* atmosfera este încărcată de poezie, sentimentală și melancolică. Vorbitorii înțeleg să facă un recital din luările lor de cuvânt, sunt visători și rememorativi,

Дневник для *Contrafort*

март 1998

Презентации книг в Кишинёве, все, сколько их проходит в эти враждебные культуре времена, представляют собой, за рядом исключений, лишь подтверждающих общее правило, единственные с своем роде спектакли. Вся тонкость состоит в том, что чрезвычайно богатые сценарии этих шумных мероприятий содержат мало элементов того, чем, в моем представлении, должна являться презентация книги. После 1989 года, когда произошла либерализация дискурса и культурного жеста, я наблюдал сотни таких событий, и рискну сейчас представить, не претендуя на полноту охвата, несколько характерных черт довольно широкой типологии этого явления.

Первым делом, хочу заметить, что все презентации проходят у нас под знаком исключительности и по принципу марафона. Выступающие, в недопустимо большом количестве и зачастую совершенно не касаясь темы, то есть книги, не скупаются на эпитеты в адрес автора. Нет никакого смысла приводить здесь их длинный список, так что читатель может прибегнуть для этого к собственной фантазии.

В качестве первой, наиболее распространённой модели, я бы выделил *презентацию типа митинга*. В ней участвует многочисленная и однородная публика, так называемые благонадежные люди, которых по долгу службы считают патриотами и, тем самым, бесспорными знатоками. В данном случае презентация является поводом к тому, чтобы поговорить обо всем на свете: о «неблагодарной судьбе», «объединении», «предателях народа», «мучениках», «притеснении со стороны русских», «молдавской солидарности», «антинациональном и антикультурном правительстве», «президенте-русophile», «расколотой оппозиции», «дружественном румынском посольстве» и т.д. Из немногих слов выступающих, которые коснулись самой книги или ее автора, можно понять, что мы присутствуем на презентации монументального произведения, созданного личностью мирового масштаба. В завершении зачитывается патриотическое стихотворение, кто-то, стеснительно и негромко, выкрикивает «Deșteaptă-te, române!», участники оповещают друг друга о дате следующей презентации и расходятся по домам с чувством исполненного долга. Разумеется, никто не покупает ни одного экземпляра только что представленного (монументального!) произведения.

На *презентациях типа литературно-художественного кружка* атмосфера наполнена поэзией, сентиментальной и меланхоличной. Выступающие превращают свои речи в начтующие чтения, они мечтательны и впадают в воспоминания, говорят много и не спеша, оставляя паузы,

vorbesc mult și rar, cu pauze, pentru a da impresia că gândesc ceea ce spun, că rostesc cuvinte din inimă. Se trece apoi la partea artistică a manifestării. O „folkistă” interpretează – palatalizând jenant – câteva poeme sau un fragment de proză sau piesă, după caz, dar înainte de toate ține să ne spună ce crede ea despre carte și autor. Din micul poem exegetic, rostit cu o voce caldă și bine exersată, înțelegem că interpreta s-a întâlnit cu autorul pe aceleași coordonate spirituale, iar cartea din care interpretează este una de căpătâi în biografia sa artistică. Alteori, la acest tip de lansări sunt aduși copii talentați de la grădinițele din Chișinău (uneori ghidați de anumiți inși de la Primărie – Direcția Cultură) care recită și cântă frumos ori, în dependență de posibilitățile financiare ale editurii și ale autorului, sunt invitați studenți de la Institutul de Arte, care joacă un mini-spectacol tematic. Oricum, lansărie de acest tip stau întotdeauna sub semnul exclamațiilor și al surprizelor artistice, care te fac să uiți motivul întâlnirii.

Mai sobră, aș spune chiar rigid-solemnă este *lansarea de tip academic*. Cuvântările, garnisite cu citate din Platon și Hegel, sunt pregătite din timp și rostite ca de la catedră, fără vreo reacție la murmurul celor prezenți. În doar câteva minute, vorbitorii țin să convingă asistența că au citit o bibliotecă. La aceste lansări te minunezi să vezi câți profesori și doctori emeriți are Basarabia. Marea problemă a acestor oameni este să rostească în limba română – pe care o predau studenților – corect și coerent câteva fraze. Majoritatea ratează testul. Este o atmosferă apăsătoare, de falsă cordialitate, pe care cei prezenți o suportă cu stoicism. La încheierea „ceremoniei” juri să nu mai accepți altă dată o atare invitație.

Există și alte tipuri de lansări de carte, pe care nici spațiul, nici cunoștințele mele limitate în domeniu nu îmi permit să le prezint aici. Cele invocate sunt reprezentative pentru acest gen de manifestări culturale, în cadrul cărora, după opinia mea, se exhibă – în toată splendoarea – lipsa de respect față de carte și, în ultima instanță, față de public (firește, în măsura în care acesta are sentimentul imposturii la care asistă). Inadecvarea la subiect, lipsa de măsură, vulgaritatea și frivolitatea discursurilor, entuziasmul general, absența totală a spiritului critic – iată tot atâtea motive menite să te îndepărteze de asemenea „evenimente culturale”. [...]

чтобы создавалось впечатление, что они думают, о чем говорят, что их слова идут от самого сердца. Затем переходят к художественной части мероприятия. Какая-нибудь исполнительница фолк-музыки, неловко палатализуя, зачитывает несколько стихотворений или фрагмент прозы или пьесы, в зависимости от случая, но, прежде всего, считает нужным сказать, что она думает о книге и ее авторе. Из небольшого стихотворения, которое зачитывается в качестве примера теплым и хорошо поставленным голосом, мы понимаем, что исполнительница встретила с автором в одном духовном измерении, а сборник, из которого она читает, является настольной книгой всей ее артистической биографии. Иной раз на этот тип презентаций приводят талантливых детей из детсадов Кишинёва (иногда под руководством кого-нибудь из Управления по Культуре городской мэрии), которые красиво читают и поют. Или, в зависимости от финансовых возможностей государственного деятеля и автора, приглашают студентов из Института Искусств, которые разыгрывают тематический мини-спектакль. В любом случае, презентации этого типа всегда проходят под знаком восклицаний и художественных сюрпризов, которые заставляют забыть о поводе встречи.

Более сдержанной, я бы даже сказал, даже строго-торжественной является *презентация академического типа*. Речи, приправленные цитатами из Платона и Гегеля, подготовлены заблаговременно и произносятся словно с амвона, не обращая внимания на ропот собравшихся. Всего за несколько минут выступающие хотят убедить присутствующих в том, что прочли целую библиотеку. На таких презентациях поражаешься числу профессоров и почетных докторов, живущих в Бессарабии. Для этих людей труднее всего произнести на румынском языке – который они преподают студентам – несколько правильных и связных фраз. Большинство проваливают этот тест. Атмосфера при этом царит напряженная, наполненная фальшивой сердечности, которую присутствующие выдерживают со стоицизмом. В завершении «церемонии» клянешься, что в следующий раз больше не примешь приглашения на подобные встречи.

Существуют и другие типы презентаций книг, которые ни место, ни мои ограниченные знания в данной области не позволяют мне здесь представить. Все вышеназванное характерно для такого типа культурных мероприятий, в рамках которых, по моему мнению, выставляется напоказ – во всем своем блеске – отсутствие уважения к книге и, в конечном итоге, к публике (конечно, в той мере, в какой она наделена чувством надувательства, на котором присутствует). Неадекватность теме, отсутствие меры, вульгарность и фривольность речей, всеобщий энтузиазм, совершенное отсутствие критического взгляда на вещи – вот то, что отдаляет от подобных «культурных событий». [...]

Laudă cărții, laudă lecturii

Contre-jour

La concurență cu știrile despre cataclisme, războaie și, la celălalt pol, cu mondenități agasant-indecente, pe Facebook lumea își lansează propriile competiții. Am avut Ice Bucket Challenge, când trebuia să-ți torni în cap o găleată de apă cu gheață, făcând și o donație pentru tratamentul unor boli grave (românii și basarabenii au fost la înălțime, filmându-se în cadru natural sau în studiouri de televiziune), acum e în plină fervoare un alt fenomen: topul celor 10 cărți care te-au influențat. Jocul a prins, angajând scriitori, ziariști, oameni de teatru, diplomați, medici, comentatori politici, studenți, avocați, oameni de afaceri... Afișarea listei de titluri implică, la fel ca în cazul Ice Bucket Challenge, provocarea altor zece persoane, care urmează să-și divulge lecturile formatoare.

Leapșa cu cărți a fost practică de bloggeri în anii „copilăriei” blogurilor, dar amploarea de pe Facebook, astăzi, este impresionantă. Cred că am citit sute de titluri în aceste clasamente ale inteligenței – de la Biblie (prezență oarecum previzibilă, fără niciun risc de imagine pentru emitent), până la „Frații Grimm”, „Alice în Țara Minunilor” și „Insula misterioasă”, trecând prin Shakespeare, Proust, Kafka, Tolstoi, Faulkner, Eminescu, Cervantes, Céline, Bulgakov, Dostoievski... Profuziunea cărților nu vorbește doar despre imensitatea literaturii, care, totuși, când stai să alegi o sumă de „titluri fundamentale” – doar 10! – se vede supusă unei nedrepte și de fapt imposibile comprimări, ci sugerează, desigur, și atitudini diferite din partea cititorilor antrenați în acest joc de societate. Unii l-au luat în serios, chestionându-și cu acuratețe lecturile și cântărind îndelung titlurile cărora să le dea preferință, alții au jurat pe spontaneitate, pentru că, nu-i așa, cultura înseamnă doar ceea ce rămâne după ce-ai uitat totul. Și, în sfârșit, ca-n orice competiție, avem și trișori, care își etalează o erudiție inexistentă, mizând pe efectul de moment (pe efectul de autoritate!) asupra auditoriului, știind că nu pot fi verificați. Dar, indiferent cât de reale sau nu sunt topurile care circulă pe Internet, ele sunt o bună provocare, întrucât îți aduc aminte ce n-ai citit sau ce merită să recitești.

Похвала книге, похвала чтению

Contre-jour

Соревнуясь с новостями о катаклизмах, войнах и, в противоположность этому, с назойливо-непристойными новостями из жизни звезд, пользователи Facebook устраивают собственные состязания. У нас уже прошел Ice Bucket Challenge, когда нужно было вылить себе на голову ведро ледяной воды, совершая при этом пожертвование на лечение тяжелых заболеваний (румыны и бессарабцы оказались на высоте, снимая себя на камеру на фоне природы или в телевизионных студиях), теперь же в самом разгаре другой феномен: топ 10 книг, которые оказали на тебя влияние. Игра набрала обороты, подключив к ней писателей, журналистов, актеров, дипломатов, врачей, политических комментаторов, студентов, адвокатов, предпринимателей... Публикация перечня книг подразумевает, как и в случае с Ice Bucket Challenge, вызов другим десяти лицам, которые должны будут огласить свой формирующий личность список.

Книжная эстафета практиковалась блогерами в «детские» годы блогов, но ее сегодняшний размах в Facebook просто поразителен. Думаю, в этих списках интеллектуального уровня я прочитал сотни названий – от Библии (присутствие которой в некоторой степени предсказуемо, безо всякого риска для респондента) и до братьев Гримм, «Алисы в Стране чудес» и «Таинственного острова», через Шекспира, Пруста, Кафку, Толстого, Фолкнера, Эминеску, Сервантеса, Селина, Булгакова, Достоевского... Количество книг свидетельствует не только о масштабах литературы, которая, все же, при необходимости составить некий список из «фундаментальных книг», – всего 10! – подвергается несправедливому и совершенно невозможному умалению, но и наводит, конечно же, на мысль о различном отношении читателей к этой социальной игре. Некоторые восприняли ее всерьез, тщательно перебирая список прочитанных книг и долго взвешивая названия, которым будет отдано предпочтение, другие ставили на спонтанность, поскольку, разве не так, культура – это лишь то, что остается после того, как все забываешь. И, в завершение, как и в любом состязании, здесь есть и очковитатели, которые выставляют напоказ свою несуществующую эрудицию, рассчитывая на моментальный эффект (на эффект авторитета!), который будет оказан на аудиторию, зная при этом, что их невозможно проверить. Но, независимо от того, насколько реальны или нет рейтинги, которые гуляют по Интернету, они представляют собой настоящий вызов, поскольку напоминают о том, что ты не читал или что стоит перечитать.

Există mai multe vârste ale lecturii, fiecare cu farmecul ei și cu beneficiile aferente, care sporesc odată cu maturizarea ta ca cititor și cu acumularea experienței de viață. În fața unui spirit mai cultivat, cartea (aceeași carte!) își dezvăluie altfel frumusețile și secretele alcătuirii.

* * *

Nu voi înceta niciodată să fac elogiul lecturii și al cărții, mai ales într-un ținut ca al nostru, unde această îndeletnicire este atât de precară. Inapetența moldoveanului pentru carte este veche și pare fără leac. Iar acum, în epoca exploziei mediatice și a triumfului imaginii, acest handicap istoric e și mai greu de depășit. E dezolant să auzi dialogurile unor adolescenți basarabeni de 14-16 ani, vorbind despre iPhone-uri, iPad-uri, Windows-uri, Update-uri ș.a. într-o română primitivă, stricată, cu o pronunție îngrozitoare (așa cum vorbesc și părinții lor), demonstrând, fără putință de tăgadă, că progresul tehnologic nu înseamnă obligatoriu și evoluție culturală. Cel puțin, nu în R. Moldova.

Spre deosebire de secvența video – un produs prefabricat, servit de-a gata, al cărei consum nu angajează creativitatea, imaginația individului –, lectura cărții dezvoltă, hrănește creierul, formează noi legături între neuroni, decodifică sensurile încorporate în cuvinte, reclamă *participarea* consumatorului, nu doar simpla lui prezență în fața unui ecran sau monitor. Ca să nu mai vorbesc de vocabularul pe care-l însușești, cu care înveți să îți exprimi propriile gânduri și emoții. Cuvintele și expresiile unui autor – niște „bunuri străine”, până la un punct – devin ale tale. E la fel cum un ucenic ar împrumuta uneltele și abilitățile maestrului într-o meserie. Și așa, de la o ființă rudimentară, avansăm spre un stadiu superior, de făptură capabilă să-și releve bogăția Universului în care trăiește.

Lectura te ajută să înțelegi mai bine lumea, iar cel care înțelege este un om mai liber. [...]

У чтения есть разные возрасты, каждый со своим очарованием и надлежащей пользой, которые обогатятся вместе со взрослением тебя как читателя и накоплением жизненного опыта. Перед лицом более образованной души книга (все та же книга!) иначе раскрывает свои красоты и секреты.

* * *

Никогда не перестану расточать похвалы чтению и книге, тем более, в наших краях, где это занятие настолько непостоянно. Отсутствие у молдаван аппетита к книге давно известно, и это – неизлечимо. А сейчас, в эпоху медийного взрыва и триумфа изображения этот исторический недостаток преодолеть еще труднее. Прискорбно слышать диалоги бессарабских юношей 14-16 лет, говорящих об iPhone-ax, iPad-ax, Windows-ax, Update-ax и т.д. на примитивном, ломанном румынском с кошмарным произношением (точно так же как говорят и их родители), – доказывающих, бесспорно, что технический прогресс не обязательно предполагает и культурную эволюцию. По крайней мере, не в Молдове.

В отличие от видеоизображения – заготовленного, потребляемого в готовом виде продукта, не апеллирующего к творческому началу, к воображению индивидуума –, чтение развивает, питает мозг, создает новые связи между нейронами, расшифровывает смыслы, вложенные в слова, предполагает *участие* потребителя, а не только его простое присутствие у экрана или монитора. Не говоря уже о словарном запасе, который усваиваешь, и с помощью которого учишься выражать собственные мысли и эмоции. Слова и выражения автора – являющиеся до какого-то момента «чужой собственностью» – становятся твоими. Как будто подмастерье одолжил инструменты и навыки мастера. И вот так, от рудиментарного существа мы поднимаемся к высшей ступени сущности, способной выразить богатство Мироздания, в котором оно живет.

Чтение помогает лучше понять мир, а человек, который понимает, становится свободнее. [...]

Grigore CHIPER

roman-simulacru

visele sunt roz
pământul e negru
citesc
îmi plac de la o vreme romanele-simulacru
până la urmă
ele sunt acelea
care seamănă cel mai mult cu viața
cu viața mea

déjà-vu

citesc câteva rânduri uimitor de limpezi
de parcă m-aș uita la geam
și aș mai prinde ziua de ieri
autorul e prea singur
nu dialoghează cu nimeni
e ca un obiect
pe care îl vezi cum se duce la fund cum își pierde conturul
și nu îl poți scoate din neguri

ciotul

fiecare poem are câte un ciot
mă uit la poemele mele și nu îl observ
sau poate mă prefac
sau poate poemul e așa cum se întâmplă să-l vezi peste 100
de zile
întorc pagină după pagină

Григоре КИШЕР

роман-симулякр

сны розовые
земля черная
читаю
с недавних пор мне нравятся романы-симулякры
в конечном счете
именно они
больше всего похожи на жизнь
на мою жизнь

дежавю

читаю пару изумительно прозрачных строк
будто смотрю в окно
и еще могу ухватить вчерашний день
автор слишком одинок
он ни с кем не разговаривает
он словно предмет
который идет ко дну теряет свои очертания
и его уже не извлечь из мрака

сучок

в каждой поэме есть по сучку
смотрю на свои поэмы и не замечаю их
или может я претворяюсь
или может поэма выглядит как иногда ее видишь через 100
дней
листаю страницу за страницей

din cartea pe care am procurat-o recent
și încă nu am dat de poemul
în care să întâlnesc
nici trandafirii
nici infinitul
nici eternitatea
doar rimele voluntare și involuntare
ca pasagerii din compartimentele de tren
doar poemele cu o istorie încheată
ca viața și moartea
doar cuvintele de după care
nu poți vedea zilele și nopțile veritabile

litere mari

ah linia vieții din palmă
nu vreau să știu ce va fi mâine
nici rădăcini smulse
nici ape secate
nici coroane de pomi pătulate
mai bine o ceață pe ochi decât întunericul
vreau doar să-ți pun șalul pe umeri
ori să ți-l dau jos
și să trăim
să trăim literele mari
din ultimul exemplar al cărții

lectură

nu mai țin minte
dacă i-am cumpărat cartea
sau cineva mi-a dăruit-o dintr-un impuls personal
sau poate am găsit-o în portbagajul mașinii
îmi amintesc doar că era un sfârșit de iarnă
când ninge mecanic
cu fulgi efemeri
el se uita grav sau altfel de pe coperta strălucitoare

недавно купленной книги
и пока что не встретил поэмы
в которой бы не были
розы
бесконечность
вечность
но лишь вольные и невольные рифмы
будто пассажиры в купе поездов
лишь поэмы с завершенной историей
будто жизнь и смерть
лишь слова за которыми
не разглядеть настоящих дней и ночей

большие буквы

ах линия жизни на ладони
не желаю знать что будет завтра
ни вырванных корней
ни пересохших рек
ни смятых крон деревьев
лучше туман перед глазами чем мрак
хочу лишь укутать тебя шалью
или сорвать ее с тебя
и прожить с тобой
прожить большие буквы
из последнего экземпляра книги

чтение

даже не помню
купил ли я его книгу сам
или кто-нибудь другой мне ее подарил
или может я нашел ее в багажнике машины
помню лишь что уже был конец зимы
когда механически падают
эфемерные снежинки
он серьезно или как-то иначе смотрел с блестящей обложки

poemele lui nu mi-au inspirat prea mult optimism
în propriile mele forțe
nu i-am simțit versurile ca pe ceva aproape
așa cum poate fi o haină
o femeie
sau un univers
în care nu te simți abandonat
dar e ridicol să te învinuiesc de vreo culpă
tot așa cum nu poartă nicio vină coperta
de care te despați pentru totdeauna

Biblioteca

Am o bibliotecă
ceva mai aparte
necită. Montherlant Pavese Klaus Mann.
Din autohtoni Urmuz.
Îi amân
așa cum ei au amânat viața.
Noaptea mă apropii de ei
ziua mă despart.

его стихи не внушили мне веры
в мои собственные силы
в его стихах я не почувствовал ничего мне близкого
как могут быть одежда
женщина
или вселенная
где ты не чувствуешь себя покинутым
но смешно вменять тебе что-то в вину
и обложка ни при чем
и с ней ты расстанешься навсегда

Библиотека

По большей части
моя библиотека
не читана.
Монтерлан Павезе Клаус Манн.
Из национальных кумиров Урмуз.
Откладываю их
также как они отложили жизнь.
Ночью приближаюсь к ним
днем расстаюсь.

Maria ȘLEAHTIȚHI

citesc în pat romanul lui crăciun

citesc în pat romanul lui crăciun
acte originale copii legalizate

personajul intră în librărie
să-și cumpere o carte o cumpără
traversează urcă repede scările
și cade – din roman bineînțeles –
se ridică – la putere
cu timp și cu spațiu – după care
re-intră în librărie
să-și cumpere o carte o cumpără –
tot amintirile lui creangă –
iese – tot în ploaie –
traversează iute piața
urcă din nou treptele
întoarce-te! îi strig
acestea sunt alte trepte –
de la casa culturii –
de acolo urmează să-ți ieitu

copiile?confuzie

clădirea primăriei noastre
nu are prea multe trepte
una două poate
clădire a consiliului popular
n-a existat și nu există la
ștefănești un sat basarabean despre
care nu se spune nimic în
romanul lui gheorghe crăciun

Мария ШЛЯХТИЦКИ

читаю в постели роман крэчуна

читаю в постели роман крэчуна
подлинные документы легализованные копии

персонаж заходит в книжный магазин
чтобы купить книгу покупает
переходит улицу быстро поднимается по ступенькам
и падает – в романе естественно –
поднимается – в степень
места и времени – после чего
вновь заходит в книжный магазин
чтобы купить книгу покупает –
так же воспоминания крянгэ –
выходит – так же в дождь –
бегом пересекает площадь
опять поднимается по ступенькам
обернись! я кричу
это другие ступеньки –
те что у дома культуры –
тамтебе следует взять

копии?путанница

у здания нашей мэрии
ступенек совсем немного
может одна или две
здания народного совета
не было и нет в
штефэнешть бессарабском селе о
котором нет ни слова в
романе георге крэчуна

pastorală (II)

„nici tristețea
nu pare a reflecta nimic
din această agonie”

în grădina ta de la târnova
întinsă pe un păretar
vechi și decolorat
zestre de la bunica
fac lecturi din cioran
în dialog mutual
cu o capră albă

cu ochii albi și rotunzi
ca verigheta de pe inelarul
tău stâng
cu gene lungi și arcuite
cu un fuior subțire de barbă

de pe pajiști arhaice
capra paște movul amărui
al florilor de brusturi
verdele uscat al păretarului

degrabă
mă va paște pe mine
cu carte cu tot

citindu-l pe eliade

citindu-l pe eliade
se deșteaptă în mine
zvâcnirea luminoasă
a tinerei zeițe
din a. 5700
curtată de porumbel

настораль (II)

«и даже грусть
кажется ничего не говорит
об этой агонии»

в твоём саду в тырнове
распростёртом по настенному коврику
старому и выцветшему
приданое бабушки
читаю чорана
в немом диалоге
с белой козой

с белыми и круглыми глазами
как обручальное кольцо на безымянном пальце
твоей левой руки
с длинными и изогнутыми ресницами
с жидким пучком бороды

на древних пастбищах
коза ест горьковатый пурпур
цветов репейника
сухую зелень настенного ковра

скоро
она съест и меня
с книгой со всем

читая элиаде

читая элиаде
во мне пробуждается
светлый трепет
юной богини
из 5700 г.
взлелеянной голубем

Nicolae SPĂȚARU

to be or not to be

de când ai auzit împușcături
printre rafturile bibliotecii personale
viața ta s-a transformat
într-un coșmar
abia azi începi să înțelegi
semnificația
evenimentelor declanșate acum câțiva ani:
cărțile subțiri declaraseră greva foamei
revendicările lor
te-au pus într-o mare încurcătură:
ele cereau autonomie totală
față de cărțile groase și dreptul
de a crea așa-zisa
bibliotecă independentă a cărților slabe
(nu slave!)
situație fără precedent
până la urmă
a trebuit să le satisfaci revendicările
dar independența lor
n-a fost recunoscută de cărțile groase
nici până azi

toleranța ta avea și ea margini
lupta violentă dintre cărți te determină
să treci imediat la reforme radicale
în primul rând
te-ai declarat rege al tuturor cărților

Николае СПЭТАРУ

to be or not to be

с тех пор как ты услышал выстрелы
среди полок личной библиотеки
твоя жизнь превратилась
в кошмар
и только сегодня тебе открывается
смысл
событий протекавших несколько лет назад:
тонкие книги объявили голодовку
их требования
поставили тебя в довольно затруднительное положение:
они добивались полного отделения
от толстых книг и права
создания так называемой
независимой библиотеки малых
(не алых!) книг
беспрецедентный случай
в конечном итоге
ты должен был удовлетворить их требования
но толстые книги
не признают их независимость
и по сей день

твоему терпению тоже пришел конец
жестокая битва книг толкает тебя
к проведению срочных радикальных реформ
во-первых
ты провозгласил себя царем всех книг

după ce ți-ai luat toate măsurile de precauție
(pe ahile ți l-ai adus mai aproape de masa
la care meditezi în nopțile târzii
pe cei trei mușchetari i-ai pregătit
pentru a constitui o eventuală gardă de corp
și altele)
ai trecut la arestări și deportări:
pe ginghis han (istoria nimic nu iartă)
l-ai surghiunit la o periferie
a raftului de jos
în vecinătatea unui trib de cărți rusești
lui nero i-ai impus domiciliu forțat la palat
interzicându-i să țină asupra sa chibrituri
don quijote de la mancha (fire extremistă)
va trebui să-și ispășească păcatele
asudând la o moară veche
în calitate de muncitor
necalificat...

ți-ar trebui zeci de ore ca să enumeri
toate manevrele pe care le-ai înțeles

după atâtea remanieri (credeai tu)
lumea va fi în siguranță:
alexandru macedon cesar cleopatra
toți mahomezii ludovic al XIV-lea (nu se știe
dacă e vreo legătură între el și armata a 14-a)
hamlet (care în ultima vreme își uita
tot mai des replica: *to be or not to be*)
ivan cel groaznic napoleon
mai greu a fost cu emmanuelle și lolita
frații karamazov regi mai vechi și mai noi
toți toți și-au primit pedeapsa binemeritată
cărțile stăteau în fața ta în poziție de drepti

затем приняв все меры предосторожности
 (ахиллеса ты поставил как можно ближе к столу
за которым размышляешь поздними ночными часами
 трех мушкетеров приготовил на случай
необходимости в личной охране
 и прочее)
приступил к арестам и депортациям:
 чингисхана (история ничего не прощает)
ты сослал на периферию
нижней полки
по соседству с племенем русских книг
нерона заключил под принудительный домашний арест во дворце
запретив ему носить при себе спички
дон кихоту ламанчскому (экстремисту по натуре)
предстоит искупать свои грехи
трудясь в поте лица на старой мельнице
в качестве неквалифицированного
рабочего...

понадобятся десятки часов чтобы перечислить
все проделанные тобой перестановки

после всех этих преобразований (тебе казалось)
мир будет в безопасности:

 александр македонский цезарь клеопатра
все магометане людовик XIV (никто не знает
есть ли какая-нибудь связь между ним и 14-ой армией)
гамлет (в последнее время все чаще
забывавший свою реплику *to be or not to be*)
иван грозный наполеон
сложнее было с эммануэль и лолитой
браться карамазовы древние и новые цари
все все понесли заслуженное наказание
книги стояли перед тобой по стойке смирно

și totuși lumea nu va afla niciodată
prin câte ți-a fost dat să treci
fiind o făptură precaută
ai distrus toate notițele
pe care le-ai făcut pe parcurs

astăzi
stupefiat îți dai seama
că între tine și bibliotecă
mai este o secundă amorezată
gata oricând de crimă

cu gândul la nimeni și nimic
ai râs

и все же мир никогда не узнает
через что тебе было суждено пройти
будучи человеком осмотрительным
ты уничтожил все записи
сделанные тобой за это время

сегодня
с изумлением приходишь к мысли
что между тобой и библиотекой
остается лишь влюбленная секунда
в любой момент еще готовая к преступлению

ни о ком и ни о чем не думая
ты рассмеялся

Vitalie CIOBANU

Ce este cultura pentru mine?

[...] „Nu-i zăbavă mai plăcută decât cetitul cărților”, spunea cronicarul acum 400 de ani. Subscriu acestei maxime fără ezitare, chiar dacă azi televiziunea și calculatorul (și ele manifestări ale culturii!) au ajuns să concureze serios literatura, inclusiv ca tehnici de reproducere și perpetuare a ei. Nu aș putea trăi fără să citesc, adică însoțit de conștiința faptului că rămân în afara unui proces de cunoaștere ce se extinde cu fiecare secundă. Nu sunt însă un halucinant al lecturii, știu că nu voi putea cuprinde totul, de aceea încerc să surprind *esențialul*. Iar de esențial te apropii în clipa când, împins de provocările livrescului și de încercările vieții, te întrebi cine ești, de ce e construită lumea așa, care e scopul său ultim, există un plan prestabilit în tot ceea ce facem sau suntem lăsați de capul nostru, în plasa liberului arbitru?... Acestea sunt, neîndoielnic, întrebări culturale, pe care un nesimțit, o brută nu și le va pune niciodată. [...]

Drumul cenușii și drumul Damascului pentru Augustin Buzura

Există cărți de ficțiune care îți dau impresia că ai trăit o viață, citindu-le. O *altă* viață. De parcă ai fi parcurs zeci, poate sute de dosare cu informații, depoziții și probe incriminatorii, sau ai vizionat mii de kilometri de peliculă documentară – într-atât de revelatoare îți sunt acumulările. Aceste creații, *literare* totuși, ne rezervă o acoperire aproape completă, esențializată, a condiției umane, cu cele

Виталие ЧОБАНУ

Что означает для меня культура?

[...] «Нет более приятной забавы, нежели чтение книг», говорил летописец 400 лет тому назад. Не колеблясь, подписываюсь под этим изречением, несмотря на то, что сегодня телевидение и компьютер (и они – проявления культуры!) стали серьезными конкурентами литературе, в том числе как способ ее воспроизведения и сохранения. Я бы не смог прожить без чтения, постоянно думая о том, что остаюсь за рамками расширяющегося с каждой секундой процесса познания. Но я и не книжный безумец. Зная, что не смогу объять всего, я пытаюсь уловить *существенное*. А к сути приближаешься лишь в тот момент, когда, следуя вызовам со стороны мира книг и жизненных испытаний, ты спрашиваешь себя, кто ты, отчего мир устроен так, а не иначе, каков его конечный смысл, лежит ли в основе всего, что мы делаем, заранее установленный план, либо мы предоставлены сами себе, располагая свободой воли?... Вне всякого сомнения, это те культурные вопросы, которые человек лишенный чуткости и черствый никогда себе не задаст. [...]

Путь пепла и путь Дамаска для Аугустина Бузуры

Есть книги, читая которые, кажется, будто проживаешь целую жизнь. *Иную* жизнь. Будто просматриваешь десятки или сотни досье с информацией, сотни распоряжений и инкриминирующих доказательств, тысячи километров документальных записей – настолько большим откровением кажутся тебе полученные знания. Эти произведения, оставаясь *литературными* по своему характеру, дают нам почти пол-

două ipostaze inseparabile: *inger* și *demon*. Este un tip de cunoaștere mai profundă decât o statistică de specialitate sau o colecție de fapte comentate de experți, pentru că îți angajează nu numai creierul, ci și inima, viscerele, aorta și plămâni, adică întreaga ființă, integralitatea facultăților senzoriale: un tip de relație psiho-somatică, la rigoare complexă, în care alura ta de spectator invariabil plasat în exterior dispare. Ai încetat a mai fi consumatorul unui produs de serie. Ești împins cu brutalitate pe podium, în mijlocul evenimentelor și pasiunilor narate, devii martorul implicat al unei drame zguduitoare, mai reală decât multe dintre întâmplările trăite aieva. Suporți pe pielea ta experiența celor despre care ai crezut că îți vor defila prin fața ochilor, fără a-ți amenința confortul unei lecturi făcute cu intermitențe, în moleșeala plăcută a digestiei de după-amiază. Acum pentru că nu ai încotro, trebuie să învingi marele obstacol: să-ți adaptezi ritmul interior cadenței epice, să tai cordonul ombilical care te leagă de bagajul reconfortant al referințelor personale. Cursa lecturii este solicitantă, până la linia de sosire vei mai străbate spații largi, efortul susținut îți înmoaie genunchii și respirația îți sună tot mai sacadat, apropiind momentul când, pe punctul de a abandona, îți descoperi o neașteptată disponibilitate de sprinter, plăcerea de a continua, cu forțe noi, alergarea, de parcă ai exersa de ani de zile pe pista aceea. Cartea te-a cucerit, i-ai acceptat cu încântare sclavajul convențiilor, nu o vei lăsa din mână până la final, măsurându-i cu o neliniște crescândă subțierea paginilor ce tinde să contrazică, descumpănitor, derularea în forță a liniilor de subiect; ai fost prins în imperiul relațiilor sale, viața din interiorul cărții s-a transferat în viața ta, sau invers – sunt valabile amândouă! – cu tot palpitul pe care îl încape. [...]

Ce... dar mai ales *cum* că citești

E greu să aproximezi un anume „gust comun” sau „standard de lectură” pentru mulțimea cititorilor de azi, și asta în pofida faptului că valorile în general se cunosc și că cei aflați în discuție sunt autorii contemporani, a căror prezență „în carne și oase” printre noi îi descalifică oarecum, îi privează de aura de magie și intangibilitate,

ную, сведенную к сути, картину условий человеческого существования в двух неотъемлемых друг от друга ипостасях: *ангела* и *демона*. Этот вид знания намного глубже специализированной статистики или набора фактов, откомментированных экспертами, поскольку обращается не только к разуму, но и к сердцу, к внутренним органам, аорте и легким, то есть ко всему твоему существу, к твоей способности чувствовать – тип крайне сложного, психосоматического взаимодействия, при котором твое положение как зрителя, неизменно пребывающего вовне, совершенно меняется. Ты перестаешь быть потребителем серийного продукта. Тебя жестоко выталкивают на подиум, в гущу рассказываемых событий и страстей, ты становишься свидетелем, участвующим в потрясающей драме, более реальной, чем многое пережитое наяву. На собственной шкуре ты испытываешь то, что испытали персонажи, которые, как ты думал, пройдут перед тобой, не нарушив комфорта неторопливого чтения в расслабленности послеобеденного досуга. И вот теперь, поскольку деваться уже некуда, необходимо преодолеть огромное препятствие: приспособить внутренний ритм к эпическому такту, разрезать пуповину, связывающую тебя с живительным багажом личных ассоциаций. Читательский путь прихотлив, до пункта назначения придется пройти большое расстояние, затраченные усилия утомят колени, а дыхание станет прерывистым, приближая момент, когда, решив уже все бросить, ты откроешь в себе неожиданные спринтерские резервы, новые силы, удовольствие от продолжения забега, будто бежишь по этой полосе уже очень и очень долго. Книга тебя покорила, ты с восхищением становишься рабом ее условностей, ты уже не выпустишь ее из рук до самого конца, с растущим беспокойством оглядывая сокращающееся количество страниц, что может выбить из колеи развитие сюжетных линий. Ты пойман в ее сети. Со всем своим трепетом жизнь внутри книги стала и твоей жизнью, или наоборот – подходят оба варианта. [...]

Что... и в особенности как читать

Очень сложно вывести формулу «общего вкуса» или «стандарта чтения» для множества сегодняшних читателей, – и это вопреки тому, что ценности в общем известны, и спор ведется о современных авторах, присутствие которых «собственной персоной» среди нас некоторым образом исключает их из поля зрения, лишает их ауры волшебства и

inerentă clasicilor „strămutați” în manualele școlare și în istoriile literare. Autorii contemporani nu sunt monumente, încă n-au înțepenit într-o exergă, din contra: sunt oameni „ca noi”, pot fi lăudați, dar și criticați, după caz. E un exercițiu pe care ei, să fiți siguri, l-au acceptat, pentru că n-au încotro: dacă scrii, confruntarea cu opiniile și pasiunile pe care le trezești în celălalt este inevitabilă. Dacă nu trezești nimic – nu ești (ca autor).

De vreme ce am intrat în acest joc de-a recomandările, propus de revista *Clipa*, încerc să schițez un „îndreptar” de lectură, cu titluri și autori. O listă parțială și subiectivă (dar altfel nu m-ați crede!).

Cărți de formare a gustului pentru lectură; cărți de plăcere

Epopeea arabă *O mie și una de nopți* – pentru a deprinde plăcerea și savoarea povestitului. Romanele lui Daniel Defoe, Jules Vernes, Mark Twain, Arthur Conan Doyle, James Fenimore Cooper și mulți alți autori care au muncit la prefigurarea și îmbogățirea imaginarului generațiilor ce i-au succedat.

Cărți de referință, „obligatorii”; cărți care au creat literatura, inclusiv, au creat... alte cărți

Marcel Proust, *În căutarea timpului pierdut* – o călătorie prin meandrele memoriei personale și colective, grație fineții reconstituirilor operate de autor ale societății aristocratice franceze de la sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea. Romanele, povestirile și eseurile lui Jorge Luis Borges, Julio Cortázar și Gabriel García Márquez – pentru „realismul magic” pe care acești autori îl aduc în percepția culturii și existenței umane. Robert Musil, *Omul fără însușiri* – o saga în mai multe volume a vechii lumi mittel-europene, în pragul dezastrului generat de Primul Război Mondial. Franz Kafka, *Procesul* și *Castelul* – romane antologice pentru literatura secolului al XX-lea: autorul lor a descris ca nimeni altul neputința ontologică a individului în fața mecanismului impersonal al unei puteri strivitoare, cum ne-am obișnuit, de la Kafka încoace, să privim statul. Și, neapărat, Thomas Mann cu *Muntele vrăjit* și *Doctor Faustus* – romane importante pentru adâncimea sondajului psihologic și pentru problema moralității în artă.

неприкосновенности, присущей классикам, «включенным» в школьные учебники и в истории литератур. Современные авторы – не памятники, они еще не приняли форму какого-нибудь рельефа, как раз напротив: они такие же люди «как и мы», их можно хвалить, но и, по случаю, критиковать. Не сомневайтесь, они пошли на это, поскольку у них не было выбора: если ты пишешь, то столкновение с мнениями и страстями, которые ты вызываешь в других, неизбежно. Если ты ничего не пробуждаешь – ты (как автор) просто не существуешь.

Но, согласившись сыграть в игру рекомендаций, предложенную журналом *Clira*, я попытаюсь набросать некое «руководство» к чтению с указанием названий и авторов. Это мой неполный и субъективный список (иначе Вы бы мне не поверили!).

Книги для формирования вкуса к чтению; книги для удовольствия

Арабская эпопея *Тысяча и одна ночь* – чтобы почувствовать прелесть и удовольствие от повествования. Романы Даниеля Дефо, Жюль Верна, Марка Твена, Артура Конан Дойла, Джеймса Фенимора Купера и многих других авторов, которые трудились над сотворением и обогащением воображаемого мира для последовавших за ними поколений.

«Обязательные» книги, лежащие в основе литературы и, в том числе,... в основе других книг

Марсель Пруст, *В поисках утраченного времени* – странствие по закоулкам личной и коллективной памяти, тонкое воссоздание автором французского аристократического общества конца XIX – начала XX вв. Романы, рассказы и эссе Хорхе Луиса Борхеса, Хулио Кортасара и Габриэля Гарсиа Маркеса – за «магический реализм», который эти авторы привносят в восприятие культуры и человеческого бытия. Роберт Музиль, *Человек без свойств* – многотомная сага старого средневропейского мира на пороге катастрофы Первой мировой войны. Франц Кафка, *Процесс* и *Замок* – хрестоматийные произведения литературы XX века: как никто другой их автор описал онтологическую беспомощность человека перед лицом безличного механизма подавляющей личностью власти. Именно так, начиная с Кафки, мы привыкли смотреть на государство. И обязательно Томас Манн с его *Волшебной горой* и *Доктором Фаустусом* – романы, важные из-за глубины своего психологического анализа и раскрытия проблемы морали в искусстве.

Sunt autori ce pot fi asemuiți cu coloanele de susținere ale unui templu elen. În acest caz, vorbim de „coloanele” literaturii universale.

Cărți dificile pentru cititorii avansați

José Ortega y Gasset și Albert Camus. Dostoievski și Faulkner. Pitagora și Sfântul Augustin, Joseph de Maistre și Paracelsus. Michel de Montaigne și Denis de Rougemont. E vorba de romane, de scrieri filosofice, de eseuri. Și neapărat *Jurnalul* lui Witold Gombrowicz – o operă care vă va bulversa complet viziunea asupra a ceea ce își poate permite omul față de sine însuși și în raport cu țara sa.

(Precizez că ultimele două categorii interferează, autorii pot migra liber dintr-o „clasă” în altă, e o separare convențională, în mare măsură.)

Cărțile din literatura română

Acestea se extind pe un spectru larg de autori și variază în conformitate cu vârsta și pregătirea pe care o aveți: Ion Creangă, Mihail Sadoveanu, Liviu Rebreanu, Camil Petrescu, Cioran, Mircea Eliade, Marin Preda, Gellu Naum, Augustin Buzura, Andrei Pleșu, Mircea Ciobanu, Gheorghe Crăciun, Dumitru Radu Popa, Mircea Cărtărescu...

Observații de principiu

E important să acoperi niște nume, să ai lecturi cât mai vaste, să aduni „trofee”, ca împătimit al bibliotecii, însă cu adevărat primordial este *cum* citești și *cum* reușești să integrezi aceste cunoștințe în metabolismul tău intelectual. Nu există însă calitate fără cantitate. Doar o experiență îndelungată și asiduă de lectură te va ajuta să înțelegi mai bine ce citești, îți va forma gusturile, îți va decanta preferințele. Lărgindu-ți orizontul și ascuțindu-ți exigențele, vei ști să faci cu timpul selecții juste în nebuloasa literară ce te înconjoară și vei învăța să distingi valoarea de impostură, să separi scriitura „rasată” de probele unei mimări meșteșugite.

O carte bună e ca un prieten fidel: ea nu trădează. O poți trăda tu, fie depășindu-i fruntariile seducției, orientându-te spre alte oferte, mai profunde, mai ambițioase, cum e și firesc, fie – cazul cel mai puțin de dorit – prin uitare și abandon. Dar atunci să te ferești de răzbunarea cărților necitite!

Этих авторов можно сравнить с опорными колоннами древнегреческого храма. В данном случае речь идет о «столпах» мировой литературы.

Сложные книги для продвинутых читателей

Хосе Ортега-и-Гассет и Альбер Камю. Достоевский и Фолкнер. Пифагор и Святой Августин, Жозеф де Местр и Парацельс. Мишель де Монтень и Дени де Ружмон. Речь идет о романах, философских текстах, об эссе. И обязательно *Дневник* Витольда Гомбровича – произведение, которое полностью перевернет ваше представление о том, на что способен человек в отношении себя и своей страны.

(Уточню, что последние две категории взаимосвязаны, авторы могут свободно переходить из одного «класса» в другой, это разделение по большей части условно.)

Произведения румынской литературы

Они включают широкий спектр авторов и варьируют в соответствии с вашим возрастом и подготовкой: Ион Крянгэ, Михаил Садовяну, Ливиу Ребряну, Камил Петреску, Чоран, Мирча Элиаде, Марин Преда, Джеллу Наум, Аугустин Бузура, Андрей Плешу, Мирча Чобану, Георге Крэчун, Думитру Раду Попа, Мирча Кэртэреску...

Принципиальные замечания

Важно овладеть именами, быть как можно более начитанным, собирать «трофеи», подобно завязатому человеку библиотеки, но по-настоящему первостепенным является *как* читать и *как* интегрировать эти знания в процесс твоего интеллектуального метаболизма. Нет, однако, качества без количества. Только продолжительный и упорный читательский опыт поможет тебе лучше понять, что ты читаешь, сформирует твой вкус, прояснит твои предпочтения. Расширяя свой горизонт и оттачивая свои требования, со временем ты сможешь делать правильный выбор в окружающей тебя литературной туманности, и сможешь отличать ценность от самозванства, отделять «чистокровную» литературу от проб ремесленнического подражания.

Хорошая книга подобна верному другу: она не предает. Предать ее можешь ты сам, либо преодолев границы ее соблазнов, обращаясь к другим, более глубоким, более амбициозным книгам, что естественно, либо – что менее желательно – позабыв или покинув ее. Но тогда поберегись мести непрочитанных книг!

Emilian GALAICU-PĂUN

Poezia de după poezie

[...] 6 mai '94. Să scriu cândva un text, pentru mine însumi, despre importanța lecturii înainte de a te apuca să redactezi un text. E de dorit ca proza (poemul, eseu) citit să fie cât mai departe de textul la care lucrezi. Esențialul e ca lectura să te îndepărteze pentru o perioadă de text, menținându-te totuși în câmpul gravitațional al creației. În mod inevitabil, anumite cuvinte din textul citit vor declanșa în subconștientul tău o mișcare a noțiunilor – un fel de caleidoscop cu sticlute multicolore – care, până la urmă, se vor aranja într-o „figură”. E ca și cum ai „da prin sită” dicționarul atunci când ai a coace ceva de-o calitate superioară. [...]

27 februarie '97. Răsfoind *Însemnările lui Malte Laurids Brigge*, dau de această subliniere mai veche: „Atunci am presimțit oarecum ceea ce am simțit mai târziu: că nu ai dreptul să deschizi o carte dacă nu te angajezi să le citești pe toate”. Pentru mine problema se pune și mai tranșant: nu ai dreptul *să scrii* o carte dacă nu le-ai *citit* pe toate. Fiindcă trebuie să poți să mai scrii cărți după ce le-ai citit „pe toate”.

* * *

(Scriind acest eseu, am răsfoit zeci și zeci de cărți din biblioteca mea, unele „de căpătâi”, consultate aproape zilnic, altele extrase din raft cu o ocazie anume; în tot acest răstimp m-a obsadat odiosul personaj al romanului **Numele trandafirului**, călugărul Jorge, cel care – pentru a proteja conținutul unei cărți de curioși – îi unge paginile cu otravă, ca până la urmă tot el, „cu mâinile sale descărnate

Емилиан ГАЛАЙКУ-ПЭУН

Поэзия после поэзии

[...] 6 мая '94. Когда-нибудь я напишу для самого себя о значении чтения перед началом составления какого-либо текста. Желательно, чтобы у прочитанной прозы (поэмы, эссе) было как можно меньше общего с текстом, над которым работаешь. Суть в том, чтобы чтение отдаляло тебя на какое-то время от твоего текста, одновременно удерживая тебя в гравитационном поле творчества. Определенные слова из прочитанного текста неизбежно спровоцируют в твоём подсознании движение понятий – подобно калейдоскопу с разноцветными стеклышками – которые, в конечном итоге, выстроятся в некую «фигуру». Как если бы ты «просеял» словарь, намереваясь испечь что-либо высшего качества. [...]

27 февраля '97. Листая *Записки Мальте Лауридса Бригге*, наткнулась на следующие подчеркнутые когда-то строки: «Тогда у меня было некое предчувствие того, что я почувствовал позже: что ты не вправе открыть ни одной книги, если не берешь на себя обязательства прочитать их все». Для меня постановка вопроса еще однозначней: ты не вправе *написать* книгу, если не *прочитал* их все. Потому что нужно еще суметь писать книги, после того как прочитал их «все».

* * *

(Во время работы над этим эссе я пролистал десятки и сотни книг из своей библиотеки, некоторые являются для меня «настольными», в них я заглядывал почти ежедневно, другие же я снимал с полок по определенному случаю; в течение всего этого времени меня не покидал образ одиночного персонажа из романа **Имя розы**, монаха Хорхе, который, пытаясь оградить содержание некой книги от любопытных глаз, мазал ее страницы отравой, хотя он же, в конечном итоге, «взялся своими бесплотными,

și delicate, să sfâșie încet, în bucăți și în fâșii, paginile înmuiate ale manuscrisului, băgându-și-le ghemotoace în gură și mestecându-le încet, ca și când ar fi mestecat ostia sfântă, și ar fi vrut s-o preschimbe în carne din propria lui carne”. El, Jorge, știe că nu se poate *citi nepedepsit* „Cartea”. Dar întotdeauna vor exista un Venanzio, un Severino, care se vor lăcomi la ea (devenind primele victime ale lecturii); abia apoi va veni Guglielmo, cărturarul pursânge, pentru a o răfoi „cu mânuși”. Ei bine, „mânușile” sunt *convenția*. Mi le-am pus ori de câte ori am citit/ scris o carte, un text, un eseu. Dar și astfel protejat, după ce întorc ultima filă, mă grăbesc să mă spăl pe mâini. De „literatură”.)

Cărți de promovat adolescența

[...] Cea mai cumplită frustrare a adolescenței (generației) mele ține de accesul – în sensul de lipsă a acestuia! – la carte: autori ale căror nume nu trebuiau nici măcar pronunțate, titluri ce te făceau să visezi și care-ți transformau viața într-un coșmar odată descoperite la tine. Cine nu a citit cărți pe sub masă, învelite în *Правда* sau *Moldova socialistă*, împrumutate de la/ unor persoane de încredere, va înțelege anevoie bucuria de a face rost de un titlu anume, acum când e suficient să dai pe „search”. Ca să nu mai vorbesc despre circuitul pe sub mână a unor opere în *samizdat*, semn că făceai parte dintr-o rețea bazată pe încredere – și asta tocmai în țara unde se mai pedepsea „за недоносительство”. Dacă totuși am ieșit (unii) mai mult sau mai puțin întregi la minte dintr-un regim pornit să dea la cap celor ce se făceau vinovați de delict de opinie, faptul acesta se datorează unor lecturi formative, singurul lucru pe care l-am putut opune – de cele mai multe ori, la modul individual – unei mutilări colective. Adevărate CV-uri, cât un perete (doi, trei etc.), bibliotecile personale ale scriitorilor/ cititorilor din generația mea.

Și într-o societate democratică, unde majoritatea este expresia unor alegeri libere, ce rost mai au aceste „CV-uri” individuale? Cui folosesc și la ce bun aceste adevărate semne distinctive într-o epocă a globalizării?! Îndrăznesc să afirm că, mai abtîr decît într-o societate

почти прозрачными руками за один из листов и медленно потянул его на себя, отрывая полоску, потом еще одну, и еще, раздирая на клочки мягкие листы рукописи и запихивая обрывки один за другим себе в рот и старательно жуя, будто гостию святого причастия, которая должна перейти в плоть его собственной плоти». Он, Хорхе, знал, что «Книгу» нельзя *читать безнаказанно*. Но всегда найдутся какой-нибудь Венанцио или Северино, которые на нее позарятся (став первыми жертвами чтения); и только потом появится Вильгельм, чистокровный книжник, чтобы пролистать ее «в перчатках». Ну что ж, «перчатки» – это *условность*. Я надевал их всякий раз, когда начинал читать/ писать какую-нибудь книгу, текст, эссе. Но и после подобной защиты, перевернув последнюю страницу, я спешу отмыть руки. От «литературы».)

Книги для юношества

[...] Самый ужасный и неприятный опыт моего отрочества (поколения) связан с доступом – в смысле его отсутствия! – к книгам: авторам, имена которых нельзя было даже произносить, названиям, заставлявшим мечтать, и превращавшим твою жизнь в кошмар, если их вдруг у тебя находили. Кто не читал под партой, обернув *Правдой* или *Социалистической Молдовой* взятые на время у надежных людей книги, тот с трудом поймет радость, которую мы испытывали, когда удавалось раздобыть определенную вещь, теперь, когда достаточно лишь ввести ее название в поисковую строку. Не говоря уже о хождении по рукам произведений *самиздата*, обладание которыми говорило о том, что ты был частью сети, основанной на доверии – и это в стране, где преследовали «за недоносительство». Если нам (некоторым) и удалось в большей или меньшей степени сохранить себе мозги при режиме, дававшем по шапке каждому, заподозренному в инакомыслии, то причиной этого следует считать чтение, единственное, что мы могли противопоставить – в большинстве случаев, в индивидуальном порядке – коллективному изувечиванию. Личные библиотеки в целую (в две, три и т.д.) стену писателей/ читателей моего поколения были их настоящими CV.

Но есть ли смысл в таких индивидуальных «CV» в демократичном обществе, где большинство – это выражение свободного выбора? Кому и зачем в эпоху глобализации нужны подобные истинные знаки отличия?! Осмелюсь утверждать, что даже больше, чем в обществе, осно-

bazată pe interdicție, abia într-una a tuturor libertăților cartea își atinge randamentul deplin. Atunci când alegerea se face pe față, dint-o mulțime de posibilități, acest act deliberat are greutatea unui pact cu tine însuți (dacă nu cumva cu demonul lăuntric – deloc întâmplător, ***Faust*** e considerat drept mitul fondator al lui *homo europaeus*): în ultimă instanță, **devii ceea ce citești**. Indiferent însă de regimul politic, cele câteva (zeci, sute, mii de – Borges le-a numit ***Biblioteca personală***) cărți ce te fac să devii tu însuți (altele se mulțumesc să te „livreze” societății, după chipul și asemănarea acesteia) au în comun această trăsătură fundamentală: empatia. Trăim cu viața eroilor, le preluăm gesturile, cuvintele, numele, dar și visurile, iar identificarea cu un anume personaj ne ajută să fim noi înșine.

Dacă ar fi să scad zecile, dacă nu sutele de mii de volume citite de când mă țin minte, mi-aș păstra, pentru a promova cu succes adolescența, aceste zece titluri:

Crimă și pedeapsă, de Fiodor Dostoievski;

Moby Dick, de Herman Melville;

Martin Eden, de Jack London;

Procesul, de Franz Kafka;

Cărarea pierdută, de Alain-Fournier;

Străinul, de Albert Camus;

Maestrul și Margarita, de Mihail Bulgakov;

De veghe în lanul de secară, de J.D. Salinger;

Memorii, de Mircea Eliade;

Un veac de singurătată, de Gabriel García Márquez.

Toată viața mea s-ar fi dus de râpă (vorba vine) dacă, la momentul potrivit, nu puneam mâna, rând pe rând, pe fiecare dintre aceste titluri. Altele s-au alăturat firesc, pe parcurs, ca niște bune cunoștințe ale primelor – și așa, și tot așa, până s-a împlinit presimțirea (lui Rilke) și am putut rosti, în cunoștință de cauză, cel mai frumos vers scris vreodată, apropiindu-mi-l: „*La chair est triste, hélas! et j'ai lu tous les livres*”.

ванном на запретах, книга обретает высшую пользу только в обществе всех свобод. Когда выбор делается открыто из множества возможностей, этот обдуманый акт получает вес договора с самим собой (если даже не с внутренним демоном – совсем не случайно *Фауст* считается основополагающим мифом *homo europaeus*): в конечном счете, ты **становишься тем, что ты читаешь**. Но, вне зависимости от политического режима, те несколько (десятков, сотен, тысяч – Борхес назвал их *Личной библиотекой*) книг, которые помогают тебе стать самим собой (другие довольствуются тем, что «поставляют» тебя обществу по его образу и подобию), обладают общей фундаментальной чертой: чуткостью. Мы живем жизнью героев, перенимаем их жесты, слова, имена, но и сны, а отождествление себя с каким-нибудь персонажем помогает нам быть самими собой.

Если бы мне пришлось вычестить десятки, если не сотни тысяч томов, прочитанные мною с тех пор, как я себя помню, то я бы отобрал для юношества вот эти десять названий:

Преступление и наказание Федора Достоевского;

Моби Дик Германа Мелвилла;

Мартин Иден Джека Лондона;

Процесс Франца Кафки;

Большой Мольн Ален-Фурнье;

Посторонний Альбера Камю;

Мастер и Маргарита Михаила Булгакова;

Над пропастью во ржи Дж. Д. Сэлинджера;

Воспоминания Мирчи Элиаде;

Сто лет одиночества Габриеля Гарсиа Маркеса.

Вся моя жизнь пошла бы (как говорится) насмарку, если бы в нужный момент я не держал в руках, читая строчку за строчкой, каждую из этих книг. Другие приложились сами собой, по ходу, как хорошие знакомые первых – и так, и все так же, пока не исполнилось предчувствие (Рильке) и я не смог произнести самый красивый из когда-либо написанных стихов, принимая его на свой счет: «*La chair est triste, hélas! et j'ai lu tous les livres*».

Cărți de făcut scriitori

Nu știu câte frunze de dud trebuie să mănânce un vierme de mătase pentru a face un mic cocoloș, și nici de câte asemenea cocoloașe ar fi nevoie pentru o cămașă, să zicem; îmi amintesc însă de bibliotecile pe care le-am înghițit pentru a scrie un singur poem, „VACA~”, ca să rămân, în cele din urmă, tot un... nesătul. În ciuda atâtor sfaturi „generoase” ale unor scriitori cu acte în regulă („Nu citi ca să nu fii influențat!”), am considerat mereu că abia un foarte bun cititor, unul împlinit, are CE spune și mai cu seamă știe CUM s-o facă, odată luând pana/ mouse-ul în mână. Oricât de înzestrat ai fi, și chiar dacă ai în spate cea mai teribilă experiență de viață, fără știința de carte – aici în sensul lui Mallarmé: „...*et j'ai lu tous les livres*” – riști să devii (ceea ce ești, continui în gând) cel mult un artizan al scrisului, dacă nu chiar un împiedicat la limbă: mai mult decât oricare alt domeniu al creației, literatura este contextuală.

Sigur, nici lecturile nu-s de-o mamă (dreaptă sau vitregă, în funcție de calitatea acestora); iar dintre toate, cărțile de făcut scriitori mi se par de departe cele mai promițătoare, chit că nu-s și cele mai întrebate. (De bună seamă, n-ai să citești pe noapte *Ulise*, și nici *Jocul cu mărgele de sticlă* – pentru aceasta sunt mii de opuri de adormit intelectul, de la scrierile lui San Antonio la cele ale lui Coelho...) Fără a-și ignora cu totul cititorul – ba chiar făcându-i complice cu ochiul acelui „*hypocrite lecteur, – mon semblable, – mon frère!*” (de la Charles Baudelaire citire) –, acestea au și o miză pur formală, aceea de a deschide noi orizonturi în ale scrisului; altfel spus, din mijloc (de transport: călătorie de plăcere în lumea cunoștințelor/ sentimentelor/ ideilor etc.), literatura devine sieși scop (vorba lui A.E. Baconsky, din *Corabia lui Sebastian*: „căci singurul țărnam către care plutim e chiar corabia noastră”). „Un joc secund, mai pur”, în termenii lui Ion Barbu. Or, această rupere de nivel se operează în limbaj: este ca și cum ai înlocui la un moment dat – și încă din mers! – roțile dințate ale unui motor cu aburi printr-un cu totul alt mecanism, de gradul doi să zicem, unul cu ardere internă. Deloc surprinzător, multe din aceste cărți au „blocat” cutare sau cutare literatură, încă nepregătirea să integreze noutatea în sistemul său de valori. Ba chiar, în unele cazuri, se va ajunge în instanță, de-ar

Книги для будущих писателей

Не знаю, сколько листов шелковицы должен съесть тутовый шелкопряд, чтобы сделать маленький кокон, ни даже сколько таких коконов понадобится, скажем, для одной рубашки, но мне вспоминаются целые библиотеки, которые я проглотил, чтобы написать одну единственную поэму, „VACA~“, и чтобы остаться, в конечном итоге, таким же... ненасытным. Вопреки «щедрым» советам со стороны некоторых заправских писателей («Не читай, чтобы не поддаться влиянию!»), я всегда считал, что только очень хорошему, реализовавшемуся читателю, есть ЧТО сказать, и, тем более, он знает КАК это сделать, едва взяв в руку перо/ мышку. Каким бы ты ни был наделен даром, даже имея за плечами самый ужасный жизненный опыт, без знания книг – как говорил Малларме: «... *et j'ai lu tous les livres*» – рискуешь стать (тем, что ты есть, продолжаю я в мыслях), в лучшем случае, ремесленником от письма, если и вовсе не косяязычным: больше, чем любая другая область творчества, литература зависит от контекста.

Конечно, книги – тоже дети не одной матери (родной или приемной, в зависимости от их качества); но из всех остальных, книги для будущих писателей кажутся мне отнюдь не самыми многообещающими, несмотря на то, что они и не самые востребованные. (Понятное дело, не станешь читать перед сном *Улисса* или *Игру в бисер* – для этого есть тысячи опусов для усыпления интеллекта, начиная с сочинений Сан-Антонио и кончая книгами Коэлья...) Не пренебрегая читателем, но, напротив, делая из него соучастника, подмигивая наподобие того самого «*hypocrite ecteur, – mon semblable, – mon frère!*» (как говорил Шарль Бодлер), их миссия чисто формального свойства – открывать новые горизонты в области письма; другими словами, из средства (перемещения: приятное путешествие в страну знаний/ чувств/ идей и т.д.) литература становится самоцелью (слова А.Е. Баконского, из *Корабля Себастьяна*: «ибо единственный берег, к которому мы плывем, – это наш корабль»). «Вторая, более чистая игра», по словам Иона Барбу. А эта разница уровней проявляется в языке: подобно тому, как если бы в какой-то момент – и еще на ходу! – пришлось бы менять зубчатые колеса парового мотора на совершенно иной механизм, скажем, второго уровня, на мотор внутреннего сгорания. И совершенно не удивительно, что многие из этих книг «застопорили» ту или иную литературу, еще не готовую интегрировать новое в свою систему ценностей. В некоторых случаях дело доходило даже до суда, если вспомнить хотя бы *Госпожу*

fi să pomenesc doar de *Madame Bovary* a lui Gustave Flaubert. Cum e și firesc, de cele mai multe ori poeții sunt cei care au împins cel mai departe căutările formale, volume precum *Florile răului*, de Charles Baudelaire, sau *Iluminări*, de Arthur Rimbaud, sau *Tărâmul pustiu* de T.S. Eliot – ca să citez doar trei nume – marcând adevărate borne kilometrice.

„Meseria nu se învață – se fură”, zice o vorbă. În ce privește meseria scrisului, ea se fură cu ochi aruncați în cărțile altora, și încă în cărțile de referință. Care ar fi acestea, nu este greu să aflăm – sunt chiar scrierile ce au operat, la vremea lor, niște schimbări de paradigmă, înlocuind scrisul de plăcere cu scriitura. Iată un posibil top ten al acestora, într-o ordine aleatorie:

Madame Bovary, de Gustave Flaubert;

Demoni, de Fiodor Dostoievski;

Ulise, de James Joyce;

În căutarea timpului pierdut, de Marcel Proust;

Anna Karenina sau *Sonata Kreutzer*, de Lev Tolstoi;

Jocul cu mărgele de sticlă, de Hermann Hesse;

Muntele vrăjit, de Thomas Mann;

Călătorie la capătul nopții, de Louis-Ferdinand Céline;

Zgomotul și furia, de William Faulkner;

Cevengur, de Andrei Platonov.

(Alte câteva titluri, incontornabile, le-am trecut la **Cărți de promovat adolescența** – cum ar fi cele ale lui Kafka, Camus, Bulgakov, García Márquez ș.a. Nu mă grăbesc să închid paranteza înainte de a recomanda câteva jurnale de scriitor, de la André Gide, Franz Kafka, Julien Green la – preferatul meu – Witold Gombrowicz). Iar ca să iei masterul în ale scrisului cu *Magna cum laude*, citiți-l din doască-n doască pe Jorge Luis Borges.

Cât privește literatura națională – iar pentru un scriitor este de primă importanță să-și citească la sânge congenerii! (dacă literatura universală e un Tabel Mendeleev, cele naționale ar fi grupele din care se revendică fiecare, ca element constitutiv!) –, există cel puțin o duzină de opere fără de care nu doar spiritualitatea, însuși limba română ar fi fost mai săracă:

Baltagul sau *Creanga de aur*, de Mihail Sadoveanu;

Бовари Гюстава Флобера. Вполне естественно, что в большинстве случаев именно поэты дальше всего продвигались в поисках формы – такие стихотворные сборники как *Цветы зла* Шарля Бодлера, или *Озарения* Артюра Рембо, или *Бесплодная земля* Т.С. Элиота, чтобы дать хотя бы три примера, стали в этом отношении поистине межевыми столбами поэзии.

Кто-то однажды сказал, что «мастерству не учатся, его крадут». В том, что касается писательского мастерства, то его крадут, заглядывая в чужие книги, которые к тому же можно было бы назвать эталоном. Что это за книги, узнать нетрудно – это тексты, которые в свое время стали причиной переломных сдвигов, заменив писательство как удовольствие на писательство как труд. Вот возможная десятка таких книг, привожу их в случайном порядке:

Госпожа Бовари Гюстава Флобера;

Бесы Федора Достоевского;

Улисс Джеймса Джойса;

В поисках утраченного времени Марселя Пруста;

Анна Каренина или *Крейцерова соната* Льва Толстого;

Игра в бисер Германа Гессе;

Волшебная гора Томаса Манна;

Путешествие на край ночи Луи-Фердинанда Селина;

Шум и ярость Уильяма Фолкнера;

Чевенгур Андрея Платонова.

(Несколько других, незаменимых произведений я привел в списке **Книг для юношества** – это Кафка, Камю, Булгаков, Гарсиа Маркес и др. Но прежде чем закрыть скобки хотел бы порекомендовать несколько писательских дневников, от Андре Жида, Франца Кафки, Жюльена Грина, до моего любимого Витольда Гомбровича.) Ну а чтобы получить степень магистра писательского мастерства с *Magna cum laude*, прочитайте от корки до корки Хорхе Луиса Борхеса.

Что касается национальной литературы – а для писателя задачей первостепенной важности является со всей непреклонностью вчитываться в соотечественников! (если мировую литературу уподобить Таблице Менделеева, то национальные литературы будут группами, к которым возвращается каждый, подобно составному элементу!), – есть по меньшей мере дюжина произведений, без которых не только румынская духовность, но и румынский язык были бы беднее:

Секира или *Золотая ветвь* Михаила Садовяну;

Лес повешенных Ливиу Ребряну;

Pădurea spânzurașilor, de Liviu Rebreanu;
Patul lui Procust, de Camil Petrescu;
Craii de Curtea-Veche, de Mateiu Caragiale;
Întâmplări din irealitatea imediată, de Max Blecher;
Moromeșii, de Marin Preda;
Ferestrele zidite, de Alexandru Vona;
Matei Iliescu, de Radu Petrescu;
Manualul întâmplărilor, de Ștefan Agopian;

Pupa russa, de Gheorghe Crăciun (fără a uita de Ion Creangă și I.L. Caragiale, de citit cap-coadă, la un capăt, și zecile de titluri de referință, de la cele semnate de Mircea Cărtărescu – în special *Visul*, alias *Nostalgia* – la cele ale mai tinerilor săi congeneri, la celălalt capăt).

Și într-un caz și-n altul lipsește o singură carte (esențială!), cea pe care s-ar putea s-o scrii chiar tu, cititorule, la fel cum personajul romanului *Dacă într-o noapte de iarnă un călător*, de Italo Calvino, odată intrat în jocul de-a literatura, ajunge din consumator de ficțiune generatorul acesteia. *Q.e.d.*

fost-am șoarece de bibliotecă odată: gustând
din anafura de-mpărtășanie-a trupului ei de muiere pe loc mă făcui liliac.
mi-au crescut între membre – membrană pe care (din voia cui?) se
proiectează *grădina*
desfătărilor – noaptea: cu ea, desfăcută exact cât opt fusuri orare, planez
peste carnea ei învăluind trupul de bucurie supremă ca o
auroră polară, de-abia coperind o treime. ea este
plăsmuită din spațiu și timp în proporție (dumnezeiască) de unu la
trei: și totuși visez s-o cuprind dintr-odată de jur împrejur,
ca mormântul în care
prin puterea de preobrajenie-a frumșeții ei, viermii
de mormânt, transformați toți în viermi de mătase, vor țese-un
aer cu *adormirea Fecioarei*

Прокрустово ложе Камила Петреску;
Повесы Матей Караджале;
Кое-что об окружающей нереальности Макса Блехера;
Морометы Марина Преда;
Замурованные окна Александру Воны;
Матей Илиеску Раду Петреску;
Учебник случайностей Штефана Агопяна;

Pira russa Георге Крэчуна (не забывая об Ионе Крянгэ и И.Л. Караджале, читать которых следует целиком и полностью, с одной стороны, и десятки ключевых работ, начиная с Мирчи Кэртэреску – особенно *Сон*, он же *Ностальгия* – до его более молодых соотечественников, с другой стороны).

И в том и в другом случае недостает одной единственной книги (самой важной!), которую мог бы написать ты сам, читатель, когда, подобно персонажу романа *Если однажды зимней ночью путник* Итало Кальвино, однажды начав играть в литературу, из потребителя вымысла становишься его создателем. *Ч.т.д.*

когда-то был я библиотечной мышью: вкушая
просфору святого приобщения ее девичья тела я тут же стал мышью
летучей.
меж конечностей у меня проросла мембрана, на которую (по чьей же
воле?) проецируется *сад*
наслаждений – ночь: вместе с ней, распахнутой ровно на восемь
часовых поясов, планирую
над ее плотью, окутывая тело высшей радостью будто
полярным сиянием, на треть едва лишь покрыв. она
сотворена из пространства и времени (божественной) пропорции
один к
трем: и все же мечтаю объять ее со всех сторон разом, как могилу,
в которой
силой преображения ее красоты, все могильные
черви, превратившись в тутовых шелкопрядов, соткут
воздух с *успением Девы*

Țesut viu. 10x10 (fragment)

[...] De cel puțin o săptămână, nu avea stare: nici măcar umblatul la „Nadiușa” – cum îi zicea cu drag Bibliotecii Republicane din Chău „N.K. Krupskaia” – nu-l mai consola, de unde în prima lună de vacanță fuseseră nedespărțiți. Compania cărților îi devenise indispensabilă – citind pe rupte, trăia tot atâtea *experiențe în mărime naturală* câte capodopere îi ieșeau în cale; acum însă ar fi lăsat fraza la jumătate – tocmai el, care aflase „că nu ai dreptul să deschizi o carte dacă nu te angajezi să le citești pe toate” – la cel mai mic semn de viață al ei. Pornire cu atât mai paradoxală, cu cât, în prezența fetei, gându-i era mai mult la lectura întreruptă din cauza ei când, de dragul lui, ar fi putut foarte bine merge împreună la bibliotecă. Înainte de a se închipui cu ea într-un pat – desigur, conjugal, dată fiind educația fetei, dar și extazul lui care n-o scotea din Fecioara Maria –, se visa la aceeași masă de lucru, în micuța sală de literatură străină a „Nadiușei”. Nu peste mări și țări, nici la capătul lumii – femeia vieții lui trebuia să-l caute anume aici. [...]

Живая ткань. 10x10 (фрагмент)

[...] Уже около недели он был не в духе: его не утешали даже походы к «Надюше», как он с любовью называл Республиканскую Библиотеку имени Н.К. Крупской, с которой они были неразлучны в первый месяц каникул. Общество книг стало для него необходимостью – читая на пределе своих сил, он становился участником стольких же *событий в натуральную величину*, сколько шедевров ему попадалось на пути; теперь же он был готов оставить фразу недочитанной – именно он, который узнал, «что ты не вправе открыть ни одной книги, если не берешь на себя обязательства прочитать их все» – подай она хоть малейший признак жизни. Порыв тем более парадоксальный, что в присутствии девушки его мысли были больше обращены на прерванное из-за нее чтение, когда ради него они могли бы отлично ходить в библиотеку вместе. Прежде чем представить себя вместе с ней в одной постели – конечно же, супружеской, принимая в расчет воспитание девушки, но и его экстаз, который не переставал творить из нее Деву Марию –, он отдался мечтам о том же письменном столе в маленьком зале иностранной литературы «Надюши». Не за тридевять земель, и даже не на краю земли – женщина его жизни должна была искать его именно здесь. [...]

Gheorghe ERIZANU

Cartea pentru copii

Democrația unei țări poate fi evaluată după cărțile pentru copii. Într-o dictatură, imaginile conțin copii frumoși, cu ochii mari, veseli, optimiști. Textele abundă în *câinișori*, *copilași*, *pisicuțe*, *fluturași*, *ieपुरași*. Se prezintă o lume de vis frumos. Care nu va fi niciodată. Tânărul cititor este învățat ce și cum să facă. Nu-i bai. Cărți de genul ăsta sunt și în democrații. Atât că ele nu domină piața. Perioada de tranziție se face cu imagini gen *Disney*.

15 iunie 2009

Vama cărților

Cărțile importante în Republica Moldova sunt certificate după categorie de către Camera Națională a Cărții. În unele cazuri (erotică, pornografie) se cere și expertiza Agenției Naționale de Protecție a Moralității. Vameșul verifică corectitudinea documentelor vamale și a mărfii introduse. Punct. Fiecare are niște obligații foarte clare. De ce vameșul din Chișinău face examen de literatură pentru șoferul care aduce carte din România? De ce eu trebuie să-i povestesc șoferului că Marguerite Duras este un scriitor clasic al literaturii franceze? De ce trebuie să-i povestesc conținutul romanului *Extazul Lolei V. Stein*? De ce trebuie să-i spun că este unul dintre cele mai bune romane ale lui Duras? De ce trebuie să explic că *Enciclopedia P. Guitz* nu conține cuvinte obscene? „P” provine de la „purceluș”. Este o carte pentru copii de până la șapte ani. Pentru că vameșul stă în capul acestei țări. Pentru că vameșul

Георге ЕРИЗАНУ

Детская книга

О демократии в какой-нибудь стране можно судить по детским книгам. При диктатуре на картинках изображены красивые дети с большими глазами, веселые и оптимистичные. Тексты изобилуют *собачками, детишками, кошечками, бабочками, зайчиками*. Показывается мир красивой мечты. Которого никогда не будет. Юного читателя учат что и как делать. Велика беда! Такие книги есть и при демократии. Другое дело, что они не доминируют на книжном рынке. Переходный период проходит под знаком *Диснея*.

15 июня 2009

Книжный досмотр

В Республике Молдова важные книги сертифицируются по категориям Национальной книжной палатой. В некоторых случаях (эротика, порнография) требуется дополнительная экспертиза Государственного Агентства по защите нравственности. Таможенник проверяет правильность таможенных документов и ввозимого товара. Точка. У каждого свои четкие обязанности. Почему кишиневский таможенник устраивает экзамен по литературе шоферу, везущему книги из Румынии? Почему я должен объяснять шоферу, что Маргерит Дюрас – классик французской литературы? Почему я должен пересказывать ему содержание романа *Экстаз Лол Стайн*? Почему я должен говорить ему о том, что это один из лучших романов Дюрас? Почему я должен объяснять, что в *Энциклопедии П. Гутца* нет непристойностей. «П» в названии – от слова «поросенок». Это книга для детей до семи лет. Потому что таможенник стоит у руля этой страны. Потому что таможенник знает лишь

știe un singur cuvânt care începe cu „p”. Scuzați! Două. Să nu-mi spuneți de „Patrie”. Nu-l știe. Iar „extazul” poate fi doar orgia pe care a văzut-o aseară la canalul porno, când cei doi copii ai săi și soția iubitoare dormeau liniștiți în casa lor din Valea Morilor. El știa că a doua zi va sta în capul acestei țări. Iar un șofer îi va povesti istoria literaturii franceze.

17 iunie 2009

Manualul de fizică

Sunt manualul de fizică. Clasa a IX-a. Sunt obosit. Sunt terfelit. Sunt murdar. Sunt cu litere scuipate. Am o pată de vin. Am firimituri printre pagini. Am cotorul mușcat. Am urme de dinți pe copertă. Sunt plin de amprente. Am încheiate paginile 24, 25, 26. Nu am paginile 42, 43, 44, 45, 46. Am problemele rezolvate. Cu albastru. Cu roșu. Cu scris neglijent. Cu scris apăsător. Am pe pagina 63 rujul de pe buzele Silviei Bordeniuc. N-a fost dragoste. S-a șters de mine. Era prea mult ruj. Roșu-închis. Gras. Lilian Tomașevschi i-a desenat barbă, i-a pus ochelari și i-a dat și un tanc lui Thomas Young. De la pagina 93. Fizicianul englez. Din secolul al XVIII-lea. Am pudră. Nu știu marca. S-a vărsat și printre alte manuale, caiete. Din geanta Alinei Borș. Am fost purtat prin genți, ghiozdane, poșete, pungi.

Sunt manualul de fizică. Am patru ani. Am avut prețul de 16 lei. Sunt obosit. Vreau să mor. Să vină manualul de fizică nou. Ediția 2009.

10 iulie 2009

Lecturi italiene

Era încă august. Pe o plajă dintr-un orășel pescăresc mediteraneean, unde pietrele țineau loc de șezlong, de masă, de umbrelă, un italian făcut bine, de vreo 25-30 de ani, care înnebunește doamnele indiferent de tradițiile geografice ale iubirii, citea *Alchimistul* de Paulo Coelho. Nimic deosebit. Mii sau milioane de oameni citesc Coelho pe plajă, în parcuri, în metrou. Este cartea care se pretează pentru lectură în orice loc. Poate cu excepția biroului sau a mesei de lucru. Este ca o siestă.

одно слово, которое начинается на «п». Прошу прощения! Два. И не говорите мне про «Патриотизм». Он его не знает. А «экстазом» может быть только оргия, которую он видел вчера вечером по эротическому каналу, когда двое его детей и любящая жена спокойно спали в их доме на Валя Морилор. Он знал, что завтра он будет стоять у руля этой страны. А какой-то шофер будет рассказывать ему историю французской литературы.

17 июня 2009

Учебник физики

Я – учебник физики. 9-й класс. Я устал. Я потрепан. Я грязный. У меня замызганные буквы. На мне пятно от вина. У меня крошки между страниц. У меня откусан корешок. На моей обложке следы от зубов. На мне полно отпечатков. У меня заклеены 24-ая, 25-ая и 26-я страницы. У меня отсутствуют 42-я, 43-я, 44-я, 45-я и 46-я страницы. Во мне есть решения задачек. Они вписаны синей пастой. Красной пастой. Небрежным почерком. С сильным нажимом. На 62-й странице у меня помада с губ Сильвии Борденюк. Это была не любовь. Она мною вытерлась. Было слишком много помады. Темно-красного цвета. Жирной. Лилян Томашевский нарисовал бороду, надел очки и приставил танк к Томасу Юнгу. С 93-ей страницы. Английскому физику. XVIII века. На мне пудра. Не знаю, какой марки. Она рассыпалась и на другие учебники, тетради. Из сумки Алины Борш. Меня носили в сумках, портфелях, сумочках, кульках.

Я – учебник физики. Мне четыре года. Я стоил 16 леев. Я устал. И хочу умереть. Пусть придет новый учебник физики. Издания 2009 года.

10 июля 2009

Итальянские чтения

Стоял август. На пляже одного средиземноморского рыбацкого городка, где камни были вместо шезлонгов, столов, зонтов, один хорошо сложенный итальянец 25-30 лет, сводящий с ума женщин независимо от географических традиций любви, читал *Алхимика* Пауло Коэльо. Ничего особенного. Тысячи или миллионы людей читают Коэльо на пляже, в

Dar italianul bine făcut citea pe litere. Dădea din buze. Vroia să prindă cu înverșunare fiecare cuvânt. I se dădea greu. Probabil era prima carte pe care o citea. În săptămâna în care tot ne-am urmărit, el tot a dat mărunt din buze. Când am plecat, l-am lăsat cu cititul la pagina 42. Era o ediție cartonată. Cu suprapertă. Cu un corp de literă mare. Aerisit. Când obosea să dea din buze, se arunca în mare. Înota. Discuta cu prietenii. Cocheta cu prietena sa. Viața ieșea din fiecare mușchi al lui. Lumea părea la picioarele lui. Doar Coelho îl teroriza când revenea la culcușul lui de pe plajă. Vroiam să vad când îl va abandona. Era un chin. Era o muncă sisifică. Dar italianul bine făcut revenea la alineatele lui Coelho. Și continua. Și continua. Dând mărunt din buze. Eu am plecat. Mi-am terminat cele patru cărți luate pentru vacanță. În ultimele zile mă uitam la valuri. La pietre. La stânci. La italience. La italian. Iar el continua să se uite la literele mari care făceau cuvine. Cuvinte care făceau propoziții. Propoziții care făceau alineate. Care-l țineau în mrejele lor pe un bărbat care ar fi putut pe o plajă, la o adică, să privească soarele, valurile, stâncile, sâni, șoldurile. Mai estetice și mai apetisante decât toate bibliotecile lumii.

Probabil că l-a citit până la capăt. Tot dând mărunt din buze. Nu știu.

Era un noiembrie. Cu vreo trei ani în urmă. Eram în vizită la niște cunoscuți. El absolvent al unei facultăți din Chișinău. Și ea absolventă a câtorva facultăți din Chișinău. Aveau un copil de vreo cinci ani. Așa cum vor să aibă toți părinții. Frumos. Ascultător până la o anumită vârstă. Alintat. Deștept. Putea citi. Știa poezii. Putea număra. Putea aduna. Putea scădea. Când toate treburile țării erau puse la punct, când toate bârfele capitalei de pe Bâc erau trecute în revistă și descopeream cât de deștepți suntem noi, cei prezenți, și câți imbecili sunt prin părțile unde nu suntem noi, venea momentul siestei la moldoveni. Recitalul de poezii al copilului de cinci anișori. I se improviza o scenă. Copilul se urca pe un scaun. În mijlocul casei. Era rugat să spună oaspeților dragi și aghesmuiți poezia ceea cu somnoroase păsărele. Apoi poezia ceea cu cățelul. După toate regulile retoricii. Dacă se încurca la un rând, atunci poezia se începea de la capăt. Apoi copilul se emoționa. Apoi arăta mofturi. Apoi lua o palmă de la tata cu facultatea făcută. Căruia nu-i plăcea intonația. Sau moftul pe care-l demonstra iubirea ochilor lui în acea seară. Apoi trebuia numaidecât de aplaudat. De lăudat.

парках, в метро. Эту книгу можно читать в любом месте. Может, только за исключением офиса или рабочего стола. Она как фиеста. Но хорошо сложенный итальянец читал по буквам. Шевелил губами. Не хотел упускать ни одного слова. Это давалось ему с трудом. Наверное, это была первая книга, которую он читал. В течение всей недели, пока мы друг за другом наблюдали, он все время мелко шевелил губами. Когда я уходил, он оставался на 42-ой странице. Это было издание в твердом переплете. С суперобложкой. С большим шрифтом. С большим интервалом между строк. Когда он уставал шевелить губами, он кидался в море. Плавал. Общался с друзьями. Кокетничал со своей подружкой. Жизнь кипела в каждом его мускуле. Казалось, мир был у его ног. И лишь Коэльо изводил его, когда он возвращался в свое лежбище на пляже. Мне хотелось увидеть, когда он забросит чтение. Это было мучением. Это был сизифов труд. Но хорошо сложенный итальянец возвращался к абзацам Коэльо. И продолжал. И продолжал. Мелко шевеля губами. Я ушел. Я прочитал все четыре взятые с собой книги. В последние дни я смотрел на волны. На камни. На скалы. На итальянок. На итальянца. А он продолжал смотреть на большие буквы, которые складывались в слова. Слова, которые складывались в предложения. Которые удерживали в своих сетях мужчину, который, по правде говоря, мог смотреть на солнце, волны, скалы, груди, бедра. Которые были живописнее и аппетитнее всех библиотек мира.

Наверное, он дочитал книгу до конца. Все также мелко шевеля губами. Не знаю.

Стоял ноябрь. Около трех лет назад. Я был в гостях у знакомых. Он окончил в Кишинёве факультет. И она окончила в Кишинёве несколько факультетов. У них был ребенок примерно пяти лет. Такого хотят иметь все родители. Красивый. Послушный до определенного возраста. Избалованный. Умный. Он умел читать. Он знал наизусть стихи. Он умел считать. Умел складывать. Умел вычитать. Когда все государственные вопросы были решены, а все столичные сплетни были разобраны и мы открыли для себя, насколько все мы, присутствующие, умны, и сколько идиотов живут вокруг нас, наступил момент молдавской сиесты. Чтение стихов пятилетним ребенком. Ему соорудили сцену. Ребенок взобрался на стул. Посреди дома. Его попросили прочитать дорогим и подвыпившим гостям стишок про сонных птичек. Потом стишок про собачку. По всем правилам риторики. Если он сбивался хоть на одной строчке, стихотворение начиналось сначала. Ребенок разволновался. Потом стал капризничать. Потом отец, окончивший факультет, отвесил ему оплеуху.

Probabil acum copilul este un elev bun. Ascultător și sânguincios. Este lăudat pentru notele bune de părinții iubitori. Probabil va citi toate cărțile recomandate de învățătoare. După aia va citi toate cărțile recomandate în programa școlară. La facultate va citi bibliografia obligatorie.

Dar nu va citi nicio carte din afara programei școlare.

5 octombrie 2009

Biblioteca lui Tim

Tim are 80 de cărți. Poate o sută. Sunt patru rafturi în salon. Și unul în WC.

Bibliotecile personale cu un număr atât de mic de cărți vorbesc cel mai bine despre personalitatea posesorului. Bibliotecile cu peste o mie de cărți sunt deja ca și câmpia rusă. Poate fi orice. În bibliotecile mici cărți întâmplătoare nu există. În biblioteca lui Tim sunt cărțile clasicii englezi, câțiva scriitori importanți ai secolului XX, cărți de istorie, cărți de analiză politică. Și *Era extremelor* de Hobsbawm. Tim a absolvit istoria la Oxford. Și este cu vederi de stânga. Are ghidul *Molvanîa*. (Un ghid comun pentru supraviețuire în orice țară din Europa de Est sau din fosta URSS. Molvanîa nu e Moldova. Dar Moldova poate fi Molvanîa.) Tim are nevoie de el. Vizitează cam de două ori pe lună estul Europei.

Așa arată biblioteca lui Tim. Și așa este Tim.

Uită-te în biblioteca ta. Și vezi cum arăți. Dacă arăți cumva. Dacă ești cumva.

17 februarie 2010

Copacii tăiați

Un internaut deștept, susținut de alt internaut deștept, zice că *Lecturi urbane* ar fi trebuit să fie fără cărți. Să citească lumea de pe mobil și de pe ecranele computerilor. Nu mai trebuie tăiați copacii pentru cartea clasică.

Отцу не понравилась интонация. Или капризы, которые показывал свет их очей в этот вечер. Потом нужно было обязательно хлопать. Хвалить.

Наверное, сейчас ребенок уже хорошо учится в школе. Он послушен и прилежен. Любящие родители хвалят его за хорошие оценки. Наверное, он прочтет все книги, заданные учительницей. Затем он прочтет все книги по школьной программе. На факультете он прочтет обязательный список.

Но помимо школьной программы он не прочтет ничего.

5 октября 2009

Библиотека Тима

У Тима 80 книг. Может, сто. Четыре полки в зале. И одна в туалете.

Личные библиотеки с таким небольшим количеством книг лучше всего говорят о личности их владельца. Библиотеки, в которых свыше тысячи книг, походят уже на русскую степь. Там может быть все что угодно. В маленьких библиотеках случайных книг нет. В библиотеке Тима есть книги английских классиков, несколько ключевых авторов XX века, книги по истории, книги по политическому анализу. И *Эра крайностей* Хобсбаума. Тим окончил исторический факультет в Оксфорде. И придерживается левых взглядов. У него есть гид *Молвания*. (Общий гид по выживанию в любой стране Восточной Европы или бывшего СССР. Молвания это не Молдова. Но Молдова может быть Молванией.) Он нужен Тиму. Примерно два раза в месяц он приезжает в Восточную Европу.

Такой выглядит библиотека Тима. Таков Тим.

Загляни в свою библиотеку. И увидишь, как выглядишь ты. Если ты вообще как-то выглядишь. Если ты вообще есть.

17 февраля 2010

Вырубленные деревья

Один умный пользователь, которого поддержал другой умный пользователь, говорит, что *Городские чтения* должны быть без книг. Пусть люди читают с мобильных или с экранов компьютеров. Больше не нужно рубить деревья для классической книги.

De acord. Dacă cei care susțin această teorie ar citi cărți. În fond, a-ți ascunde ignoranța după tehnologiile informaționale și a-ți etala dragostea pentru natura înconjurătoare e o chestie cinică, arogantă și ridicolă. Cel care citește cartea clasică e cel care citește și *e-cartea*.

E-cititul pe portaluri e fragmentat. E nervos. E stresant. E util. E haios. Dar uneori e nevoie să-ți așezi gândurile și sentimentele în fața unor pagini pe care le poți pipăi. Și le simți fizic, să le auzi foșnetul. E ca o plimbare în parc după ce te-ai uitat o jumă de zi la televizor.

24 mai 2010

Garajul citește

Citea. Nu mai citește.

Pe timpuri, șoferii din satele Basarabiei, care, sociologic vorbind, formau clasa medie rurală, erau cititori fideli. De romane polițiste, de romane de dragoste, de romane istorice, de romanele lui Druță, de romanele lui Busuioc. Citeau în rusă. Citeau în română. Acei șoferi sunt pensionați. Cei care au venit nu mai citesc.

Profesorii rurali citeau. Medicii rurali citeau. Șoferii rurali citeau. Pădurarul citea. Nu citeau tractoriștii. Nu citeau mulgătoarele. Nu citeau cei din brigada a șasea, care prășeau grădina de legume. Nu citeau cei din brigada a doua, care erau la legat de vie. Dar brigadierul, *zvenovoiu*¹, contabilul kolhozului citeau. Citea librara de la „Luminița” din sat. Nu citeau ei foarte mult. Nu citeau ei foarte calitativ. Dar puteai spune: „Garajul citește”.

Popor, unde-i garajul?!

16 iulie 2010

Copiii citesc

A fost un sunet de la un ziar. Ziarista îmi spunea că a umblat prin librării și a aflat: cartea pentru copii este cea mai vândută.

Este o iluzie. A ziaristilor. A librarilor. A părinților. A editorilor.

¹ *Zvenovoi* – (rus.) șef de echipă, de grupă.

Согласен. Если бы те, кто поддерживает эту идею, читали книги. Вообще, прятать свое безразличие за информационными технологиями и выставлять свою любовь к окружающей природе цинично, заносчиво и смешно. Тот, кто читает классическую книгу, читает и *электронные книги*.

Чтение в Интернете фрагментарно. Оно изводит. Оно напрягает. Оно полезно. Оно развлекает. Но иногда нужно собраться с мыслями и чувствами перед лицом страниц, которые можно пощупать. Почувствовать физически, услышать их шуршание. Это подобно прогулке по парку после того, как ты полдня провел у телевизора.

24 мая 2010

Гараж читает

Читал. Больше не читает.

Когда-то шоферы бессарабских сел, которые с социологической точки зрения представляли собой сельский средний класс, были заядлыми читателями. Детективных романов, любовных романов, исторических романов, романов Друцэ, романов Бусуйока. Читали на русском. Читали на румынском. Сегодня те шоферы на пенсии. А те, кто пришли им на смену, больше не читают.

Сельские учителя читали. Сельские врачи читали. Лесник читал. Не читали трактористы. Не читали доярки. Не читали рабочие шестой бригады, которые пололи овощи. Не читали рабочие второй бригады, которые подвязывали виноград. А бригадир, *звеновой*, бухгалтерша колхоза читали. Читала продавщица сельского книжного магазина «Луминица». Они не читали много. Они не читали качественно. Но можно было сказать: «Гараж читает».

Люди, где же гараж?!

16 июля 2010

Дети читают

Поступил звонок из одной газеты. Журналистка рассказывала мне о том, как она ходила по книжным магазинам и узнала: самой раскупаемой является детская книга.

Это иллюзия. Журналистов. Продавцов книжных магазинов. Родителей. Издателей.

Editorii fac cărțuții de opt pagini. Pentru copii. Ilustrate. Cu multă culoare. Cu puțin text. Arta tipografică este o știință din școlile dinozaurilor. De aia și-au murit. Corp de literă mic. Sau poate fi și mare, dar interliniaj mic. Boțit. Și multă carte. Titlurile sunt din lista celor trei din cinci degete de la o mână: *Scufița Roșie, Albă-ca-Zăpada, Cenușăreasa*.

Părinții cumpără cea mai ieftină carte. Ca să citească plodul. Să ajungă mare și învățat. Și să iubească cartea. Să nu fie ca dânșii.

Librarul este fericit când intră un părinte cu odrasla de mână. Deja știe că-i va propune o carte de opt pagini, colorată, cu text boțit, ieftină.

Ziaristul este și el fericit. Moldovenii nu citesc. Dar moldovenii mici citesc. Foarte mult.

Și editorul, și librarul, și părintele, și ziaristul sunt *killer*-ii copilului. Noi toți am ucis un potențial devorator de cărți. Copilul a citit prima sa carte în viață. De opt pagini. Cu desene de copii debili de atâta fericire. Cu un text plictisitor. Cu o literă boțită de alte litere. Probabil părintele va mai procura încă doua sau trei cărți de acest gen. Probabil copilul le va citi. După cartea a treia, copilul va înțelege că este mințit. Cărțile sunt proaste, plictisitoare, urâte. Și va căuta alte lucruri bune, frumoase și interesante.

Voi crede că (...) cărțile pentru copii se vând doar atunci când maturii vor cumpăra cărți pentru propriile lecturi. Când părinții citesc, atunci vor citi și copiii. În rest, ne mințim. Pe noi. E acceptabil. Dar pe copii de ce-i mințim? Doar îi iubim.

11 august 2011

Proust

Mi l-a cerut pe Proust. Să-l citească.

Era primăvară. Era mult optimism.

Am rămas un pic mirat. Dar am luat primele trei volume din *În căutarea timpului pierdut* din bibliotecă. Ediția Univers, de la sfârșitul anilor '80. Cu studiul, notele și traducerea lui Mavrodin. Cu imagini.

Издатели публикуют книги в восемь страничек. Для детей. С иллюстрациями. Красочные. В которых мало текста. Типографское искусство – это наука, которую преподавали в школах для динозавров. Поэтому они и вымерли. Малый кегль. Хотя он может быть и большим. Но междустрочный интервал мал. И смят. И много бумаги. Названий мало, хватает и трех пальцев одной руки: *Красная Шапочка, Белоснежка, Золушка*.

Родители покупают самую дешевую книгу. Чтобы их чадо читало. Чтобы оно стало большим и умным. Любило книги. Чтобы не было, как они.

Продавец счастлив, когда в магазин приходят родители, держа своих отпрысков за руку. Он уже знает, что предложит им книгу в восемь страничек, раскрашенную, с помятым текстом, дешевую.

Журналист тоже счастлив. Молдаване не читают. Но маленькие молдаване читают. Очень много.

И издатель, и продавец, и родитель, и журналист – *киллеры* ребенка. Мы все убили потенциального пожирателя книг. Ребенок прочитал свою первую в жизни книжку. В восемь страничек. С рисунками детей, дебильных от такого счастья. Со скучным текстом. С наваленными друг на друга буквами. Может быть, родители купят еще две или три таких книги. Может быть, ребенок их прочтет. После третьей он поймет, что его обманули. Книги бездарны, скучны, отвратительны. И он станет искать других вещей: хороших, красивых и интересных.

Я поверю, что детские книги продаются, только когда взрослые начнут покупать книги для себя. Когда читают родители, тогда и дети будут читать. В остальном, мы себя обманываем. Самих себя. И пусть. Но почему мы обманываем детей? Мы ведь их любим.

11 августа 2011

Пруст

Он попросил у меня Пруста. Почитать.

Была весна. Было много оптимизма.

Я был немного удивлен. Однако я достал из библиотеки первые три тома *В поисках утраченного времени*. Издание Univers конца 80-х годов. С предисловием, примечаниями и переводом Мавродин. С иллюстрациями. С зеленой суперобложкой. Высокая печать. Мелкий шрифт. Плохие чернила. Кризисное издание. Коллекция-люкс.

Cu supracopertă verde. Cu tipar înalt. Corp de literă mărunț. Cerneală proastă. O ediție de criză. Într-o colecție de lux.

Ne-am întâlnit zilele acestea. L-am întrebat ce face Proust.

– Îmi scoate ochii. Stă la vedere. Și nu mă pot apuca de el. Dar nici de alte cărți.

Știam. L-am rugat să mi-l înapoieze pe Proust.

A doua zi mi l-a adus.

A fost cea mai mare ușurare. Pentru el. Va reveni la lecturi.

28 octombrie 2011

Cartea de autor și cartea inutilă

Eco vorbește undeva despre un editor, care avea două încăperi-gemene. Una era pentru editura care corespundea numelui de editură. Lua manuscrise. Le citea. Le redacta. Le edita. Le promova. Era o editură care avea tot lanțul cărții: scriitor-editor-tipograf-librar.

Aceste cărți sunt căutate de cititori.

Trecea în cealaltă cameră și intra într-o altă editură. Era editura pentru autorii orgolioși. Care vroiau să-și vadă numele tipărit pe o carte. De obicei, acești autori cred că știu cel mai bine cum trebuie să fie o carte. Ei știu cum va fi coperta. Ei știu cum va fi designul și tipografia cărții. Chiar dacă nu știu ce e aia tipografică. Ei știu că în acea carte, mare, pe ultima copertă, color, va fi fotografia lor. Și va fi o biografie mare. Cu toate regalele posibile și imposibile. De obicei, ultima copertă arată ca pieptul lui Leonid Ilici Brejnev. De obicei, ei sunt cei mai mofturoși. Întotdeauna, acești autori își plătesc opera lor magna. Lanțul cărții este scriitor-tipograf-scriitor.

Aceste cărți sunt căutate de ecologiști. Ca să numere copacii tăiați pentru lucruri inutile.

Mai există cărți pentru camera a doua a editorului lui Eco. Sunt cărțile ONG-urilor moldovenești. ONG-urile fac proiecte. În aceste proiecte includ tipărirea studiilor. Studiile sunt făcute după fața și înfățișarea lor. Unele sunt utile. De puține ori. De cele mai multe ori sunt niște studii pentru a argumenta cheltuirea unor sume. Se face *tender*. Se ia prețul cel mai mic. ONG-iștii noștri știu cel mai bine

На днях мы встретились. Я спросил его, как там Пруст.
– Не дает мне покоя. Стоит на виду. Я не могу взяться ни за него, ни за другие книги.

Я это знал. Я попросил его вернуть мне Пруста.

На другой день он мне его принес.

Это было самым большим облегчением. Для него. Он снова начнет читать.

28 октября 2011

Авторская и бесполезная книга

Эко писал где-то о некоем издателе, у которого было два одинаковых помещения. Одно было для издательства, которое соответствовало названию издательства. Там он принимал рукописи. Читал их. Правил. Издавал. Продвигал. Это было издательство, владевшее всей цепочкой: писатель-издатель-типограф-продавец.

Читатели ищут такие книги.

Он переходил в другую комнату и входил в другое издательство. Это было издательство для тщеславных авторов. Которым хотелось видеть свое имя на обложке. Обычно такие авторы считают, что знают лучше всего, как должна выглядеть книга. Они знают, какой должна быть обложка. Они знают, каким будет оформление и типографика книги. Даже если они и не знают, что такое типографика. Они знают, что в той большой книге на последней странице будет их цветная фотография. И большая биография. Со всеми возможными и невозможными регалиями. Обычно последняя обложка выглядит как грудь Леонида Ильича Брежнева. Обычно они самые капризные. Эти авторы всегда сами оплачивают свою орера magna. Цепь книги: писатель-типограф-писатель.

Такие книги ищут экологи. Чтобы подсчитать количество деревьев, вырубленных ради бесполезных вещей.

Есть книги и для второй комнаты издателя Эко. Это книги молдавских неправительственных организаций. НПО занимаются проектами. В эти проекты включены публикации исследований. Исследования делаются по их же образу и подобию. Некоторые из них полезны. В редких случаях. В большинстве случаев это исследования, которые должны оправдать расходы некоторых сумм. Объявляется *тендер*. Берется самая низкая цена. Представители наших НПО лучше всех знают, как долж-

cum trebuie să arate o carte. Să fie designul frumos. Să fie coperta cu albastru regal. Regal, de fapt, e cuvântul meu. Se spune „albastru de mercedes”. Să fie scris pe copertă „Chișinău”. Și anul. Să fie o fotografie a copilului. Sau a unei rude. Sau a unui australian, care arată sexy. Cu textul se chinuie redactorii. Dar pretențiile lingvistice nu sunt esențiale. Mai au o calitate rasată ONG-iștii moldoveni. Textele se trimit fără semne diacritice. Să chiorască computerele și redactorii. Lanțul acestor cărți sunt: autor-editor devenit tipograf-*sklad*².

Aceste cărți sunt numărate de contabili. Să fie făcute facturile.

E nevoie de cărți inutile. Pe banii lor, uneori, apar cărți.

29 decembrie 2011

Joyce a ucis cititorul

Paulo Coelho a găsit vinovatul.

Cititorul a fost ucis de Joyce. James Joyce. Cu *Ulise*-le lui. „Atunci când scriitorii scriu pentru colegii lor, atunci când scriu pentru formă”, spunea autorul *Alchimistul*-ui la lansarea noului său roman, cel de-al 22-ea, ei ucid dragostea pentru lectură.

Asta înseamnă că unul din 99 de români a citit *Ulise*. Iar locuitorii sectorului Ciocana din Chișinău, unul ca unul, au citit *Ulise*.

Ulise este un roman scris de James Joyce. Un irlandez cu ochelari rotunzi. Care scria în engleză. Tradus în română de Mircea Ivănescu. Este foarte voluminos. Are o mie de pagini. Unii au zis că e roman pornografic. De aia nu se studiază în liceu.

Până la *Ulise* mai poți prinde niște scriitori. Dacă ești licean. Și nu ești de la Ciocana.

7 august 2012

² *Skład* – (rus.) depozit.

на выглядеть книга. Необходим красивый дизайн. Обложка должна быть королевского синего цвета. Королевский, на самом деле, – мое слово. Говорят: «цвета синего мерседеса». На обложке должно быть написано «Кишинёв». И год. Должна быть фотография ребенка. Или какого-нибудь родственника. Или какого-нибудь сексапильного австралийца. Над текстом мучаются редакторы. Однако лингвистические претензии не существенны. У молдавских НПО есть еще одно особенное качество. Тексты посылаются без диакритических знаков. Пусть наборщики и редакторы слепнут. Цепь этих книг: автор-издатель, ставший типографом-склад.

Эти книги считают бухгалтеры. Чтобы заполнить счета.

Бесполезные книги тоже нужны. На их деньги иногда печатаются книги.

29 декабря 2011

Джойс убил читателя

Пауло Коэльо нашел виновного.

Читателя убил Джойс. Джеймс Джойс. Своим *Улиссом*. «Когда писатели пишут для своих же коллег, когда они пишут для формы», говорил автор *Алхимика* на презентации своего нового романа, 22-го по счету, они убивают любовь к чтению.

Это значит, что один из 99 румын читал *Улисса*. А жители кишиневского сектора Чеканы прочитали *Улисса* все один как один.

Улисс – это роман, написанный Джемсом Джойсом. Ирландцем в круглых очках. Который писал по-английски. Роман, переведенный Мирчей Ивэнеску. Он очень большой. В нем тысяча страниц. Некоторые называли его порнографическим романом. Поэтому его не изучают в лицах.

До *Улисса* можно перехватить еще парочку писателей. Если ты лицеист. И не живешь на Чеканах.

7 августа 2012

Dumitru CRUDU

Jurnalul bibliotecarului

Zilele acestea, în timp ce rearanjam fondul de carte din sala de împrumut, am avut un șoc descoperind că în bibliotecă există și cărți necitite. Cine ar fi crezut. Dar există. Sunt cărți pe care nimeni nu le-a ținut niciodată în mâini. Absolut nimeni. Nici măcar un singur cititor. Nu sunt multe, dar sunt. Și una dintre ele e celebra piesă a lui Matei Vișniec *Istoria comunismului povestită pentru bolnavii mintal*, pe care am văzut-o jucată pe scena Teatrului „Eugène Ionesco”, prin 2000. [...] S-a jucat cu mare succes până când... au câștigat comuniștii alegerile. După care spectacolul a fost scos din repertoriu. Nu știu la sugestia (sau la presiunea) cui. Ei bine, în 2001, editorul Alexandru Mușina, din Brașov, a publicat piesa lui M. Vișniec într-o carte cu coperti albe la Editura „Aula” și de prin 2005 volumul respectiv a ajuns pe rafturile Bibliotecii „Ștefan cel Mare”. A ajuns într-o perioadă sinistră când comuniștii puseseră mâna pe cheie și pe lacăt din Republica Moldova și când ea devenise mai actuală ca niciodată, fiindcă în țară se instaurase dictatura, care a făcut foarte multe victime în rândurile intelectualilor și ale tinerilor și a iuțit procesul de părăsire a țării de către aproape un milion de basarabeni. Nimeni nu a cerut-o atunci, când era extrem de actuală. Nimeni. Vreme de șapte ani, de când se află în bibliotecă, nu a cerut-o nimeni, dovadă fiind pașaportul ei gol de pe coperta interioară. Am șters-o de praf și am început s-o răsfoiesc. Cine știe, poate că ar fi putut să-l ajute pe cineva, dacă ar fi citit-o. Și totuși, nu-mi venea să cred că această carte în tot răstimpul ăla – neocomunist – nu a avut niciun cititor. Care ar fi putut fi explicația? Să fie vorba despre dezinteresul cititorilor? Să fie vorba despre teama lor de a parcurge o

Думитру КРУДУ

Дневник библиотекаря

На днях, приводя в порядок книжный фонд в зале выдачи книг на дом, я испытал шок, обнаружив, что в библиотеке есть книги, которые еще ни разу не читались. Кто бы в это поверил. Но они есть. Существуют книги, которые еще никто и никогда не держал в руках. Абсолютно никто. Ни один читатель. Их немного, но они есть. И одна из них – знаменитая пьеса Матея Вишнека *История коммунизма для умалишенных*, постановку которой я видел на сцене Театра имени Эжена Ионеско где-то в 2000-м. [...] Пьеса шла с большим успехом до тех пор, пока... на выборах не победили коммунисты. После чего спектакль сняли с репертуара. Не знаю, по предложению (или под давлением) кого. Так вот, в 2001 году издатель Александру Мушина из Брашова опубликовал пьесу М. Вишнека отдельной книгой в белом переплете в издательстве «Аула», а в 2005 году экземпляр этого издания оказался в Библиотеке имени Стефана Великого. Книга попала сюда в жуткое время, когда коммунисты получили в Молдове ключи от всех входов и выходов, и когда она была актуальной как никогда раньше, поскольку в стране установилась диктатура, ставшая причиной многочисленных жертв в интеллектуальной и молодежной среде, и ускорившая процесс выезда за рубеж около миллиона бессарабцев. Никто не попросил книгу тогда, когда она была исключительно актуальной. Никто. На протяжении семи лет, что она находится в библиотеке, ее никто не читал, доказательством чему служит голый формуляр на внутренней обложке. Я страшнулся с нее пыль и стал ее листать. Кто знает, может она могла бы кому-нибудь помочь, если бы кто-нибудь ее прочитал. И все же, я никак не мог поверить, что за весь этот – некоммунистический – период у книги не было ни одного читателя. Чем можно это объяснить? Было ли причиной отсутствие интереса со стороны читателей? Был ли причиной страх прочесть

carte în care era pamfletiat și libelizat comunismul? Sau ar mai putea fi și o altă explicație? Poate fi, odată ce eu am găsit-o dosită printre cărțile din rândul doi. Adică nu era la vedere. Să zicem, că ar fi mers un cititor la rafturi și ar fi căutat-o. Cum s-o ia s-o citească, dacă ea se afla ascunsă după alte volume și nu-și trăda prin nimic prezența? Era așa de bine ascunsă în spatele cărților din primul rând, că nu aveai cum s-o vezi. Doar dacă scoteai cărțile din fața ei. Numai atunci o puteai zări. Acum stau și mă întreb oare pe cine a putut deranja această carte? Nu este exclus că a deranjat pe cineva, pentru că nu cred că e vorba despre o coincidență nefericită, odată ce cărțile scoase în prim-plan nu erau cu nimic mai bune decât piesa lui M. Vișniec. Ba chiar dimpotrivă. Probabil că printre bibliotecarele care au lucrat până la noi, o fi fost și vreo simpatizantă comunistă, care a hotărât să-și manifeste în acest mod simpatiile politice. Manipularea se poate face și prin bibliotecă. În funcție de cum aranjezi cărțile pe rafturi. Odată ce o carte nu e la vedere, e ca și cum nu s-ar afla în bibliotecă!

După ce am descoperit că piesa lui M. Vișniec este necită, m-am decis s-o recomand vizitatorilor și am luat-o de pe raft propunând-o tuturor celor care ne-au trecut azi pragul. Foarte mulți mi-au declinat oferta. O fată însă, o elevă de la Liceul „Elena Alistar”, a primit s-o citească. Nu mi-a fost ușor s-o conving, odată ce autorul ei preferat era Paulo Coelho. Și totuși, am convins-o. Din clipa când domnișoara și-a lăsat semnătura în pașaportul cărții, piesa lui Vișniec s-a trezit la viață. O carte necită e ca și o carte inexistentă, e ca și o carte netipărită. Ea prinde viață doar după ce ajunge la cititori. După șapte ani de inexistență, piesa lui Vișniec a început să trăiască și să respire. Iată că și cărțile au nevoie de un 7 aprilie!

Din clipa aia, am decis să depistez cărțile necitite din bibliotecă, să le vânez ca pe niște animale foarte periculoase și să le recomand cititorilor. Fără cărți necitite în bibliotecă! Fără cărți cu fișe albe în rafturi. Fără cărți moarte! Țasta ar trebui să fie programul nostru pe termen lung: o bibliotecă cu cărți vii, zâmbitoare, vesele, vorbitoare, limbute, tandre, cochete, gata să flirteze cu cititorii, bonome, prietenoase, zgomotoase, fremătând în mâinile cititorilor ca o vioară în mâinile unui

книгу, в которой коммунизм представлен в смешном виде? Может, другая причина? Вполне возможно, раз уж я нашел ее спрятанной среди книг второго ряда. То есть, она стояла не на виду. Скажем, какой-нибудь читатель подошел бы к полкам и стал бы ее искать. Как бы он взял ее, если она была спрятана за другими томами и никак не выдавала своего присутствия? Ее так хорошо спрятали за книгами, стоящими в первом ряду, что заметить ее было невозможно. Только если убрать стоящие перед ней книги. Только так ее можно было увидеть. Теперь я стою и спрашиваю себя, кому же эта книга мешала? Не исключено, что она кому-то мешала, так как мне трудно поверить в злополучное совпадение, поскольку книги, выставленные на первый план, были не намного лучше пьесы М. Вишнека. Даже наоборот. Наверняка, среди работавших до нас сотрудниц библиотеки кто-то симпатизировал коммунистам и решил таким вот образом выразить свои политические симпатии. С помощью библиотеки тоже можно манипулировать. В зависимости от того, как расставить книги на полке. Когда книги не видно, ее будто в библиотеке и нет!

Обнаружив, что пьеса М. Вишнека ни разу не читалась, я решил предложить ее посетителям и снял ее с полки, рекомендуя всем, кто переступил сегодня порог библиотеки. Однако многие из них отклонили мое предложение. Лишь одна девочка, учащаяся Лицея имени Елены Алистар, взяла ее почитать. Мне было нелегко ее убедить, так как ее любимым писателем был Пауло Коэльо. И все-таки, я ее убедил. С того момента, когда девушка поставила свою подпись в формуляре книги, пьеса Вишнека вернулась к жизни. Непрочитанная книга подобна несуществующей, ненапечатанной книге. Она начинает жить только тогда, когда оказывается в руках читателей. После семи лет небытия, пьеса Вишнека начала жить и дышать. Выходит, что и книгам нужно свое 7 апреля!

С того самого момента я решил выявлять в библиотеке нечитанные книги, охотится на них, как на очень опасных животных и рекомендовать их читателям. Библиотека без нечитанных книг! Полки без книг с чистыми удостоверениями. Без мертвых книг! Это должно стать нашей программой на долгосрочную перспективу: библиотека, в которой живые, улыбающиеся, веселые, разговорчивые, болтливые, нежные, кокетливые книги, готовые флиртовать с читателями, добродушные, дружелюбные, шумные книги, трепещущие в руках читателей, как скрипка в руках му-

muzicant! Din clipa când o carte e citită, menirea și existența noastră ca bibliotecari capătă sens și se justifică. Cu această deviză măreață în minte, am început să iau carte după carte în mână și să le studiez fișele de însoțire. Cele cu pașapoarte albe, fără viza cititorilor, le-am scos de pe rafturi, stivuindu-le într-un teanc pe pupitrul bibliotecarului, cu scopul de a le propune prietenilor bibliotecii noastre.

În acest scop, am scos la lumină toate cărțile din rândul doi și am constatat că multe dintre ele au stat acolo ca la mititica, fiind întemnițate sau exilate cu bună știință pe motive politice sau de moralitate de către fostele bibliotecare. Printre acestea am dat peste unele romane foarte faine, băgate la răcoare, doar pentru că autorul inclusese în titlu cuvântul sex sau că folosisese cuvinte mai îndrăznețe. Acestea fuseseră trimise în spatele unor cărți cu denumiri cuminți, chiar și dacă erau cu mult mai slabe. Nu conta valoarea, în față fiind scoase cărți cu titluri neutre sau șterse.

Toată ziua am redat libertatea cărților încarcerate, făcând un fel de dreptate cărților nedreptățite, dar extrem de prețioase. De fapt, am operat un schimb de poziții, am scos în față cărțile bune și în spate le-am lăsat pe alea fără valoare.

Seara, acasă, în pat, în fața ochilor vedeam doar cărți. Stăteam sleit de puteri sub plapumă și nu puteam să adorm. Cu toate că aveam ochii închiși, zeci de volume mi se perindau pe ecranul minții, nelăsându-mă să adorm. Așa ceva am mai trăit doar la mare, în primele zile de acomodare, când, noaptea, în pat, vedeam doar valuri în fața ochilor.

[...]

Despre romanele lui Goma *Astra* și *Sabina*, am aflat din monografia Ancuței Maria Cosma. În primii ani ai comunismului, cele mai bune cărți din literatura română și universală erau arse, dacă nu conveneau ideologiei comuniste. O mână de adolescenți, riscându-și libertatea, le furau din fondul bibliotecii pentru a le salva. A fura cărți atunci însemna a le salva. Iar azi a le salva, înseamnă a le citi. Am căutat cele două

зыканта! С того момента, как книга прочитана, наше предназначение и существование как библиотекарей оправдывается и обретает смысл. Повторяя этот величественный девиз, я начал брать в руки книгу за книгой и изучать сопровождающие их формуляры. Книги с чистыми паспортами, без подписей читателей, я снял с полок, сложив их на попире библиотекаря, чтобы предложить их друзьям нашей библиотеки.

Я вытащил на свет все книги, стоявшие во втором ряду, и понял, что многие из них стояли там как в застенках, сознательно заключенные либо засланные сюда из политических или моральных соображений бывшими сотрудниками библиотеки. Среди них мне попало несколько отличных романов, посаженных за решетку только из-за того, что автор включил в название книги слово секс или пустил в дело слова покрепче. Их спрятали за книгами с более сдержанными названиями, даже несмотря на то, что те были намного слабее. Ценность книги не имела никакого значения, когда на виду стояли книги с нейтральными и тусклыми названиями.

Весь день я возвращал свободу книгам, томящимся в застенках, восстанавливая, таким образом, справедливость в отношении книг, ущемленных в своих правах, но при этом чрезвычайно ценных. На самом же деле, я произвел перестановку: в первый ряд я поставил хорошие книги, а во втором оставил те, которые не обладали особой ценностью.

Вечером, уже дома, в постели, перед моими глазами стояли одни книги. Я лежал разбитый под одеялом и не мог заснуть. И даже закрыв глаза, десятки томов мелькали на поверхности моего мысленного экрана, не давая уснуть. Нечто подобное я испытал лишь однажды, на море, в самые первые дни, когда ночью, в постели, мне виделись одни лишь волны.

[...]

О романах *Астра* и *Сабина* Гомы я узнал из монографии Анкуцы Мария Космы. В первые годы коммунизма лучшие книги румынской и мировой литературы сжигались, если они не соответствовали коммунистической идеологии. Рискую свободой, небольшая группа подростков крадала книги из библиотечного фонда, чтобы спасти. Тогда красть книги означало их спасать. А сегодня спасать книги значит их читать. Я поис-

romane pe rafturi și nu le-am găsit. Ceea ce înseamnă că nu le avem. Am să merg să le caut în centru sau la alte filiale. Pentru a le salva!

[...]

[...] Pe vremuri, [...] în Flutura exista o bibliotecă, cu un fond uriaș de carte. Iar unele dintre cele mai plăcute bucurii pe care le-am trăit pe vremea când eram elev la Flutura, erau clipele alea când mă întorceam acasă de la bibliotecă, cu plasa burdușită cu cărți, plecam de la bibliotecă și cu câte zece sau cincisprezece cărți în plasă, pe care le citeam dintr-o răsufare, astfel încât peste două-trei zile, veneam după alte cărți, pe care le schimbam chiar mai des decât hainele pe care le purtam. Astăzi în Flutura nu mai e bibliotecă. Clubul care găzduia biblioteca a fost transformat într-un local pentru nunți și cumetrii.

Acolo, unde în copilăria mea se înălțau stelajele cu cărți ca niște punți spre o lume a reveriei, acum se întind mesele burdușite cu mâncare. Acolo, cu zece ani în urmă, a avut loc și cumetria nepoatei mele Augustina, care, habar nu are, că pe lumea asta mai există și biblioteci.

[...]

Cititorii care au fost azi la bibliotecă, probabil, habar nu aveau că o doamnă care a fost prezentă la conferința de omagiere a Bibliotecii „B.P. Hasdeu”, îi prevestise un viitor foarte sumbru bibliotecii. Foarte multă lume și azi, chiar și dacă doamna aia susținea că biblioteca este un vestigiu al trecutului. În pofida aserțiunilor ei fataliste, oamenii, oricum, intră în bibliotecă. Și într-un număr copleșitor de mare. Chiar și duminica sau, mai ales, duminica.

Bibliotecile au viitor atâta timp cât au cititori, stimată doamnă profesoară.

[...]

O fată a ieșit azi zâmbind din bibliotecă. Oare ce poate fi mai frumos decât un om care pleacă zâmbind dintr-o bibliotecă?

кал оба романа на полках и не нашел. Это значит, что у нас их нет. Пойду и поищу в центре или в других филиалах. Чтобы спасти их!

[...]

[...] Раньше в селе Флутура была библиотека с огромным книжным фондом. А одной из самых больших радостей, которые я испытывал, будучи школьником, были те самые моменты, когда я возвращался домой из библиотеки с набитой книгами авоськой, брал в библиотеке по десять или пятнадцать книг, которые прочитывал на одном дыхании, так что через два-три дня я приходил за новыми книгами, которые менял чаще, чем вещи, которые носил. Сегодня во Флутуре больше нет библиотеки. Клуб, в котором она находилась, переделали в заведение для свадеб и крестин.

Там, где в моем детстве поднимались стеллажи с книгами, словно мосты в мир грез, сейчас стоят столы, ломящиеся от яств. Там, десять лет назад, прошли крестины моей племянницы Аугустины, которая даже и не подозревает, что на этом свете существуют еще и библиотеки.

[...]

Читатели, заходившие сегодня в библиотеку, наверное, и не подозревали, что госпожа, выступавшая на юбилейной конференции Библиотеки имени Б.П. Хашдеу, предсказывала библиотеке довольно мрачное будущее. Народу много и сегодня, несмотря на убеждение той самой госпожи, что библиотека – это пережиток прошлого. Вопреки ее фаталистическим уверениям, люди все равно приходят в библиотеку. И в невероятно большом количестве. Даже по воскресеньям, – или особенно по воскресеньям.

У библиотек есть будущее до тех пор, пока у них есть читатели, почтеннейшая госпожа.

[...]

Сегодня одна девушка вышла из библиотеки с улыбкой на лице. Что может быть прекрасней человека, который выходит из библиотеки с улыбкой на лице?

[...]

Seară de seară, număr formularele și de fiecare dată trag aceeași linie: avem cititori. Zi de zi, biblioteca noastră chiftește de lume. În unele zile, numărul acestora depășește chiar și puterile noastre fizice de a-i servi cu cărți. Nemaivorbind de numărul de vizite. Tradusă în date statistice, de foarte multe ori, această realitate încetează a mai fi spectaculoasă. De aia urăsc datele statistice, fiindcă realitatea e cu mult mai complexă, vorba lui Gheorghe Crăciun. Într-un raport statistic, un tânăr care-l citește pe Kafka în sala de lectură face parte din cei 300 de cititori care trec zilnic pe la bibliotecă. Pentru noi însă acest tânăr nu poate fi echivalat cu o cifră seacă. Până să-l găsească pe Kafka, a cerut *Idiotul* lui Dostoievski, pe care nu-l aveam, fiindcă l-am dat la cititori. Apoi a mers singur la rafturi și a frunzărit nenumărate cărți. Nu se decidea între o carte și alta. În cele din urmă, a mers pe mâna lui Kafka și câteva ore a citit-o în sala de lectură, cu căștile în urechi. Ei bine, cifrelor statistice le scapă această realitate, ele îl includ pe tânăr în numărul celor 300 și ceva de cititori care ne-au vizitat azi biblioteca. Iată de ce prefer cifrelor șterse cititori reali, vii, pipăibili, vorba lui Arghezi, concreți, cu celular și e-mail, oameni care au dubii și obsesii. Adevărații cititori pot să stea într-o bibliotecă și câteva ore până își aleg o carte pe care s-o citească, dar chestia asta nu o poți reda într-un raport statistic. Adevărați cititori sunt, deseori, capricioși. Ei vor mereu altceva decât ceea ce le propui.

[...]

[...] Unele lucruri frumoase au gust de validol și pot provoca insomniile sau hohote de plâns. Am văzut doamne dărâmate și de o parte a mesei și de alta și m-am gândit că atunci când sunt foarte multe, cifrele din rapoartele statistice pot semăna cu niște balauri. Sunt unii bibliotecari care și-au pierdut sărbătorile din cauza rapoartelor statistice și a rapoartelor în general, atât de nevinovate în aparență. Sunt unii bibliotecari care și-au pierdut somnul din cauza acestor rapoarte, iar alții, pofta de mâncare, sau chiar s-au îmbolnăvit. Cineva îmi povestea că a pledat pro domo pentru raportul său o zi întreagă, după care câteva zile a zăcut la pat, răpus de oboseală.

[...]

Каждый вечер я считаю формуляры, и всякий раз прихожу к одному и тому же выводу: у нас есть читатели. День за днем наша библиотека набита людьми. Иногда их число даже превышает наши физические возможности всех обслужить. Не говоря уже о количестве посещений. Переведенная в статистические данные, эта реальность зачастую перестает поражать. Потому-то я и ненавижу статистику, поскольку реальность, говоря словами Георге Крэчуна, намного мудреней. В статистическом отчете молодой человек, читающий Кафку в читальном зале, всего лишь один из трехсот читателей, ежедневно посещающих библиотеку. Для нас же этот молодой человек не тождественен сухой цифре. Прежде чем найти Кафку, он попросил *Идиота* Достоевского, которого у нас не было, потому что роман уже был выдан на руки. Затем он сам подошел к полкам и пролистал несметное количество книг. Он никак не мог решить, какую книгу ему взять. В конце концов, его увлек Кафка и несколько часов подряд он читал его в читальном зале, надев наушники. Так вот, цифрам статистики недостает этой реальности, они включают молодого человека в общее количество трехсот с чем-то читателей, посетивших сегодня нашу библиотеку. Вот почему сухим цифрам я предпочитаю реальных, живых, осязаемых, по словам Аргези, конкретных читателей, с мобильником и электронной почтой, людей, у которых есть сомнения и навязчивые идеи. Настоящие читатели, которые пока не выберут себе книгу для чтения, могут провести в библиотеке несколько часов, но ведь этого не передать в статистическом отчете. Настоящие читатели зачастую капризны. Они всегда хотят чего-нибудь иного, а не то, что им предлагают.

[...]

[...] У некоторых прекрасных вещей привкус валидола, они могут стать причиной бессонницы или заставить плакать навзрыд. Я видел разбитых женщин по одну и по другую сторону стола и думал о том, что, когда их слишком много, цифры статистических отчетов могут походить на чудовищ. Есть библиотекари, терявшие праздники из-за статистических отчетов и отчетов вообще, казалось бы, таких безобидных. Есть библиотекари, терявшие из-за этих отчетов сон, у других пропал аппетит, а некоторые даже заболели. Кто-то рассказывал мне, что брал свой отчет на дом, сидел над ним целый день, а потом несколько дней без сил лежал в постели.

După mine, raportul ar trebui să fie, în primul rând, un instrument de lucru pentru bibliotecă, o oglindă reală a ceea ce am făcut în mod real și nu un scop în sine, mai important decât activitatea pe care o facem. [...]

[...]

Cititorii noștri sunt oameni reali, vii, pipăibili, concreți, cu celular și e-mail, care intră de bunăvoie în bibliotecă și nu suflete moarte. Sau boschetari, care nu au unde să stea și-și caută adăpost printre cărți.

[...]

Cel mai harnic cititor al bibliotecii „Ștefan cel Mare”, probabil, sunteți chiar... dumneavoastră, fac spirite pe seama mea colegele mele. În orice glumă însă e și un sâmbure de adevăr, pentru că, o dată la câteva zile, iau cărți cu brațul. Într-o seară citesc un roman. Aseară, am lecturat *Moartea unui critic*, de Martin Walser, doar în trei ore. Din acest roman, am memorizat o idee care mi-a plăcut foarte tare: „A vorbi despre Dumnezeu, înseamnă a vorbi despre sine”.

[...]

Azi am făcut un experiment: l-am rugat pe tânărul poet și prozator Ion Buzu, unul dintre cei mai promițători tineri scriitori basarabeni de astăzi, să fie bibliotecar pe o jumate de oră și să le recomande cititorilor noștri, care erau în momentul acela în sala de împrumut, o carte pentru lectură. Ion și-a luat în serios misiunea și i-a condus pe cititori la stelaje, propunându-le să citească romane ale autorilor săi preferați Fante, Palahniuk, Bukowski, Salinger, Kerouac. Și, toți i-au urmat sugestiile. Ca să vezi, un scriitor talentat poate fi și un foarte bun bibliotecar!

[...]

O parte dintre copiii care își petrec după-amiaza în sala de lectură nu și-au văzut părinții de ani de zile, aceștia fiind plecați la muncă peste hotare, în Rusia, Italia sau Spania.

По-моему, отчет должен быть, в первую очередь, рабочим инструментом для библиотеки, реальным отражением того, что мы реально сделали, а не превращаться в самоцель, которая становится важнее нашей деятельности. [...]

[...]

Наши читатели – это реальные, живые, осязаемые, конкретные люди, с мобильником и электронной почтой, добровольно ходящие в библиотеку, а не мертвые души. Или бездомные, которым некуда пойти, и ищущие приюта среди книг.

[...]

Самым усердным читателем Библиотеки имени Стефана Великого, являетесь, скорее всего, ... Вы сами, – острят в мой адрес коллеги. В каждой шутке есть, однако, и зерно истины, потому что раз в несколько дней я стопками беру книги на дом. За один вечер я прочитываю по роману. Вчера я прочел *Смерть критика* Мартина Вальзера всего за три часа. Из этого романа мне запомнилась одна очень понравившаяся мне идея: «Говорить о Боге – значит говорить о самом себе».

[...]

Сегодня я провел эксперимент: попросил молодого поэта и прозаика Иона Бузу, на сегодняшний день – одного из самых многообещающих молодых бессарабских писателей, побыть на полчаса библиотекарем и порекомендовать какую-нибудь книгу нашим читателям, которые находились в том момент в зале выдачи книг на дом. Ион серьезно отнесся к своей миссии и подводил читателей к стеллажам, предлагая им романы своих любимых авторов: Фанта, Паланика, Буковски, Сэлинджера, Керуака. И все последовали его советам. Смотри-ка, талантливый писатель может быть и очень хорошим библиотекарем!

[...]

Часть детей, которые проводят послеобеденное время в читальном зале, годами не видели своих родителей, уехавших на заработки за границу – в Россию, Италию или Испанию.

Vasile ERNU

Manifestul cărții

[...] Voi vorbi despre „carte” într-un sens larg, considerând-o cel mai bun, sigur și ieftin instrument de educație și, de aceea, și cel mai important. Prin „literatură”, în acest text, definesc orice gen, cu excepția cărților de știință. Deci, cum putem salva industria cărții și mări numărul cititorilor? [...]

Mass-media și cartea

Pentru o țară care este literaturocentrică, mass-media acordă mult prea puțin spațiu cărții și pieții de carte în ansamblul ei. Câteva observații pe tema: prezența cărții în mass-media noastră.

La noi se mai face încă o confuzie mare între PR, critică literară și jurnalism cultural. E comic cum uneori, criticii literari devin PR-iști, iar PR-iștii, critici literari. PR-ul din domeniu are ca obiect manipularea publicului prin orice mijloace cu scopul de a vinde cartea. Jurnalistul informează și este și un „entertainer cultural” ce creează o „atmosferă” care te îmbie la lectură. Criticul nu vinde cărți sau autori, nu face galerie nimănui, nu te distrează, ci te ajută să înțelegi, te ajută în procesul de reflecție asupra cărții și mai ales, te ajută să selectezi și să iei decizii în favoarea unei cărți sau a alteia. Criticul literar nu e prieten cu autorul, ci cu cititorul. [...]

Cel mai mare succes în acest domeniu îl constituie apariția blogurilor literare și cele dedicate cărții. Sunt mulți bloggeri care scriu permanent despre cărți și comentează tot ce ține de literatură și piața cărții. Se discută, se polemizează. Zona online, în anumite momente,

Василе ЕРНУ

Манифест книги

[...] Речь пойдет о «книге» в широком смысле, рассматриваемой в качестве лучшего, наиболее надежного и дешевого, а потому и наиболее важного средства воспитания. Под «литературой» в этом тексте понимается любой жанр, за исключением научных книг. Итак, каким образом можно спасти индустрию книги и увеличить количество читателей? [...]

СМИ и книга

В стране, где все вращается вокруг литературы, СМИ уделяют слишком мало своего внимания книге и всей совокупности книжного рынка. Несколько наблюдений по теме: место книги в наших СМИ.

У нас все еще путают пиар, литературную критику и журналистику в области культуры. Иногда доходит до смешного, когда литературные критики становятся пиарщиками, а пиарщики – литературными критиками. Пиар в данной сфере имеет своей целью любыми средствами манипулировать публикой, чтобы книга продавалась. Журналист информирует и является «шоуменом от культуры», который создает «атмосферу», способствующую чтению. Критик же не занимается продажей книг или авторов, не делает показов, не развлекает, а помогает в процессе размышлений над прочитанным и, что особенно важно, помогает выбирать и принимать решения в пользу той или иной книги. Литературный критик является другом не писателя, а читателя. [...]

Самым большим успехом в этой сфере является появление блогов, посвященных литературе и книгам. Есть множество блогеров, которые постоянно пишут о книгах и комментируют все, что связано с литературой и книжным рынком. Они общаются, полемизируют. Иногда зона

începe să aibă un impact mult mai mare și o funcție mai importantă decât multe reviste culturale. De ce? Asta e deja altă poveste.

Genuri literare și cultura de masă

O altă problemă majoră e legată de incapacitatea editurilor noastre, dar și a lumii literare, de a produce „literatură minoră”, „genuri minore” precum SF, detectiv, thriller, roman istoric, „beletristică bulevardieră” etc. care să devină fenomene de masă, literatură de masă. Eu cred că o literatură „înaltă” și un cititor de „literatură înaltă” nu poate să existe dacă piața literară nu are ca suport literatura și lectorul „de masă”. Acestea pot fi create, gândite și construite. Exemplul foarte bun de succes este Mircea Cărtărescu care a reușit să vină cu un volum „de masă” precum *De ce iubim femeile* și să „mobilizeze” un public foarte mare. VIP-urile media care scot cărți de mare tiraj nu fac parte din acest fenomen decât parțial. Ele în mare parte își vând în continuare imaginea, dar sub formă de carte.

Una din cele mai delicate probleme este însă literatura de copii. Atât editurile, cât și scriitorii se fac vinovați de a nu lucra cu acest „gen minor”: editurile susțin că din cauza prețului ridicat și a pieții mici, scriitorii, fie din ignoranță, fie din dispariția unei tradiții fragile sau interes general, fie din ideea deseori vehiculată cum că acest gen ar fi foarte pretențios. Însă lipsa unei investiții în producția autohtonă de carte pentru copii, cu eroi și problematici autohtone, va duce la dispariția viitorilor cititori de literatură autohtonă. Nu poți să lași copiii pe mâna industriei de carte de tip „Disney”. Cu tot respectul pentru această industrie, rostul ei nu e să educe copiii să citească, ci să privească, iar asta este o industrie concurentă. Cu ea ne batem. Ele trebuie să coexiste pașnic, însă acum cartea este cea în pericol, nu filmul. Situația se poate rezolva în acest domeniu numai cu intervenții financiare serioase din partea statului. Nu trebuie să ne temem de ideea de „Comandă de stat”. Niște fonduri pentru acest domeniu (scriere și ilustrare), așa cum este în industria filmului, ar putea duce la apariția unor bijuterii. Sunt edituri care au început să facă cărți frumoase pentru copii și ar trebui sprijinite: Nemira, ART, Cartier, Corint etc.

Și un ultim lucru. A apărut după 1990 o slugărnicie a traducerii incredibilă. O credință oarbă în tot ce este „de dincolo”. S-au tradus

онлайн начинает играть даже большую роль, чем множество художественно-литературных журналов. Почему? Но это уже другая история.

Литературные жанры и массовая культура

Другой большой проблемой является неспособность наших издательств, а также всего нашего литературного мира, создавать «малую литературу», «малые жанры», такие, например, как научная фантастика, детектив, триллер, исторический роман, «бульварная беллетристика» и др., которые могли бы стать массовыми явлениями, массовой литературой. Мне кажется, что «высокая» литература и читатель «высокой литературы» невозможны, если у литературного рынка нет подпитки со стороны «массовой» литературы и ее читателей. Но их можно создать, спроектировать и выстроить. Очень хорошим примером успеха является Мирча Кэртэреску, которому удалось написать «массовую» книгу, каковой является *Почему мы любим женщин*, и «мобилизовать» большое количество читателей. Звезды СМИ, публикующие свои книги большими тиражами, являются лишь частью этого явления. По большому счету, они продают продолжение своего образа, но уже в виде книги.

Одной из самых деликатных проблем является, однако, детская литература. В том, что над этим «малым жанром» не работают, виноваты как издательства, так и писатели: издательства утверждают, что происходит это по причине высоких цен и маленького рынка, писатели же объясняют это либо отсутствием внимания, либо утратой хрупкой традиции или общего интереса, либо довольно распространенной идеей, согласно которой это довольно требовательный жанр. В то же время, отсутствие инвестиций в отечественное производство детской книги, с отечественными героями и проблематикой, приведет к исчезновению будущих читателей отечественной литературы. Нельзя оставлять детей на попечение книжной индустрии типа «Дисней». Со всем уважением к этой индустрии, ее предназначение не в том, чтобы учить детей читать, но чтобы учить их смотреть, а это уже конкурентная индустрия. Мы боремся именно с ней. Они должны сосуществовать нашим в мире, но сейчас в опасности находится не фильм, а книга. Ситуацию в этой области можно решить только путем серьезных финансовых инвестиций со стороны государства. Нам не следует бояться идеи «Государственного заказа». Какие-нибудь фонды в этой области (сочинение и иллюстрирование), подобные тем, которые существуют в киноиндустрии, могли бы способствовать появлению настоящих литературных жемчужин. Есть издательства, которые уже начали выпускать красивые книги для детей, и им следовало бы оказать поддержку: Nemira, ART, Cartier, Corint и т.д.

din engleză cărți din diverse domenii, care puteau fi cerute tinerilor autori români. Au apărut o mulțime de cărți care puteau fi comandate și scrise de orice autor român. Doar slugărnicia, snobismul și alegerea facilă justifică această atitudine. Nu poți să dezvolți o piață literară, o piață a cărții autentice doar traducând la nesfârșit.

Traducerea și problema literaturii

De câțiva ani, scriitorii români au o nouă obsesie (pe lângă cea cu Nobelul care recent a fost pe jumătate atenuată). Este obsesia traducerilor în străinătate. Să fiu clar înțeles: sunt pentru traducerea și promovarea scriitorilor români în străinătate. Problema mea este însă alta: obsesia traducerilor în străinătate, această nouă „fata morgana” a literaturii românești vine să deturneze o problemă de esență literară către una de esență economică. Trebuie să știm foarte clar care este resortul și mecanismul traducerii în acest moment. Traducerea unui scriitor și punerea lui pe piața externă reprezintă în primul rând o problemă de MARKETING și abia în al doilea rând o problemă de literatură. O carte se traduce în primul rând pe criteriile de marketing, care presupun un lanț întreg de mecanisme: subiect vandabil imediat, PR agresiv sau subversiv, poziționare personală, relații cu persoane influente, fonduri de traducere, grupuri de interese economice și culturale etc.

Să nu ne îmbătăm cu apă rece: valoarea estetică a unei cărți nu primează în acest joc, ceea ce nu înseamnă că nu contează chiar deloc valoarea ei. Nu e nimic rău, fiindcă acestea sunt regulile globale ale jocului actual. Acest joc trebuie făcut, trebuie traduse și vândute cât mai multe titluri românești în afară. Traducerile aduc un ban în plus scriitorilor, și așa săraci, de la noi, cu puțin efort, îi mai scoatem din țară și, dacă au norocul să meargă la o lansare sau dezbateri, mai văd și ei la fața locului ce mai fac colegii lor din alte țări. Însă asupra a ceea ce vreau eu să atrag atenția e altceva: să fim atenți să nu cădem în capcana de a crede că traducerea și editarea scriitorilor noștri în străinătate ne crește cumva valoarea literară sau rezolvă starea precară în care se află literatura și piața literară de la noi. Fals.

Valoarea literară și situația literaturii române nu au nici o legătură cu traducerea ei. Traducerea poate cel mult fărda problemele noastre.

И последнее. После 1990-го года возникло невероятное раболепство в отношении переводов. Слепая вера в то, что «оттуда». С английского переводились книги из самых разных областей, которые можно было бы легко запросить у молодых румынских писателей. Появилось множество книг, которые мог бы написать любой из румынских авторов. Лишь раболепство, снобизм и поверхностный выбор оправдывают подобное отношение. Невозможно развивать литературный рынок, рынок аутентичных книг, занимаясь бесконечными переводами.

Переводы и проблема литературы

Уже много лет румынские писатели охвачены новой навязчивой идеей (помимо ожиданий Нобелевской премии, недавно наполовину сошедших на нет). Речь идет о навязчивой идее переводов за границей. Хочу, чтобы меня правильно поняли: я – за переводы, и выступаю за продвижение румынских писателей за рубежом. Проблема в другом: навязчивая идея переводов за границей, эта новая «фата-моргана» румынской литературы, превращает проблему литературного свойства в проблему экономического характера. Мы должны ясно понимать, как устроен механизм переводов на данный момент. Перевод какого-нибудь писателя и выведение его на внешний рынок является, в первую очередь, проблемой МАРКЕТИНГА, и уже только во вторую – проблемой литературы. Книги переводят в первую очередь согласно критериям маркетинга, предполагающего целую цепь механизмов: быстро продаваемое содержание, агрессивный или подрывной пиар, личный рейтинг, связи с влиятельными людьми, переводческие фонды, группы экономических и культурных интересов и т.д.

Не станем тешить себя пустыми надеждами: эстетическая ценность – не главное в этой игре, что, тем не менее, не означает, что она совсем ничего не значит. В этом нет ничего страшного, потому что таковы глобальные правила нынешней игры. В эту игру следует играть, нужно переводить и продавать за границей как можно больше румынских книг. Переводы приносят нашим писателям, и без того бедным, дополнительный заработок, и, приложив немного усилий, дав им возможность выехать из страны, пойти на какую-нибудь заграничную презентацию или дискуссию, они сами смогут увидеть, чем занимаются их коллеги из других стран. Однако то, на что я хотел бы обратить внимание, касается вот чего: будем осторожны, чтобы не попасться на удочку, думая о том, что перевод и издание наших писателей за рубежом каким-то образом будет способствовать повышению ценности нашей

Editarea în străinătate a scriitorilor noștri e importantă, dar trebuie să rămână secundară pentru noi. Ca o literatură să se dezvolte, înainte de a fi tradusă, ea trebuie să-și creeze un spațiu fecund de dezbateri estetice și politice libere. O literatură nu poate apărea din neant sau stând în casă singur și învățând să meșteșugești metafore spectaculoase. Literatura nu este numai un rezultat al metaforelor, ci și al unui spațiu fertil, un spațiu al dezbaterilor și frământărilor. Literatura are ca sens ultim nu esteticul, ci politicul, fiindcă, în mod fundamental, ea nu vrea să distreze, ci să salveze. Bătălia care trebuie dusă aici e bătălia pentru dezvoltarea acestui câmp al dezbaterilor, iar pe plan pragmatic, pentru a extinde piața literară reală (producerea de mecanisme care să mărească numărul de cititori).

Și încă un lucru foarte important la acest capitol. În țări precum România, Rusia, Bulgaria, Polonia, țări din America de Sud etc., țări cu o slabă dezvoltare a domeniilor științelor socio-umane (istorie, filosofie, sociologie, politologie, critică socială), literatura a fost cea care a înlocuit funcția lor. Literatura a avut rolul de a fi și critică socială, și istorie, și filosofie etc. De aceea, în astfel de culturi, fuga literaturii spre estetism are efecte catastrofale și curente „estetizante” ar trebui să fie marginale, nu dominante cum e la noi. Într-o cultură ca a noastră, metafora, și mai ales utilizarea abuzivă, poate dăuna mai mult decât temutul regim Ceașescu. De fapt, acest regim este metafora supremă a culturii române și un rezultat al acestui gen de discurs cultural. [...]

Biblioteci

Mai întâi trebuie făcută o analiză a situației bibliotecilor din țară. Ce a mai rămas din bibliotecile construite în anii de dinaintea tranziției? După care ar trebui regândit un proiect care să aibă două priorități: reabilitarea, renovarea și redeschiderea unor noi biblioteci, pe de o parte, și crearea unui fond de carte care să funcționeze după niște mecanisme transparente. Pentru a eficientiza aprovizionarea de carte și reducerea costurilor, se pot pune la dispoziție bibliotecilor cărți digitale și instrumentele necesare pentru a putea fi citite. Nu contează ce fel de biblioteci avem: clasice sau digitale. Ambele trebuie dezvoltate, fiindcă o Bibliotecă este un „terminal” în care se stochează cărți în diverse formate.

литературы или решит бедственное положение, в котором находится у нас литература и литературный рынок. Ложь.

Ценность и состояние румынской литературы никак не связаны с ее переводами. Они могут лишь завуалировать наши проблемы, но не более того. Издание наших писателей за рубежом – дело важное, но оно должно оставаться для нас второстепенным. Для того чтобы литература развивалась, прежде чем начать переводиться, она должна создать плодотворное пространство для свободных эстетических и политических дебатов. Литература не может возникнуть из ниоткуда, или сидя дома, пробуя мастерить эффектные метафоры. Литература – результат не только метафор, но и плодотворного пространства споров и волнений. Конечной целью литературы является не эстетика, но политика, потому что, в своей основе, ее задача состоит не в том, чтобы развлекать, но чтобы спасать. Борьба, которая должна здесь вестись, это борьба за развитие поля дискуссий, а в прагматическом плане – за расширение реального литературного рынка (создания механизмов, которые бы увеличили число читателей).

И еще одна важная вещь в этой связи. В таких странах, как Румыния, Россия, Болгария, Польша, в странах Латинской Америки и т.д., в странах, где слабо развиты социально-гуманитарные сферы (история, философия, социология, политология, социальная критика), литература переняла их функции. Литература взяла на себя роль и социальной критики, и истории, и философии, и т.д. Поэтому в подобных культурах уход литературы в сторону эстетизма имеет катастрофические последствия, и «эстетские» течения должны стать маргинальными, а не доминировать, как у нас. В такой культуре, как наша, метафора, а тем более злоупотребление ею, может навредить больше, чем наводящий ужас режим Чаушеску. В действительности же, этот режим – высшая метафора румынской культуры и результат культурного дискурса подобного рода. [...]

Библиотеки

Прежде всего, нужно проанализировать состояние библиотек в стране. Что осталось от библиотек, построенных накануне переходного периода? Затем следует пересмотреть проект, в основе которого должны быть следующие приоритеты: реабилитация, обновление и открытие новых библиотек, с одной стороны, и создание книжного фонда, который функционировал бы согласно прозрачному механизму. Чтобы повысить эффективность снабжения книгами и снизить затраты, в распоряжение библиотек могут быть предоставлены электронные книги

Bibliotecile clasice și bibliotecarii nu trebuie să se teamă de toată această digitizare, de Internet și de apariția unor noi suporturi. Bibliotecarii nu sunt niște hamali care cară cărțile dintr-un depozit în altul, ci niște specialiști. O bibliotecă virtuală nu este un depozit imens în care sunt aruncate cărți la grămadă, ci un loc bine structurat, aranjat după criteriile raționale și clare. Bibliotecarii sunt cei care pot să contribuie imens la această nouă formă de organizare. Împrumutul interbibliotecar ar trebui să se generalizeze între bibliotecile universitare și cele județene, pentru ca nimeni să nu fie lipsit de posibilitatea de a citi.

Există o abordare conservatoare la noi, conform căreia Internetul și diversele suporturi digitale sunt privite cu suspiciune și ca o formă de lux. Digitizarea nu este un lux, ci un mijloc mai ieftin de educare, informare și acces la carte. Și încă un lucru foarte important: bibliotecile nu pot fi privatizate, eficientizate în sensul înțeles acum în economia de tip liberal. Lor nu li se poate schimba destinația. De asemenea, nu putem accepta descentralizarea. Da, descentralizarea e la modă, însă Biblioteca are nevoie urgentă de centralizare: are un centru de comandă și se decide de sus, pe criterii clare și transparente, cum și ce se achiziționează, care sunt prioritățile. În România, proiectele mari și importante nu se pot realiza decât la nivel centralizat, cu un șef cât mai sus pus și care să se supună direct „Înaltei Porți”.

Librării

Cel mai mare jaf care a avut loc în acest domeniu se numește „privatizarea rețelei de librării de stat”. Vechiul regim ne lăsase o rețea de librării cu sedii centrale, nu doar în orașele mari, ci până și în ultimul cătun. În URSS, în anii 1980, într-un sat obișnuit de la periferia Imperiului, unde am locuit câțiva ani, puteam cumpăra orice carte apărea pe teritoriul lui. Pe cele mai deosebite, gen Enciclopediile, le puteam comanda. Tot acolo aveam acces la 3 biblioteci publice cu cărți în 4 limbi. Așa ceva este greu de imaginat azi într-un stat democratic precum România, membru UE și NATO. Statul, în avântul său de a privatiza, de a trece totul din proprietatea statului în proprietatea privată, a scos la mezinat o excelentă rețea de librării. Ce s-a întâmplat acolo e deja un fel de „crimă cu premeditare”. În câțiva ani, practic au

и инструменты, необходимые для их чтения. Не столь важно, какие у нас библиотеки: классические или электронные. Нужно развивать оба направления, потому что Библиотека – это «терминал», в котором накапливаются книги в разных форматах.

Классическим библиотекам и библиотекарям не следует бояться всей этой электроники, Интернета и появления новых носителей информации. Библиотекари – это специалисты, а не грузчики, перетаскивающие книги из одного склада в другой. Виртуальная библиотека – это не огромный склад, набитый массой книг, но хорошо организованное место, устроенное согласно разумным и ясным критериям. Библиотекари могут внести огромный вклад в эту новую форму организации. Межбиблиотечный заем должен охватить библиотеки университетов и жудецов, чтобы никто не был лишен возможности читать.

У нас распространено консервативное отношение к Интернету и к различным цифровым носителям, на которые смотрят и с подозрением, и как на некую роскошь. Цифровые носители – не роскошь, а более дешевое средство воспитания, информирования и доступа к книге. И еще одна важная вещь: библиотеки нельзя приватизировать, рационализировать, как это принято в экономике либерального типа. Нельзя менять их предназначение. К тому же мы не можем допустить упразднения централизованного характера их устройства. Да, децентрализация в моде, но Библиотеке нужна срочная централизация: есть центр управления, и сверху, исходя из ясных и прозрачных критериев, решается, как и что нужно делать, каковы приоритеты. [...]

Книжные магазины

Величайший грабеж, который имел место в этой сфере, зовется «приватизацией государственной сети книжных магазинов». В наследство от старого режима нам досталась сеть книжных магазинов не только в больших городах, но и на самом захудалом хуторе. В СССР, в 80-е годы, в обычном селе на периферии Империи, где я прожил несколько лет, я мог купить любую книгу, издававшуюся на ее территории. Отдельные издания, например, Энциклопедии, можно было заказывать. Там же у меня был доступ к трем публичным библиотекам с книгами на четырех языках. Подобное трудно себе представить сегодня в такой демократической стране как Румыния, которая является членом ЕС и НАТО. Государство в своем порыве приватизировать, перевести все из собственности государства в частную собственность, выставило на торги превосходную сеть книжных магазинов. Все произошедшее похоже

dispărut mai toate librăriile din sate, orașele mici, capitale de județ, iar tratat și de pe arterele centrale ale orașelor universitare.

Spațiile care aveau ca destinație vânzarea de carte s-au reprofilat, așa cum cere „sfânta proprietate privată și dumnezeul pieții” și s-au transformat în te miri ce: de la vânzări de chiloți, până la parfumuri scumpe, iar în ultimii ani în sedii de bănci. Spațiile au fost, cum se spune, eficientizate. Întrebarea care se pune este: eficient pentru cine, căci comunitatea și marea parte a societății au avut doar de pierdut. Situația, deseori, e cam așa: cu cât un spațiu e mai eficient pentru un număr mic de persoane (sau chiar una), el poate fi mai ineficient și chiar dăunător pentru comunitate.

Nu sunt împotriva privatizării. Nu are nimic sfânt și nimic diabolic, e doar o convenție economică cu reguli destul de clare. Însă a distruge o infrastructură de o asemenea importanță într-un stat modern, de a o privatiza cu scopul de a-i schimba destinația este un gest de o iresponsabilitate criminală. Efectele negative pe care le poate avea asupra unei comunități și asupra societății în general sunt imense. Firește că au început să apară librării private noi, unele chiar foarte bune. Însă acest domeniu nu trebuie lăsat doar în mâna întreprinderilor private. Ei pot deschide câteva librării în orașele universitare și cam atât. Pentru numărul de locuitori pe care-i avem, numărul de librării este foarte mic, de aceea sectorul privat nu va putea niciodată rezolva această problemă. Sunt două măsuri pe care le poate lua Statul: fie să motiveze zona privată prin subvenții sau reduceri fiscale care să ducă la deschiderea de noi librării și în zone mai puțin „eficiente”, fie să înființeze o rețea de stat. Eu cred în crearea unei rețele de stat, după un proiect bine gândit care să aibă drept scop acoperirea unei arii cât mai mari. Dacă comuniștii au putut, noi de ce nu am putea?

Campanie de lectură

Avem modele occidentale, nu trebuie să inventăm nimic, doar să adaptăm. O campanie de promovare a lecturii nu înseamnă doar spoturi publicitare și afișe stradale, ci o întreagă mișcare care are la bază un concept. O astfel de campanie sensibilizează publicul larg cu „marfa culturală” cartea, cu ceea ce înseamnă ea și cu scriitorii acestora. Publicul se întâlnește cu scriitorii și cu cărțile lor, de aceea

на «предумышленное преступление». Всего за несколько лет исчезли практически все книжные магазины в селах, небольших городах, жудецах, а после – и в основных университетских городах.

Помещения, предназначавшиеся для продажи книг, перепрофилировались, как того требует «святая частная собственность и божество рынка», и превратились в Бог знает что: в них продают все – от трусов до дорогих духов, а в последние годы в них стали размещаться и банковские офисы. Помещения эти, как говорится, были рационализированы. Вопрос, однако, в пользу кого, поскольку люди на местах и большая часть общества понесли лишь убытки. Ситуация зачастую примерно такова: насколько какое-либо помещение полезно в глазах небольшого круга лиц (или даже одного лица), настолько же оно может быть бесполезным и даже вредным для остальных людей.

Я не противник приватизации. В ней нет ничего святого и ничего дьявольского, это лишь экономическая условность с довольно ясными правилами. Однако разрушить целую инфраструктуру такой важности в современном государстве, приватизировать, чтобы изменить ее предназначение – это проявление преступной безответственности. Для людей на местах и для всего общества отрицательные последствия этого явления могут быть огромными. Естественно, стали возникать новые частные книжные магазины, некоторые из которых действительно хороши. Однако эту сферу нельзя оставлять в руках только частных предприятий. Они могут открыть несколько книжных магазинов в университетских городах, и все. Учитывая количество населения страны, число книжных магазинов незначительно, поэтому частный сектор никогда не сможет решить этой проблемы. Есть две меры, которые может предпринять Государство: либо мотивировать частную зону при помощи субвенций или налоговых послаблений, что приведет к открытию новых библиотек даже в не очень «прибыльных» зонах, либо основать государственную сеть книжных магазинов. Я верю в создание государственной сети, устроенной по хорошо обдуманному плану, целью которого было бы покрыть как можно большую зону. Если коммунисты смогли, почему мы не можем?

Читательские акции

Есть западные примеры, нам не нужно ничего придумывать, только перенять. Кампания по популяризации чтения подразумевает не только рекламные ролики и уличные афиши, но и целое движение, в основе которого должна лежать некая концепция. Подобная кампания способна тронуть широкую аудиторию при помощи книги как «куль-

campania cuprinde o serie de lecturi publice, dezbateri, diverse manifestări tematice etc. De exemplu, decernarea premiului Nobel pentru Literatură unei scriitoare de limbă germană născută, trăită o bună bucată de viață aici și care are subiecte legate de România, ar fi fost un bun motiv pentru o campanie sau măcar o sensibilizare a posibilului cititor de la noi. Mecanismele actuale de marketing, PR și management, pe care le tot critic, nu trebuie să ne subjuge, ci trebuie utilizate acolo unde le este locul și momentul. Scriitorul și oamenii plătiți să se ocupe de managementul cultural trebuie să știe că nu tehnicile management & PR & marketing ne fac pe noi, ci noi le facem pe ele. [...]

турного товара». Публика встречается с писателями и их книгами, поэтому кампания охватывает целую серию публичных чтений, дискуссий, различных тематических мероприятий и т.д. К примеру, присуждение Нобелевской премии по литературе немецкоязычной писательнице, родившейся, прожившей здесь добрую часть своей жизни, и затронувшей в своем творчестве проблемы, связанные с Румынией, стал бы для нас хорошим поводом для целой кампании или хотя бы для сенсбилизации потенциального читателя. Современные механизмы маркетинга, пиара и менеджмента, которые я постоянно критикую, не должны нас поработать, но должны использоваться в нужном месте и в нужный момент. Писатели и люди, работающие в области культурного менеджмента, должны знать, что не инструменты менеджмента & пиара & маркетинга создают нас, а мы создаем их. [...]

Mihail VAKULOVSKI

Bibliotecă (istorie)

(fragmente)

13

[...]

– Iată, aici e depozitul, a zis Tolev, am să vă fac cunoștință cu viitorii colegi și ei vă vor spune ce e de făcut. Sper să vă placă și să rămâneți la noi. Aveți de gând să rămâneți? Sper că nu credeți în semne, cifre, chestii din alea, că azi, prima zi de lucru, cade pe 13, alea-alea. Și că ne-a trecut drumu' o pisică neagră, chestii-trestii. Servus, Dana. Faceți cunoștință – noul nostru coleg, Hai.

Îmi amintisem de gagică din Udmurtia din adolescență, asiata care, când ne-a trecut drumul o pisică neagră, a zis: „Păi da, acum tre' să le facem semafoare și la pisici, nu?” Da, a dat atunci tata peste noi, dar s-a făcut că nu ne văzuse.

– Îmi pare bine. Dana.

– Salutare. Hai.

– Hai să-ți arăt locul de muncă. Iată că au venit și comenzile. Aici e liftul. Bibliotecarii de la sala de lectură primesc comenzile și le trimit la noi. Noi găsim cărțile din depozit și le trimitem sus, cu liftul. Cam atât.

– Și ce ordine au cărțile? Cum sunt aranjate? După autori, edituri, domenii, în ordine alfabetică?

– A, nu, nu, nu e nici o ordine.

– ...

– Doar după numere... hai să-ți arăt încăperile! Aici e sala mare, căreia îi zicem și Culoar, că din ea intrăm în celelalte. Aici e Antreul,

Михаил ВАКУЛОВСКИЙ

Библидиотека (история) (фрагменты)

13

[...]

– Вот, здесь книгохранилище, сказал Толев, я познакомлю вас с будущими коллегами, а они расскажут, что нужно делать. Надеюсь, вам понравится, и вы у нас останетесь. Вы планируете остаться? Надеюсь, вы не верите в знаки, в числа, во все такое, в то, что ваш первый рабочий день выпал на 13-е, то да се. И в то, что дорогу нам перешел черный кот, трали-вали. Здравия желаю, Дана. Познакомьтесь – наш новый коллега, Хай.

Мне вспомнилась одна цыпка из Удмуртии, азиатка, с которой я познакомился в юности. Когда однажды нам перешла дорогу черная кошка, она сказала: «Ну вот, теперь и для кошек нужно ставить светофоры, разве нет»? Да, отец нас тогда застучал, но сделал вид, будто ничего не заметил.

– Очень приятно. Дана.

– Привет. Хай.

– Давай я покажу тебе рабочее место. А вот и заказы. Здесь лифт. Библиотекари в читальном зале принимают заказы и посылают их к нам. Мы находим книги в хранилище и отправляем наверх, на лифте. Вот и все.

– А в каком порядке расположены книги? Как они расставлены? По авторам, издательствам, предметным рубрикам, в алфавитном порядке?

– Ааа, нет, нет, нет никакого порядка.

– ...

– Только по номерам... давай я покажу тебе наши помещения! Здесь большой зал, который мы еще называем Кулуарами, так как отсюда мы

în care mai e și sala în care cobori și mai jos, de aia îi zicem Groapa, în Groapă. Aici sunt cărțile cele mai vechi și mai mari, manuscrise, teze, cărți unicat, teze de doctorat, chestii din astea, grele, care se prea cer. Cărțile mai mici și mai vechi sunt numerotate cu 1 roman, I, iar cărțile mai mari – cu II, ai să vezi. Cu III sunt numerotate cărțile foarte mari, dar astea se cer cel mai rar, ele-s în Groapă, majoritatea. Pe unele, cele de drept, de exemplu, care se cer mai des, le punem lângă lift, ai să vezi, în stânga liftului și deasupra mesei. Altele, în special dicționarele, sunt la Referință.

– Unde?

– La Referință, sus, la bibliotecarii din sala de lectură, ai să vezi. Dar acolo sunt doar dicționarele care se cer des. E și un caiet roșu în care sunt scrise cărțile de la Referință, ai să vezi, no. Asta e altă sală, are peretele rotund, vezi, d'aia îi zicem Rotonda. Uite, are peretele din spate rotund.

– Și cum sunt numerotate cărțile?

– Ei, ai să te obișnuiești căutându-le. Vin comenzi, cauți cărțile și așa te obișnuiești.

– Da, dar n-au, măcar aproximativ, o anumită ordine?

– Păi s-au pus mai întâi cărți până aici, apoi s-a terminat raftul și s-au dus în fund, în sala de după sala Rotondă, apoi s-a mai făcut o sală și au pus și acolo cărți mici și mari, apoi s-a terminat raftul și le-au dus altundeva, nu s-a putut păstra o anumită ordine, dar ai să te obișnuiești, ai să vezi. [...]

Mi-am luat un scaun dintr-o cameră de la intrare, pe stânga, după WC și coridorașul care duce într-un cuier cu haine care par de la second-hand, l-am dus între rafturile de lângă lift. M-am uitat pe rafturile de pe lângă lift. Cărți foarte vechi și ultimele apariții care au ajuns la bibliotecă. Cărți de la cele mai mari edituri actuale, cărți de la cele mai obscure edituri, de care nici n-am auzit, plachete de poezie cu patru rândurèle scoase la computer... Veneau comenzi, luam fișele, aduceam cărțile, cu Pamela, rupeam marginea cu numărul cărții, o așezam pe măsuta de lângă lift, cele cu numărul I – pe stânga, cele cu numărul II – pe dreapta, în ordine descrescătoare, de la 1 în sus, o parte cu I, numerele cu 1 – un rând, cu 2 – alt rând, cu 3 – altul ș.a.m.d., în altă parte – cu II și tot așa, de la 1 în sus... Apoi, când vin

переходим в остальные залы. Здесь Прихожая, где есть еще один зал, из которого мы спускаемся еще глубже, поэтому мы называем его Ямой. Здесь находятся самые старые и самые большие книги, рукописи, научные исследования, редкие книги, докторские диссертации, все такое, тяжелое, которое спрашивают чаще всего. Книги поменьше и постарше пронумерованы римской цифрой I, или I, а книги большего размера – цифрой II, ты сам увидишь. Цифрой III пронумерованы самые большие книги, но их спрашивают реже всего, большая их часть находится в Яме. Некоторые книги, по юриспруденции, например, которые заказывают чаще всего, мы складываем возле лифта, ты увидишь, слева от лифта и над столом. Остальные, в основном словари, находятся в Справочном.

– Где?

– В Справочном отделе, наверху, у библиотекарей из читального зала, ты увидишь. Но там только словари, которые заказывают часто. Есть еще красная тетрадка, в которую занесены книги из Справочного. Посмотришь, ладно? Здесь другой зал. Видишь, у него круглые стены, поэтому мы называем его Ротондой. Смотри, его задняя стена круглая.

– А как книги пронумерованы?

– Ну, ты привыкнешь, когда начнешь их искать. Поступают заказы, ищешь книги и постепенно привыкаешь.

– Хорошо, но разве они не расположены, хотя бы приблизительно, в каком-нибудь порядке?

– Ну, сначала книги складывали сюда, потом полки закончились, и тогда перешли вглубь хранилища, в зал за Ротондой, потом построили еще один зал, и туда тоже стали складывать маленькие и большие книги, потом там тоже закончились полки, и книги начали ставить еще куда-то. Сохранить определенный порядок так и не смогли, но ты привыкнешь, вот увидишь. [...]

Из комнаты у входа, слева, за туалетом и коридорчиком, который вел к вешалке с одеждой, похожей на секонд-хенд, я принес стул и поставил его между полок у лифта. Я посмотрел на полки возле лифта. Очень старые книги и новинки, поступившие в библиотеку. Книги самых крупных из нынешних издательств, книги почти неизвестных издательств, о которых я ни разу не слышал, поэтические сборники с четверостишиями, набранными на компьютере... Поступали заказы, я брал бланки, приносил вместе с Памелой книги, отрывал краешек с номером, ставил его на столик возле лифта: те, что с цифрой I – налево, те, что с цифрой II – направо, в порядке убывания, от 1 и выше, часть с цифрой I, номера с 1 – в один ряд, с 2 – в другой ряд, с 3 – в следующий, и т.д., по другую

cărțile, scoți bucățica ruptă a fișei, o mai rupi o dată, iar restul fișei îl pui de-o parte, pentru numărutul de a doua zi dimineța – câți cititori au fost, câte cărți au fost comandate, din ce domenii... Așa au trecut câteva ore bune, deja învățasem oarecum depozitul, încercam să-mi fac o anumită ordine, când venea o fișă îmi dădeam deja seama cam pe unde trebuie să mă duc, mai ales dacă era Pamela pe-aproape. Și de obicei era. Când se auzea liftul apărea ca din pământ, lua fișele, le sorta: „Astea-s din Rotondă”, mi le dădea, ea se ducea în Groapă. „Astea-s din Culoar”, ea se ducea în spate. Astea-s de aici, de lângă lift. Cele mai multe cărți comandate erau din sala Rotondă, unde îmi plăcea să mă duc cel mai des. Era simplu – cele cu I erau pe pereții rotunzi, zidurile de bază ale bibliotecii, și pe rafturile care umpleau „golul” dintre peretele rotund și raftul drept, cele cu II – începând cu partea dreaptă a unei aripi a zidului, apoi se întorceau prin mijlocul camerei, după străzile cu I, și se întorceau pe cealaltă parte a rafturilor, înalte, până în tavan, încât Pamela nu ajungea ca lumea nici dacă urca pe cea mai înaltă scară. Trebuia să se ridice și pe bara fixă, la bară. [...]

15

[...]

Pentru bibliotecari, cărțile devin, încetul cu încetul, numere – doar numere. După doar câteva zile de muncă, deja începusem nici să nu mă mai uit la denumirea și autorul cărții. Când m-a întreat un tip dacă nu știu dacă a fost cerută cartea *Craii de Curtea Veche*, aproape că m-am aprins, deja mi se părea normal să nu țin minte ce cărți au fost comandate, că doar lucrez cu numere, cu atâtea numere... Iar când altul a întreat dacă i-a venit *Managementul afacerilor*, l-am întreat ce număr are. [...]

28

[...]

Au început să curgă cititorii, sunt prezenți și Sandra Brown, și varianta brașoveană a lui Zenga în costum, în adidași și cu șapcă, și bătrâna care comandă numai cărți foarte vechi, și grupurile de tineri

сторону – с цифрой II, и так далее, от I и выше... Позже, когда книги приходят обратно, вынимаешь оторванный кусочек бланка, рвешь его еще раз, а остальную часть ставишь отдельно для подсчета наутро – сколько пришло читателей, сколько книг было заказано, из каких областей... Так прошло изрядное количество часов, я уже немного освоился в хранилище, попытался усвоить для себя некий порядок: когда приходил бланк я уже себе примерно представлял, куда мне нужно идти, особенно если рядом была Памела. И, как правило, она была здесь. Когда слышалось гудение лифта, она появлялась, словно из-под земли, брала бланки и начинала их сортировать: «Эти в Ротонде», давала их мне, а сама шла в Яму. «Эти в Кулуарах», а сама шла в заднюю часть. Эти здесь, возле лифта. Большинство заказанных книг было из Ротонды, куда мне нравилось ходить чаще всего. Было просто – книги с цифрой I стояли на круглых стенах, на несущих стенах библиотеки и на полках, заполнявших «пустоту» между круглой стеной и полкой справа; книги с цифрой II начинались с правой стороны стеного крыла, потом проходили посередине комнаты, за рядами с цифрой I, и выходили по ту сторону высоких, достающих до потолка полок, до которых Памела не могла дотянуться, встав даже на самую высокую лестничную ступеньку. Для этого она залезала еще и на опорную стойку, на шест. [...]

15

[...]

Для библиотекарей книги мало-помалу становятся номерами – не более, чем номерами. Всего через несколько дней работы я уже даже не смотрел на название и автора книги. Когда какой-то тип поинтересовался у меня, была ли уже выдана книга *Старые и новые мироеды*, я чуть не вспылал, мне уже казалось нормальным не помнить, какие книги уже были заказаны, я ведь работаю с номерами, со столькими номерами... А когда кто-то другой хотел узнать, не пришел ли его *Менеджмент предприятий*, я спросил, какой у него номер. [...]

28

[...]

Читатели повалили толпой: здесь были и Сандра Браун, и брашовская версия Дзенга в костюме, кроссовках и бейсболке, и старуха, всегда заказывавшая только очень старые книги, и группы молодых рокеров

rockeri și hip-hopiști, și grupurile de studenți și studente, și profu' zen, care a intrat vorbind la telefon, apar și câteva colege care vor să le împrumut cărți de la sala de lectură, și femeia de la xerox, veselă și haiosă, nu lipsesc nici cei doi tineri iubiți care învață arta fututului la bibliotecă, comandând când cărți cu poziții yoga, când Kamasutra, când *Cum să ajungeți mai ușor la orgasm* și *O cale sigură de a-ți satisface partenerul*, chestii din astea, comandă amândoi, amândoi vin după carte, pleacă și vin împreună. Îi duc femeii mai în vârstă cele trei cărți comandate, un atlas al Bucureștiului interbelic de vreo 5 kg, celelalte două, o carte de bucate în franceză și un dicționar explicativ în germană, având tot vreo 5 kg, cel puțin. Se bucură, deschide atlasul și începe să-și amintească ceva din tinerețea ei vorbind, tare, în franceză, apoi trece brusc la germană. Mă ajung câteva gagici care mă roagă să le schimb locurile, vine profesorul zen, îi sună telefonul din buzunarul de la piept, se întoarce, dispare pe coridor, femeia de la xerox discută c-un moș care se scarpină în cur (nu cred că femeia vede asta, ea fiind într-un butic vizavi de mine). [...]

и рэперов, и группы студентов и студенток, и препод дзен, который вошел, разговаривая с кем-то по мобильному телефону, заглянули и несколько коллег, хотевшие, чтобы я выдал им книги из читального зала, и женщина, работающая на ксероксе, веселая и забавная, была здесь и влюбленная парочка, которая учится в библиотеке искусству траханья, заказывая то книги с позами йоги, то Камасутру, то *Как быстрее достичь оргазма* и *Надежный способ удовлетворить партнера*, и все такое, он и она заказывают вдвоем, вдвоем приходят за книгой, уходят и приходят вместе. Выдаю женщине преклонного возраста три заказанные ею книги, одна из них – почти пятикилограммовый атлас Бухареста периода между двумя войнами, другая – книга рецептов на французском языке и немецкий толковый словарь, тоже весом не меньше 5 кг. Она радуется, открывает атлас и начинает что-то вспоминать из своей молодости, громко говоря по-французски, а потом, резко переходя на немецкий. Меня настигают несколько цыпок, которые просят меня поменять им места, приходит профессор дзен, в его нагрудном кармане звонит телефон, он поворачивается, исчезает в коридоре, женщина на ксероксе разговаривает со стариком, который чешет себе задницу (не думаю, что женщина это видит, так как она сидит в кабинке напротив меня). [...]

Alexandru VAKULOVSKI

citesc & beau cafea

literele
dinții mei
al treilea vers
citesc

citesc:
literele sunt negre

dacă voi mai bea atâta
cafea când citesc nu voi
mai putea citi fără cafea

sau citesc:
dacă voi mai citi când
beau cafea nu voi mai putea
bea cafea fără să citesc:

citesc ars poet

am citi nuși poez philoso
și ni so făku skârbî

datzfoklakartz!
datzfoklakartz!
datzfoklakartz!

Александр ВАКУЛОВСКИЙ

читаю & пью кофе

буквы
мои зубы
третья строка
читаю

читаю:
буквы черные

если я буду пить столько
кофе когда читаю то уже
не смогу читать без кофе

или читаю:
если я буду читать когда
пью кофе то уже не смогу
пить кофе и не читать:

читаю ars poet

прочит какойто филос стихо
и такая таска взяла

брасайтекнигивагонь!
брасайтекнигивагонь!
брасайтекнигивагонь!

Poezie ku idei
(mă rog)
ku substraturi philo

kiar nu măntere
kiar nu măntere dilok

no măi băietz
navetz shi fashi?, ?
vretz idei

datzini o koardî
sî sar pânnebunesk
datzini un kub sî ma jok

datzfoklakartz!

citesc & mă salinger

beau cafea călduță
din care ies aburi

citesc Salinger și mă
salinger
sunt un pic întristat și
parcă fericit

JD

coperți galbene S
aburi de cafea călduță
mă gândesc aici și un
pic mai încolo
sunt un pic întristat
și parcă fericit

Стихи с идеями
(куда там)
с филос смыслом

а мненаплева
а мнеплева на все

э парни
вам нечбольше делать?, ?
хатите идей

дайти мне скакалку
я будупрыгать поканесвихнусь
дайте мнекубик я буду играть

брасайтекнигивагонь!

читаю & сэлинджерствую

пью тепленький кофе
из него идет пар

читаю Сэлинджера и
сэлинджерствую
мне немного грустно и
я вроде бы счастлив

ДЖД

желтый переплет С
пар тепленького кофе
думаю здесь и
немного дальше
мне немного грустно и
я вроде бы счастлив

citesc & mă camuflez

ore de insomnie
de pagini
pe care trebuie să le

pagini care din ce
în ce mai puțin mă

între ele gropi
în care sar
îmi beau cafeaua
îmi fumez
știți
ascult
privesc

pe fereastră

citesc printre rânduri

citesc
printre
rânduri

loc de citit

în sfârșit
nu faci decât să-ți cauți
locul

ești iritat și
nu mai stai în bibliotecă
îți târâi cărțile acasă

читаю & маскируюсь

бессонница
страницы
что я должен

страницы что
меня все меньше

меж ними ямы
в них бросаюсь
пью свой кофе
курю
знаете
слушаю
смотрю

в окно

читаю между строк

читаю
между
строк

место для чтения

ты наконец-то
ищешь себе место
только и всего

ты раздражен и
больше не заходишь в библиотеку
тащишь книги домой

te duci la pădure la lac
sau la terasă de pe acoperișul
facultății de litere

ești bolnav
nu faci decât să-ți schimbi locul
de citit
definitiv

NU NU MAI

nu
nu mai vreau să citesc
litere răstignite pe hârtie
creieru-mi e obo
foa
obosit
gata (regizorul ar arăta
și un semn cu mâinile)
GATA!
NU NU MAI
gaata

идешь в лес на озеро
или на террасу на крыше
филологического факультета

ты болен
ты лишь меняешь место
для чтения
бесповоротно

НЕТ БОЛЬШЕ НЕ

нет
больше не хочу читать
распятые на бумаге буквы
мой мозг уста
оч
устал
все (режиссер подал
бы знак рукой)
ВСЕ!
НЕТ БОЛЬШЕ НЕ
все

Maria PILCHIN

uitarea

dincolo de literatura postmodernă
e un alt *post*
e ziua în care ne vom trezi
fără cărți

copiii noștri vor râde de noi
cum am râs și noi
de părinții noștri

pleoapele cad obosite
mâinile tremură

uitarea ne cuprinde
ca în tinerețe
iubirea

vom obosi de text intertext
și subtextul va transpare
altul

tot ce e nou
e de mult uitatul vechi

Мария ПИЛКИН

забвение

по ту сторону постмодернизма
другой *пост*
там день, когда у нас уже
не будет книг

наши дети будут над нами смеяться
как и мы смеялись
над нашими родителями

устало закрываются веки
руки дрожат

нас наполняет забвение
как в молодости
любовь

мы устанем от текста интертекста
и подтекст уже будет
другим

все новое
давно забытое старое

geoGrafică

tăcere între râuri
viața se cufundă
în lecturi

mesopotamia mea
inundată de tăceri
de rodii

între tigrul și eufrat
eu frate visez

vise-vize

matrimonială

mâine mă vei face mireasă
astăzi zbor păpădie
astăzi sunt fecioara copila ta
mâine doamna

astăzi știu să te trăiesc
astăzi miros cărțile pe care le citești
astăzi sunt o bibliotecă
un labirint în care te-ai rătăcit benevol

minoTaura lecturilor tale

iubirea ce ne protejează

ei scriau cărți despre iubire
cu o sută de ani cu fronturi de (v)est
noi ne iubeam de cădeau paturile

de frig am dat foc la cărți
și la flacăra lor
descoperisem

геоГрафическое

молчанье в междуречье
жизнь погружается
в чтение

моя месопотамия
утопающая в гранатовом
молчанье

между тигром и евфратом
мне брат снятся

виды-визы

свадебное

завтра ты сделаешь меня невестой
сегодня я летаю одуванчиком
сегодня я дева твоя малышка
завтра жена

сегодня я знаю как тебя прожить
сегодня вдыхаю запах книг что ты читаешь
сегодня я библиотека
лабиринт в котором ты добровольно заблудился

миноТавра твоих книг

любовь, что нас хранит

они писали книги о любви
про сто лет и (про)западный фронт
а мы любя сотрясали постель

мы жгли книги чтобы согреться
и при их свете
открывали

orgasmul ca specie lirică
și la flacăra lor
te descoperisem
al meu
reMarque(z)

happy end
citind din dimitru crudu

până la urmă
totul sfârșește
într-o carte
cum spunea mallarmé

începuturile și
sfârșiturile sunt
toate livrești
viața e un *ex libris*

cărțile cădeau în abis
cădeau de la etaj
oameni din dublin
ediția rusă și
cea românească
zburau
auu

măturătorul
umblă beat
înspre circ
auu

joyce schimbat
pe o vodcă
cele două volume
în două limbi

оргазм как лирический жанр
и при их свете
я открыла тебя
мой
реМарк(ес)

happy end

читая думитру круду

в конечном счете
все завершается
некой книгой
как говорил малларме

все начала
и концы
взяты из книг
жизнь это *ex libris*

книги падали в бездну
падали с этажей
дублинцы
русское и
румынское издания
летели
ауу

дворник
пьяно шагает
к цирку
ауу

джойс в обмен
на водку
оба тома
на двух языках

inamice la prut
se pupă în colecția
de maculatură

gogol în google

în sufletele acelea moarte
la gogol
era unul pliușkin
aduna tot ce găsea
de azi tu vei fi pliușkin
cel care adună
tot ce i se spune
și face literatură

și poezia trece prin stomac

dragă editor
vă asigur nu este nici o păcăleală
această carte vine din laboratorul
vieții mele unde diminețile
fac experimente cu mine
cu acțiunea mea interioară
mereu mă întreb ce raport
psihosomatic există
între poezie și psihic
neuronii îmi sfârâie
mai ales serile au și ei
o formă de artrită ascunsă
foarte greu merg acolo luna
căci știți duminicile le petrec
la rolă pregătind prânzuri și cine
da și kissel așa cum soțului meu
borges a început să-i placă
această masă vâscoasă

враждуя у прута
целуются в куче
макулатуры

гоголь в гугле

в тех самых мертвых душах
у гоголя
был некий плюшкин
он собирал все подряд
отныне ты будешь плюшкиным
собирающим все что
ему говорят
и делающим литературу

и путь поэзии лежит через желудок

дорогой издатель
спешу вас заверить в этом нет никакого обмана
эта книга возникла в лаборатории
моей жизни где по утрам
я ставлю эксперименты над собой
над своим внутренним действием
я все время спрашиваю себя в каком
психосоматическом отношении
находятся поэзия и психика
мои нейроны трещат
особенно по вечерам у них тоже
скрытая форма артрита
мне тяжело ходить туда по понедельникам
потому что, знаете, воскресенья я провожу
у духовки готовя обеды и ужины
да и кисель как с недавних пор
нравится моему мужу борхесу
эта клейкая масса

pardon
era vorba de ivan gogh
cu borges e o altă poveste
dintr-o cu totul altă viață
ivan gogh preferă să îi gătesc
cărți la rolă învelite în
foi de staniol
așa nu se ard se rumenesc
și toată casa noastră miroase
a carte coaptă carte picantă
crocantă
ce gastronomie e viața
ah ce gastronomie

poem cu edgar pentru mihu

poetele citesc poeme
poetii citesc poeme
poemele nu citesc
poemele nu
poemele
poeme
poem
poe

пardon
я имела в виду иван гога
борхес другая история
из совсем другой жизни
иван гогу нравится как я
запекаю книги обернутые
в фольгу
так они не подгорают а румянятся
по всему нашему дому стоит запах
запеченной хрустящей
книги со специями
наша жизнь похожа на кухню
она так похожа на кухню

поэма с эдгаром для мишули

ПОЭТЕССЫ ЧИТАЮТ ПОЭМЫ
ПОЭТЫ ЧИТАЮТ ПОЭМЫ
ПОЭМЫ НЕ ЧИТАЮТ
ПОЭМЫ НЕ
ПОЭМЫ
ПОЭМА
ПОЭМ
ПО

Alexandru COSMESCU

Cărți-fereastră și cărți-oglină

Există cărți-fereastră și cărți-oglină.

Cărțile-fereastră sunt cele în care autorul îți oferă o perspectivă asupra unui segment de realitate: din unele locuri – cele în care te conduce autorul – unele peisaje se văd mai bine.

Cărțile-oglină sunt cele în care te vezi pe tine. Cele în care te recunoști. Care nu-ți oferă informații noi, nu sunt „transparente”, ci provoacă o „reflecție”, o întoarcere asupra ta.

Dar, dacă ești atent, când te uiți printr-o fereastră poți să-ți vezi și reflecția. Foarte vag, foarte aerian. Numai că, dacă te focusezi pe reflecția ta într-o fereastră, nu mai ești atent la ceea ce se vede prin ea.

Când citești o carte-fereastră, o carte care îți oferă o nouă perspectivă asupra unei bucați de realitate, e bine să uiți de tine. Să nu te cauți în ea. Să mergi pe mâna autorului, încercând să vezi doar ceea ce încearcă el să-ți arate, conducându-te spre lucrurile pe care le-a văzut și pe care crede că e important să le vezi și tu.

Influențe

Ceea ce citim ne influențează, fără să ne dăm seama: determină moduri de a acționa, de a gândi, de a scrie. Indiferent dacă citim lucruri adevărate sau nu, bine scrise sau nu.

Fără să ne dăm seama, repetăm clișeele citite. Fără să ne dăm seama, scriem după modele preluate din textele pe care ni le-a pus în mână cineva cu autoritate. Fără să ne dăm seama, ne justificăm prin cuvintele personajelor favorite.

Александр Космеску

Книги-окна и книги-зеркала

Есть книги-окна и есть книги-зеркала.

Книги-окна – такие, в которых автор открывает перед тобой взгляд на определенную часть реальности: в некоторых местах – тех, куда тебя ведет автор – некоторые пейзажи смотрятся лучше.

Книги-зеркала – такие, в которых ты видишь себя. Те, в которых ты себя узнаешь. Которые не дают тебе новых знаний, не «прозрачны», а создают «отражение», возвращают к самому себе.

Но, если быть внимательным, когда ты смотришь в окно, то можешь увидеть в нем и свое отражение. Очень расплывчатое, воздушное. Однако если сконцентрироваться на своем отражении на стекле, то можно упустить из внимания то, что видно из окна.

Когда читаешь книгу-окно, книгу, которая открывает перед тобой новый взгляд на какую-то часть реальности, лучше всего забыть о себе. Не искать себя в ней. Следовать за автором, пытаюсь увидеть только то, что он хочет тебе показать, направляя тебя к тому, что он увидел сам, и что ему кажется важным, чтобы увидел и ты.

Влияния

То, что мы читаем, оказывает на нас влияние, и мы этого даже не осознаем: это определяет то, как мы поступаем, думаем, пишем. Независимо от того, читаем ли мы правдивые вещи или нет, хорошо написанные или нет.

Не осознавая этого, мы повторяем прочитанные клише. Не осознавая этого, пишем согласно моделям, перенятым из текстов, которые нам дал в руки кто-то, оказывающий на нас влияние.

De asta mi se pare importantă lectura lentă și atentă. Acel tip de lectură în care discerni cât mai mult din textul pe care îl ai în față. În care vezi la ce se referă autorul. În care te gândești la alegerile stilistice pe care le-a făcut. În care încerci să aduni în minte ceea ce spune, și să-ți dai seama dacă ai spune și tu aceleași lucruri, și dacă ai putea spune ceva în felul în care o spune autorul pe care-l citești, cu genul lui de frazare.

Un gen de lectură în care alegi ce să te influențeze, ce să rămână în tine. Și, respectiv, alegi și cărțile care merită citite așa.

Kindle

Cărțile pot fi dificile. Dar și incomode. Nu doar la nivel de conținut – peste asta se trece ușor, cartea însăși își alege cititorii, și nu mi se pare o problemă. Cei care se descurajează în fața unei cărți dificile probabil nici nu e prea bine s-o citească în momentul acela; cei pentru care conținutul unei cărți e incomod sunt, pe de altă parte, tocmai cei care ar trebui s-o citească.

Dar mai e un nivel al incomodității. Cărțile voluminoase. Care pot fi citite comod doar la masă. Adică acasă. Și, involuntar, te uiți cu un pic de frică dacă ai de citit sute de pagini.

Pentru mine, problema asta a rezolvat-o e-readerul. Când citesc de pe Kindle, nu contează dacă o carte are 50 de pagini sau 1500. Nu ocupă un volum fizic diferit. E doar un obiect mic, un pic mai mare decât o palmă, pe care apar cuvinte. Un dispozitiv care șterge diferența dintre cărțile „de purtat cu tine” și cele „de casă”. Care face ca singura dificultate sau incomoditate, în lectură, să fie cea a conținutului cărții.

Moduri ale lecturii

Există un tip de lectură când paginile se întorc parcă de la sine. Când durerile, dorințele, gândurile trec în fundal. Când nu contează decât frumusețea și importanța fiecărei fraze pe care o citești, și anti-

Поэтому медленное и внимательное чтение мне кажется важным. Тот тип чтения, который позволяет лучше всего проникнуть в находящийся перед тобой текст. Который позволяет увидеть, на что ссылается автор. Который помогает думать о его работе над стилем. При помощи которого пытаешься собрать в мыслях все, о чем он говорит, и понять, сказал бы ты то же самое, и смог бы ты сказать что-либо так же, как это делает читаемый тобой автор, используя его стилистику.

Тип чтения, при котором ты выбираешь, что станет на тебя влиять, что в тебе останется. Выбираешь те книги, которые стоит таким способом прочесть.

Kindle

Книги могут быть сложными. Но и неудобными. Не только по своему содержанию – через это легко пройти, книга сама выбирает себе читателей, и это не кажется мне проблемой. Кто опускает руки перед сложной книгой, тем, возможно, не следует ее читать в данный момент; кто же считает содержание книги неудобным, как раз таки и должны ее прочесть.

Но есть еще один уровень неудобства. Объемные книги. Которые с удобством читаются только за столом. То есть, дома. И, если предстоит прочитать сотни страниц, то невольно смотришь на нее с некоторой опаской.

Для меня эту проблему решило устройство для чтения электронных книг. Когда я читаю с помощью Kindle, не важно, содержит ли книга 50 или 1500 страниц. Она не занимает особого физического объема. Это лишь небольшой предмет, немного больше ладони, на котором появляются слова. Устройство, которое стирает разницу между книгами «для ношения с собой» и «домашними» книгами. Благодаря которому единственная сложность или неудобство чтения состоит в содержании книги.

Способы чтения

Есть такой тип чтения, когда страницы будто переворачиваются сами собой. Когда боль, желания, мысли уходят на задний план. Когда не важно ничего, кроме красоты и значения каждой прочитанной фразы

ciparea vagă a ceea ce va urma, și minunarea de ceea ce este deja în textul în care ești.

Există și lectura plictisită, când întorci paginile a lehamite, dar continui să le întorci, pentru că cineva așteaptă de la tine să termini de citit și după aceea să poți spune ceva cât de cât inteligent despre textul acela.

Sau lectura enervată, de ambiție, când îți zici că o să duci cartea până la capăt, orice s-ar întâmpla, ca să poți zice după aceea cu deplină încredere că autorul e prost.

Dar cel mai important e că nu noi decidem ce tip de lectură să practicăm. Felul în care citim e un răspuns la textul pe care îl avem în față. E ceva care se întâmplă la intersecția dintre trecutul nostru de cititori, așteptările noastre, și încă-neînțelegerea-până-la-capăt a unei cărți noi.

Lectura de dragul celuilalt

Nimeni nu poate să citească în locul tău. Dar asta nu înseamnă că nu trebuie să existe oameni care citesc *pentru* tine. Să te ajute să-ți dai seama dacă o carte merită citită sau nu. E una dintre posibilele justificări pentru meseria de profesor sau de critic literar. Nimic nu înlocuiește experiența lecturii pe cont propriu a unui text „mare”.

E o confruntare dintre mintea ta și mintea altcuiva, inima ta și inima altcuiva, după care nu mai rămâi același, dar duci mai departe, în gândurile tale, în reacțiile tale, în acțiunile tale, în cuvintele tale ceea ce ai citit. Dar nu poți citi tot. Și până la urmă e un exercițiu de umilință intelectuală ca, atunci când îți dai seama de asta, să ai încredere în altcineva, în cineva care a citit înaintea ta și pe care îl simți compatibil cu tine. Și care îți povestește ce a citit. Și de ce i s-a părut asta important – sau irelevant. Te poate ajuta să economisești timp. Sau să decizi să te aprofundezi într-un text pe care, altfel, nu l-ai fi citit niciodată.

и смутного предчувствия того, что последует дальше, и изумления от того, что уже есть в тексте, в котором ты пребываешь.

Есть скучливое чтение, когда переворачиваешь страницы с неприязнью, но продолжаешь их переворачивать, потому что кто-то ждет, что ты закончишь читать, чтобы сказать после этого что-нибудь более или менее умное об этом тексте.

Или нервное, упрямое чтение, когда говоришь себе, что закончишь книгу во что бы то ни стало, чтобы после этого со всей уверенностью можно было говорить, что автор глуп.

Но важнее всего то, что не мы выбираем тип чтения, к которому прибегаем. Способ чтения является ответом тексту, который лежит перед нами. Это то, что находится на пересечении нашего читательского прошлого, наших ожиданий и непонимания-до-конца новой книги.

Чтение ради другого

Никто не может читать вместо тебя. Но это не значит, что не должно быть людей, которые читают *для* тебя. Чтобы помочь тебе понять, стоит ли читать книгу или нет. Это одно из возможных оправданий профессии учителя или литературного критика. Ничто не может заменить опыта самостоятельного чтения «большого» текста.

Это сопоставление твоего ума с умом другого, твоего сердца с сердцем другого, после чего ты уже не остаешься прежним, но несешь дальше, в своих мыслях, через свою реакцию, свои действия и свои слова то, что ты прочитал. Но ты не можешь прочесть всего. В конечном счете, это некое интеллектуальное унижение, состоящее в том, чтобы, когда ты это понимаешь, довериться другому, кому-то, кто прочитал книгу до тебя, и с которым ты чувствуешь некоторое внутреннее сходство. И который рассказывает тебе о том, что он прочитал. И почему это показалось ему важным или незначительным. Это может помочь тебе сэкономить время. Или решиться погрузиться в текст, который иначе ты бы никогда не прочитал.

Hose PABLO

journal

eu te-am căutat
în tot creștinismul pe care
îl aveam lângă mine
am căutat în cana cu liniște și ceai rece
lăsată / dimineața / de soră' mea
eu am întrebat despre tine
pe MaMa mea și pe tatăl meu
care sunt mai adevărați și mai înțelepți
decât orice religie
în orașe și sate
pe Internet și prin cărți
te-am căutat
visând la gloria ta
omule

* * *

Citesc tot gunoiul pe facebook în timp ce mă prefac că lucrez
Apăs pe orice link și urmăresc tot căcatul pe care îl postează lumea
Nu mă pot sătura nici pentru un minut de toate astea
Apoi deschid word și totuși lucrez câteva minute apoi iar
Citesc tot gunoiul de pe facebook, nu mă pot sătura
Apoi mă ridic și merg la geam acolo unde mă gândesc la vocea ei coborâtă
caldă care răsună uneori în telefonul meu buzele ei șoptesc la geam e
relaxant
apoi revin și iar citesc tot căcatul de pe facebook, dau laik, comentez,
pun statusuri
și nu mă pot satura de știri linkuri poze video porno.
trăim o viață porno.

Хосе ПАБЛО

journal

я искал тебя
во всем христианстве
что было рядом со мной
искал в чашке с тишиной и холодным чаем
оставленной / утром / моей сестренкой
я спрашивал о тебе
у моей МаМы и у моего отца
которые правдивее и мудрее
любой религии
в городах и селах
в интернете и в книгах
искал тебя
мечтая о твоей славе
человек

* * *

Читаю в facebook всякий мусор, пока делаю вид, что работаю
Открываю каждую ссылку и просматриваю всякое дерьмо, которое
люди публикуют
Не могу насытиться всем этим ни на одну минуту
Потом открываю word и все-таки пару минут работаю, потом снова
Читаю в facebook всякий мусор, не могу насытиться
Потом встаю, подхожу к окну и думаю о ее голосе, низком и
теплом, что иногда раздается в моем телефоне ее губы шепчут у окна
можно расслабиться
потом возвращаюсь и снова читаю в facebook всякое дерьмо,
ставлю лайк, комментирую, публикую статусы
и не могу насытиться новостями, ссылками, фотографиями, видео, порно.
наша жизнь похожа на порно.

ÎN LOC DE POSTFAȚĂ

Vitalie RĂILEANU

Despre traducere

În eterogenul spațiu cultural basarabean a existat întotdeauna o *problemă* a traducerilor, după cum există mereu o *problemă* a creației originale, pentru că oricât de bine s-ar desfășura lucrurile într-un domeniu literar sau altul, stăruie în noi pretenția critică firească în virtutea căreia dorim neconținut opere inedite, opere mai bune și mai diverse, lucrări ce ar satisface în mod cât mai deplin un *apetit de cunoaștere* a omenescului, a frumosului poetic sau a farmecului narativ sub formele cele mai variate. [...]

Astăzi, traducerile intră într-un vast program ce urmărește să satornicească gustul pentru lectură în general și, totodată, să ofere cititorilor (în cazul nostru – de limbă rusă) un cât mai amplu *corpus* de opere fundamentale din culturile clasice, din cele moderne și contemporane. [...]

Literaturile naționale nu încetează să facă apel la literatura universală, și cu cât tradiția traducerilor e mai veche, cu atât preocuparea de a avea tălmăciri numeroase și aduse la zi e mai vie. [...] Realitatea e că nimeni *nu dă înapoi* în fața capodoperelor, oricât de specifică ar fi ea prin limbă și prin coeficientul personal, oricât de ezoterică, într-un anume sens, s-ar dovedi prin implicațiile ei spirituale și istorice. Nici Góngora, nici marile epopei indice și elene nu au rămas *netransplantate* în alte culturi, nici Mallarmé, Rimbaud sau suprarealiștii, ca să mai dăm un exemplu, nu au rezistat asaltului pe care spirite îndrăznețe și curioase de pretutindeni l-au întreprins întru *uzurparea faimei lor de inaccesibile*. Nu afirmăm că transpunerile sunt, în genere, pe măsura originalului, dar trebuie să admitem că există destule traduceri *fericite care au făcut epocă*, au avut o putere de influență aidoma cu aceea a unei opere originale și care s-a ridicat la forța expresivă a textului prim. [...]

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Виталие РЭЙЛЯНУ

О переводах

В разноликом культурном пространстве Бессарабии *проблема* переводов всегда была актуальной, точно также как всегда была актуальна проблема оригинального творчества, так как сколь бы хорошо не шли дела в одной или другой сфере литературы, нас не оставляет естественная критическая потребность, в силу которой мы постоянно хотим все новых, лучших и разнообразных творений, работ, которые как можно полнее смогли бы удовлетворить *жажду познания* человеческого, поэтической красоты или повествовательного очарования во всем их многообразии. [...]

Сегодня переводы представляют собой часть большого проекта, задачей которого является упрочить интерес к чтению вообще и, вместе с тем, предоставить (в нашем случае – русскоязычному) читателю как можно более полный *корпус* основополагающих произведений классической, новой и современной эпох. [...]

Национальные литературы не перестают обращаться к мировой литературе, и чем старше традиция переводов, тем живее уделяется внимание тому, чтобы переводы появлялись как можно своевременней и как можно в больших количествах. [...] Реальность такова, что никто *не отступает* от шедевров, какими бы своеобразными они ни были в языковом плане и в личном отношении, насколько бы эзотеричными, в каком-то смысле, они не оказались в своей духовной и исторической перспективе. Абсолютно все: и Гонгора, и великие индийские и греческие эпопеи были *пересажены* в другие культуры. Ни Малларме, ни Рембо, ни сюрреалисты, к примеру, не устояли перед повсеместным натиском смелых и пытливых умов во имя *узурпации их славы недостижимых*. Мы не утверждаем, что переложения, в принципе, соизмеримы с оригиналом, однако следует признать, что есть примеры достаточно *удачных переводов, ставших вехами*, обладавших силой воздействия, сравнимой с оригинальным творением, и достигших выразительной мощи исходного текста. [...]

AUTORI ȘI SURSE

Aureliu BUSUIOC (1928-2014) – poet, romancier, eseist, traducător. Autorul volumelor de poezie *Piatra de încercare* (1958), *Firicel de floare rară* (1961), *Dor* (1962), *Poezii* (1964), *În alb și negru* (1977), *Îmblânzirea mașinii de scris* (1988), *Plimbătorul de purici* (1992), *Concert* (1993), *Punct* (2007), și al romanelor *Singur în fața dragostei* (1966), *Unchiul din Paris* (1973), *Local – ploii de scurtă durată* (1986), *Lătrând la lună* (1997), *Pactizând cu diavolul* (1999), *Spune-mi Gioni* (2003) ș.a.

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume: Aureliu Busuioc. *Piatra de încercare*. Chișinău: Editura de Stat a Moldovei, 1958. – p. 62, 65, 67, 71; Aureliu Busuioc. *Dor*. Chișinău: Editura de Stat Cartea Moldovenească, 1963. – p. 134, 135; Aureliu Busuioc. *În alb și negru: versuri*. Chișinău: Editura Literatura Artistică, 1977. – p. 282, 285; Aureliu Busuioc. *Îmblânzirea mașinii de scris: poezii vechi și noi, vesele și triste*. Chișinău: Editura Literatura Artistică, 1988. – p. 160, 176, 177, 183, 185, 200.

Mihai CIMPOI (n. 1942) – critic și istoric literar, eseist, filozof al culturii, academician, președintele Uniunii Scriitorilor din Moldova (1991-2010). Autorul volumelor de eseu *Narcis și Hyperion* (1979), *Cicatricea lui Ulysse* (1982), *Mărul de aur* (1998), *Plânsul Demiurgului* (2000), *Zeul ascuns* (2002), *Esența ființei* (2003), *Lumea ca o carte* (2004) etc., al monografiilor exegetice *O istorie deschisă a literaturii române din Basarabia* (1996), *Brâncuși, poet al ne-sfârșirii* (2001), *Grigore Vieru, poetul arhetipurilor* (2009) ș.a., al volumului de dialoguri *Spre un nou Eminescu* (1993), dar și al studiului de sinteză *Mihai Eminescu. Dicționar enciclopedic* (2013).

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume: Mihai Cimpoi. *Lumea ca o carte*. București: Editura Fundației Culturale Ideea

АВТОРЫ И ИСТОЧНИКИ

Аурелиу БУСУЙОК (1928-2014) – поэт, романист, эссеист, переводчик. Автор поэтических сборников *Камень преткновения* [*Piatra de încercare*, 1958], *Стебелек редкого цветка* [*Firicel de floare rară*, 1961], *Желанье* [*Dor*, 1962], *Стихотворения* [*Poezii*, 1964], *В белом и черном* [*În alb și negru*, 1977], *Укрощение письменной машинки* [*Îmblânzirea mașinii de scris*, 1988], *Выгуливающий блох* [*Plimbătorul de purici*, 1992], *Концерт* [*Concert*, 1993], *Точка* [*Punct*, 2007], и романов *Один перед лицом любви* [*Singur în fața dragostei*, 1966], *Мой парижский дядя* [*Unchiul din Paris*, 1973], *Местами кратковременные дожди* [*Local – ploii de scurtă durată*, 1986], *Лая на луну* [*Lătrând la lună*, 1997], *Пакт с дьяволом* [*Pactizând cu diavolul*, 1999], *Скажи мне, Джонни* [*Spune-mi Gioni*, 2003] и др.

Публикуемые тексты взяты из сборников: *Камень преткновения* [Aureliu Busuioc. *Piatra de încercare*. Chișinău: Editura de Stat a Moldovei, 1958]. – стр. 62, 65, 67, 71; *Желанье* [Aureliu Busuioc. *Dor*. Chișinău: Editura de Stat Cartea Moldovenească, 1963]. – стр. 134, 135; *В белом и черном* [Aureliu Busuioc. *În alb și negru: versuri*. Chișinău: Editura Literatura Artistică, 1977]. – стр. 282, 285; *Укрощение письменной машинки: стихи новые и старые, веселые и грустные* [Aureliu Busuioc. *Îmblânzirea mașinii de scris: poezii vechi și noi, vesele și triste*. Chișinău: Editura Literatura Artistică, 1988]. – стр. 160, 176, 177, 183, 185, 200.

Михай ЧИМПОЙ (р. 1942) – литературный критик, историк литературы, эссеист, культур-философ, академик, председатель Союза Писателей Молдовы (1991-2010). Автор сборников эссе *Нарцисс и Гиперион* [*Narcis și Hyperion*, 1979], *Рубец Улисса* [*Cicatricea lui Ulysse*, 1982], *Золотое яблоко* [*Mărul de aur*, 1998], *Плач Демидурга* [*Plânsul Demidurgului*, 2000], *Скрытое божество* [*Zeul ascuns*, 2002], *Суть сущности* [*Esența ființei*, 2003], *Мир как книга* [*Lumea ca o carte*, 2004] и др., научных монографий *Открытая история румынской литературы Бессарабии* [*O istorie deschisă a literaturii române din Basarabia*, 1996], *Брынкушь, поэт нескончаемого* [*Brâncuși, poet al ne-sfârșirii*, 2001], *Григоре Виеру, поэт архетипов* [*Grigore Vieru, poetul arhetipurilor*, 2009] и др., сборника диалогов *К новому Эминеску* [*Spre un nou Eminescu*, 1993], а также исследования обобщающего характера *Михай Эминеску. Энциклопедический словарь* [*Mihai Eminescu. Dicționar enciclopedic*, 2013].

Europeană, 2004. – p. 5-6; Mihai Cimpoi. *Biblioteca lui Cantemir*, în: *Destinul Inorogului: Omagiu lui Dimitrie Cantemir: culegere de articole, eseuri și poezii* / Alcătuitor Valeriu Nazar. Chișinău: Editura Literatura Artistică, 1981. – p. 189-190, 192-193; Mihai Cimpoi. *Eminescu și lumea cărților*, în: *Nistru*, 1988, nr. 1. – p. 87-90, 93-95; Grati, Aliona. *Mihai Cimpoi: „Sunt un om de cultură devenit un destin”*. Chișinău: Prut Internațional, 2013. („Dialoguri la focul de vatră”). – p. 44-46.

Vasile ROMANCIUC (n. 1947) – poet, traducător, redactor de carte. Autorul volumelor de poezie *Genealogie* (1974), *Citirea proverbelor* (1974), *Din tată-n fiu* (1984), *Ce am pe suflet* (1988), *Note de provincial* (1991), *Un timp fără nume* (1996), *Îndoiala de sine* (1997), *Marele pustiu invizibil* (2001), *E toamnă, cad măștile* (2001), *Recitirea proverbelor* (2007), *Olimpul de plastic* (2007), *Purtătorul de cuvânt al tăcerii* (2011) și al mai multor volume de poezie pentru copii.

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume: Vasile Romanciuc. *Purtătorul de cuvânt al tăcerii*. Chișinău: Arc, 2011. – p. 18; Vasile Romanciuc. *Olimpul de plastic*. Chișinău: Prut Internațional, 2007. – p. 26, 30, 82, 83.

Iulian FILIP (n. 1948) – poet, prozator, dramaturg. Autorul volumelor de poezie *Neîmpăcatul meșter* (1974), *Cerul fântânilor* (1977), *Dialoguri primordiale* (1978), *Hulub de poștă* (1983), *Unde ești* (1987), *Cafea neagră* (1989), *Fir de nisip* (1991), *Dansul timizilor* (1994), *Semințele mărului oprit* (1998) etc., și al mai multor cărți de poezie și de dramaturgie pentru copii.

Textul autorului este selectat din volumul: Iulian Filip. *Fir de nisip*. Chișinău: Editura Hyperion, 1991. – p. 146.

Nicolae DABIJA (n. 1948) – poet, eseist, publicist, academician, redactor-șef al revistei *Literatura și Arta*. Autorul volumelor de poezie *Ochiul al treilea* (1975), *Apa neîncepută* (1980), *Zugravul anonim* (1985), *Dreptul la eroare* (1993), *Lacrima care vede* (1994), *Fotograful de fulgere* (1998), *Cerul lăuntric* (1998), *Doruri interzise* (2004) etc., cărților de eseuri *Pe urmele lui Orfeu* (1983), *Libertatea*

Публикуемые тексты взяты из книг: *Мир как книга* [Mihai Cimpoi. *Lumea ca o carte*. București: Editura Fundației Culturale Ideea Europeană, 2004]. – стр. 5-6; *Судьба Единорога: Чествование Димитрия Кантемира: сборник статей, эссе и стихов* [Mihai Cimpoi, *Biblioteca lui Cantemir*, în: *Destinul Inorogului: Omagiu lui Dimitrie Cantemir: culegere de articole, eseuri și poezii* / Alcătuitor Valeriu Nazar. Chișinău: Editura Literatura Artistică, 1981]. – стр. 189-190, 192-193; журнал *Днестр* [*Nistru*, 1988, nr. 1]. – стр. 87-90, 93-95; А. Грати. *Михай Чимпой: «Я – человек культуры, ставший судьбой»* [Grati, Aliona. *Mihai Cimpoi: „Sunt un om de cultură devenit un destin”*. Chișinău: Prut Internațional, 2013. („Dialoguri la focul de vatră”). – стр. 44-46.

Василе РОМАНЧУК (р. 1947) – поэт, переводчик, редактор. Автор поэтических сборников *Генеалогия* [*Genealogie*, 1974], *Читая пословицы* [*Citirea proverbelor*, 1974], *От отца к сыну* [*Din tată-n fiu*, 1984], *Что у меня на душе* [*Ce am pe suflet*, 1988], *Записки провинциала* [*Note de provincial*, 1991], *Безмянное время* [*Un timp fără nime*, 1996], *Сомневаясь в себе* [*Îndoiala de sine*, 1997], *Великая невидимая пустошь* [*Marele pustiu invizibil*, 2001], *Наступила осень, спадают маски* [*E toamnă, cad măștile*, 2001], *Перечитывая пословицы* [*Recitirea proverbelor*, 2007], *Олимп из пластика* [*Olimpul de plastic*, 2007], *Говорящий от лица молчания* [*Purtătorul de cuvânt al tăcerii*, 2011] и множества книг стихов для детей.

Публикуемые тексты взяты из книг: *Говорящий от лица молчания* [Vasile Romanciuc. *Purtătorul de cuvânt al tăcerii*. Chișinău: Arc, 2011]. – стр. 18; Vasile Romanciuc. *Олимп из пластика* [*Olimpul de plastic*. Chișinău: Prut Internațional, 2007]. – стр. 26, 30, 82, 83.

Юлиан ФИЛИП (р. 1948) – поэт, прозаик, драматург. Автор поэтических сборников *Непримиримый мастер* [*Neîmpăcatul meșter*, 1974], *Небо колодцев* [*Serul fântânilor*, 1977], *Извечные диалоги* [*Dialoguri primordiale*, 1978], *Почтовый голубь* [*Hulub de poștă*, 1983], *Где ты* [*Unde ești*, 1987], *Черный кофе* [*Șeafa neagră*, 1989], *Песчинка* [*Fir de nisip*, 1991], *Танец застенчивых* [*Dansul timizilor*, 1994], *Семечки запретного яблока* [*Semințele mărului oprit*, 1998] и др., а также множества книг стихов и театральных пьес для детей.

Публикуемый текст взят из книги: *Песчинка* [Julian Filip. *Fir de nisip*. Chișinău: Editura Hyperion, 1991]. – стр. 146.

Николае ДАБИЖА (р. 1948) – поэт, эссеист, публицист, академик, главный редактор газеты *Литература и Искусство* [*Literatura și Artă*]. Автор поэтических сборников *Третье око* [*Ochiul al treilea*, 1975], *Непочатая вода* [*Ara neîncersută*, 1980], *Безмянный создатель* [*Zugravul anonim*, 1985], *Право на ошибку* [*Dreptul la eroare*, 1993], *Слеза, что видит* [*Lacrima care vede*, 1994], *Фотограф молний* [*Fotograful de fulgere*, 1998], *Внутрен-*

are chipul lui Dumnezeu (1997), *Harta noastră care sângeră* (1999), al romanului *Tema pentru acasă* (2009).

Textele autorului sunt selectate din următoarele surse: *BiblioPolis*, revistă de biblioteconomie și științe ale informării editată de Biblioteca Municipală „B.P. Hasdeu” din Chișinău, vol. 48 (2013), nr. 3. – p. 270; *BiblioPolis*, revistă de biblioteconomie și științe ale informării editată de Biblioteca Municipală „B.P. Hasdeu” din Chișinău, vol. 42 (2012), nr. 1. – p. 82-83.

Eugen CIOCLEA (1948-2013) – poet. Autorul volumelor de poezie *Numitorul comun* (1988), *Alte dimensiuni* (1991), *Dați totul la o parte ca să văd* (2001).

Textul autorului este selectat din volumul: Eugen Cioclea. *Antologie*. Ediție îngrijită de E. Galaicu-Păun. Chișinău: Cartier, 2014. (Colecția „Cartier popular”). – p. 103-104.

Leo BUTNARU (n. 1949) – poet, prozator, eseist, traducător. Autorul cărților de poezie *Sâmbătă spre duminică* (1983), *Șoimul de aur* (1991), *Iluzia necesară* (1993), *Carantina mașinii de scris* (1997), *Lamentația Semiramidei* (2000), *Cetatea nu e gata de război* (2003), *Jefuindu-l pe Picasso* (2011) etc., al cărților de ficțiune *De ce tocmai mâine-poimâine* (1990), *Îngerul și croitoreasa* (1998), *Ultima călătorie a lui Ulysses* (2006), *Copil la ruși* (2008), *Ruleta românească* (2010) etc., al mai multor volume de eseuri, cărți pentru copii, jurnale, dialoguri și interviuri, antologii, în special cele dedicate avangardei ruse (poezie, proză, teatru, manifeste). A tradus din mai mulți poeți ruși, printre care V. Hlebnikov, V. Maiakovski, M. Țvetaeva, E. Stepanov, L. Gazizova etc.

Textele autorului sunt selectate din volumul: Leo Butnaru. *Poeme din secolele XX-XXI*. Iași: Editura TipoMoldova, 2011. (Colecția „Opera omnia”. Poezie contemporană). – p. 150, 192-193, 338, 402, 512, 513, 528, 581-582.

Eugen LUNGU (n. 1949) – critic și istoric literar, eseist. Autorul volumelor de eseuri *Raftul cu himere* (2004), *Spații și oglinzi* (2009), *Panta lui Sisif* (2014), *Poetul care a îmbrățișat luna* (2014), *De ce spunem așa* (2014). Antologator și prefăcător al volumelor *Poeți de pe vremea lui Eminescu* (1991), *Portret de grup. O altă imagine a*

нее небо [*Cerul lăuntric*, 1998], *Запретные желанья* [*Doruri interzise*, 2004] и др., книга эссе *По следам Орфея* [*Pe urmele lui Orfeu*, 1983], *У свободы Божий лик* [*Libertatea are chipul lui Dumnezeu*, 1997], *Наша кровоточащая карта* [*Harta noastră care sângeră*, 1999], романа *Домашнее задание* [*Tema pentru acasă*, 2009].

Публикуемые тексты взяты из следующих источников: *BiblioPolis*, revistă de biblioteconomie și științe ale informării editată de Biblioteca Municipală „B.P. Hasdeu” din Chișinău, vol. 48 (2013), №3. – стр. 270; *BiblioPolis*, revistă de biblioteconomie și științe ale informării editată de Biblioteca Municipală „B.P. Hasdeu” din Chișinău, vol. 42 (2012), №1. – стр. 82-83

Еуджен ЧОКЛЯ (1948-2013) – поэт. Автор поэтических сборников *Общий знаменатель* [*Numitorul comun*, 1988], *Иные измерения* [*Alte dimensiuni*, 1991], *Уберите всё, чтобы я видел* [*Dați totul la o parte ca să văd*, 2001].

Публикуемый текст взят из посмертной авторской *Антологии* [Eugen Cioclea. *Antologie*. Ediție îngrijită de E. Galaicu-Păun. Chișinău: Cartier, 2014. (Colecția „Cartier popular”).] – стр. 103-104.

Лео БУТНАРУ (р. 1949) – поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Автор поэтических сборников *С субботы на воскресенье* [*Sâmbătă spre duminică*, 1983], *Золотой сокол* [*Șoimul de aur*, 1991], *Необходимая иллюзия* [*Iluzia necesară*, 1993], *Карантин письменной машинки* [*Carantina mașinii de scris*, 1997], *Плач Семирамиды* [*Lamentația Semiramidei*, 2000], *Крепость не готова к войне* [*Cetea nu e gata de război*, 2003], *Обкрадывающая Пикассо* [*Jefuindu-l pe Picasso*, 2011] и др., книг художественной прозы *Почему именно завтра-послезавтра* [*De ce tocmai mâine-poimâine*, 1990], *Ангел и швея* [*Îngerul și croitoreasa*, 1998], *Последнее странствие Улисса* [*Ultima călătorie a lui Ulysses*, 2006], *Детство у русских* [*Copil la ruși*, 2008], *Румынская рулетка* [*Ruleta românească*, 2010] и др., нескольких книг эссе, книг для детей, дневников, диалогов и интервью, антологий, в особенности посвященных русскому авангарду (поэзия, проза, театр, манифесты). Перевел на румынский язык многих русских поэтов, в том числе В. Хлебникова, В. Маяковского, М. Цветаеву, Е. Степанова, Л. Газизову и др.

Публикуемые тексты взяты из авторского сборника: *Стихи XX-XXI вв.* [Leo Butnaru. *Poeme din secolele XX-XXI*. Iași: Editura TipoMoldova, 2011. (Colecția „Opera omnia” – Poezie contemporană)]. – стр. 150, 192-193, 338, 402, 512, 513, 528, 581-582.

Еуджен ЛУНГУ (р. 1949) – литературный критик, историк литературы, эссеист. Автор сборников эссе *Полка с химерами* [*Raful cu himere*, 2004], *Пространства и зеркала* [*Spații și oglinzi*, 2009], *Сизифов склон* [*Panta lui Sisif*, 2014], *Поэт, обнявший луну* [*Poetul care a îmbrățișat luna*, 2014], *Почему мы так говорим* [*De ce spunem așa*, 2014]. Составитель и

poeziei basarabene (în colaborare, 1995), *Literatura din Basarabia din secolul XX. Eseuri, critică literară* (2004).

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume: Eugen Lungu. *Rafturi cu himere*. Chișinău: Știința, 2004. („Opera apertă”). – p. 102-106, 208-209; Eugen Lungu. *Spații și oglinzi*, Chișinău: Prut Internațional, 2009. – p. 257-260.

Arcadie SUCEVEANU (n. 1952) – poet și eseist, președintele Uniunii Scriitorilor din Moldova (din 2010). Autorul volumelor de poezie *Mă cheamă cuvintele* (1979), *Țărnul de echilibru* (1982), *Mesaje la sfârșit de mileniu* (1987), *Arhivele Golgotei* (1990), *Înfruntarea lui Heraclit* (1998), *Cavalerul Înzadar* (2001), *Ființe, umbre, epifanii* (2011) etc., al cărților de eseu *Emisferele de Magdeburg* (2005), *Frumusețea subversivă* (2012) și al mai multor cărți pentru copii.

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume: Arcadie Suceveanu. *Cavalerul Înzadar: parabole oculte*. Chișinău: Editura Cartea Moldovei, 2001. – p. 25, 88-89; Arcadie Suceveanu. *Frumusețea subversivă: Jurnal parizian. Eseuri și articole literare*. Chișinău: Lumina, 2012. – p. 14-15.

Alexe RĂU (1953-2015) – poet, eseist, filozof și bibliolog, director general al Bibliotecii Naționale a Republicii Moldova (1992-2015). Autorul volumelor de versuri *Spune ceva* (1993), *Nuca lui Nevermore* (1999), *Absența e mai mare ca prezența* (2006), *Podul Mirabeau* (2012) etc., al volumelor de eseuri *Există și un Dumnezeu al bibliologiei* (2000), *Ochiul din oglinda paginii* (2002), *Magister dixit* (2004), *Un fir de plumb atârnat de un lucru fragil și înaripat* (2007) etc.

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume: Alexe Rău. *Magister Dixit*. Chișinău: Museum, 2004. – p. 105-110; Alexe Rău. *Un fir de plumb atârnat de un lucru fragil și înaripat*. Chișinău: Museum, 2007. – p. 4, 87-93.

Mircea V. CIOBANU (n. 1956) – poet, dramaturg, critic literar, eseist, publicist. Autorul volumelor de poezie *Haydn între două*

автор предисловий к сборникам *Поэты поры Эминеску* [*Poeți de pe vremea lui Eminescu*, 1991], *Групповой портрет. Другой образ бессарабской поэзии* [*Portret de grup. O altă imagine a poeziei basarabene* (в соавторстве), 1995], *Литература Бессарабии XX века. Эссе, литературная критика* [*Literatura din Basarabia din secolul XX. Eseuri, critică literară*, 2004].

Публикуемые тексты взяты из следующих книг: *Полка с химерами* [Eugen Lungu. *Rafturi cu himere*. Chișinău: Știința, 2004. („Opera aperta”). – стр. 102-106, 208-209; *Пространства и зеркала* [Eugen Lungu. *Spații și oglinzi*. Chișinău: Prut Internațional, 2009]. – стр. 257-260.

Аркадие СУЧЕВЯНУ (р. 1952) – поэт и эссеист, председатель Союза Писателей Молдовы (с 2010). Автор поэтических сборников *Меня зовут слова* [*Mă cheată cuvintele*, 1979], *Побережье равновесия* [*Țărmul de echilibru*, 1982], *Послания конца тысячелетия* [*Mesaje la sfârșit de mileniu*, 1987], *Архивы Голгофы* [*Arhivele Golgotei*, 1990], *Вызов Гераклиту* [*Înfruntarea lui Heraclit*, 1998], *Рыцарь Напрасно* [*Cavalerul Înzadar*, 2001], *Существа, тени, элифантии* [*Ființe, umbre, efișanii*, 2011] и др., книг эссе *Полушария Магдебурга* [*Emisferele de Magdeburg*, 2005], *Губительная красота* [*Frumusețea subversivă*, 2012] и множества книг для детей.

Публикуемые тексты взяты из книг: *Рыцарь Напрасно: оккультные притчи* [Arcadie Suceveanu. *Cavalerul Înzadar: parabole oculte*. Chișinău: Editura Cartea Moldovei, 2001]. – стр. 25, 88-89; *Губительная красота: Парижский дневник. Литературные эссе и статьи* [Arcadie Suceveanu. *Frumusețea subversivă: Jurnal parizian. Eseuri și articole literare*. Chișinău: Lumina, 2012]. – стр. 14-15.

Алексе РЭУ (1953-2015) – поэт, эссеист, философ и библиолог, генеральный директор Национальной Библиотеки Молдовы (1992-2015). Автор стихотворных сборников *Скажи что-нибудь* [*Spune ceva*, 1993], *Орех Nevermore* [*Nuca lui Nevermore*, 1999], *Отсутствие больше присутствия* [*Absența e mai mare ca prezența*, 2006], *Мост Мирабо* [*Podul Mirabeau*, 2012] и др., сборников эссе *У библиологии тоже есть Бог* [*Există și un Dumnezeu al bibliologiei*, 2000], *Око из зеркала страницы* [*Ochiul din oglinda paginii*, 2002], *Magister dixit* [2004], *Свинцовая капля, повисшая на чем-то хрупком и воздушном* [*Un fir de plumb atârnat de un lucru fragil și înaripat*, 2007] и др.

Публикуемые тексты взяты из книг: *Magister Dixit* [Alexe Rău. *Magister Dixit*. Chișinău: Museum, 2004]. – стр. 105-110; *Свинцовая капля, повисшая на чем-то хрупком и воздушном* [Alexe Rău. *Un fir de plumb atârnat de un lucru fragil și înaripat*. Chișinău: Museum, 2007]. – стр. 4, 87-93.

Мирча В. ЧОБАНУ (р. 1956) – поэт, драматург, литературный критик, эссеист, публицист. Автор поэтических сборников *Гайдн между двух класонов* [*Haydn între două claxoane*, 1995], *перемасовка* [*resetare*, 2014],

claxoane (1995), *resetare* (2014), al cărților de dramaturgie *Stația terminus* (1998), *După-amiaza unui faun* (2013), al culegerilor de eseuri și critică literară *Plăcerea interpretării* (2008), *Deziluziile necesare* (2013), al circa 20 de manuale și lucrări didactice.

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume și surse: Mircea V. Ciobanu. *Plăcerea interpretării*. Chișinău: Prut Internațional, 2008. – p. 7-8, 8, 9-10; 25, 25-26, 26, 27, 27, 28, 30-31, 31, 31, 33, 35, 35; Mircea V. Ciobanu. *Cartea (p-book): instrucțiuni de utilizare*, în: *SUD-EST cultural*, nr. 3, 2009. – p. 48-51; <http://www.jc.md/ruperea-randurilor-biblioteca-incompleta>.

Teo CHIRIAC (n. 1956) – poet. Autorul volumelor de poezie *Lucrare de control* (1987), *Salonul 33* (1989), *Critica irațiunii pure* (1996), *Monstrul sacru (Scările lui Teo)* (2009), *Cer lângă cer* (2011).

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume: Teo Chiriac. *Lucrare de control: versuri*. Chișinău: Editura Literatura Artistică, 1987. – p. 67, 68, 69; Teo Chiriac. *Critica irațiunii pure: poeme*. București: Cartea Românească, 2006. – p. 71-76.

Vasile GÂRNEȚ (n. 1958) – poet, prozator, publicist, directorul revistei *Contrafort*. Autorul romanului *Martorul* (1988), al volumelor de poezie *Peisaje bolnave* (1990), *Personaj în grădina uitată* (1992), *Câmpia Borges* (2002), al volumului de eseuri *Intelectualul ca diversiune* (2005), al jurnalului de călătorie *Literatur Express. Europa de la fereastra vagonului. Jurnal pe două voci* (împreună cu Vitalie Ciobanu, 2007), al culegerii de interviuri *Interviu la Contrafort* (2010).

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume și surse: Vasile Gârneț. *Câmpia Borges*. București: Vinea, 2002. (Colecția „KOH-I-NOOR”). – p. 16, 17; Vasile Gârneț. *Intelectualul ca diversiune. Fragmente tragicomice de inadecvare la realitate*. Iași: Polirom, 2005. (Colecția „Ego.Publicistică”). – p. 226-229; <http://www.ziarulnational.md/vasile-garnet-lauda-cartii-lauda-lecturii>.

Grigore CHIPER (n. 1959) – poet, prozator, critic literar, traducător. Autorul volumelor de poezie *Abia tangibilul* (1990), *Aici, în falset* (1991), *Perioada albastră* (1996), *Cehov, am cerut obosit* (2001), *Turnul de fildeș înclinat* (2005), *Roman-simulacru* (2010) și

драматических сборников *Конечная остановка* [Stația terminus, 1998], *Фавн после полудня* [Dură-amiaza unui faun, 2013], сборников эссе и литературно-критических статей *Удовольствие от интерпретации* [Plăcerea interpretării, 2008], *Необходимые разочарования* [Deziluziile necesare, 2013], и около 20 учебников и дидактических работ.

Публикуемые тексты взяты из следующих книг и источников: *Удовольствие от интерпретации* [Mircea V. Ciobanu. Plăcerea interpretării. Chișinău: Prut Internațional, 2008]. – стр. 7-8, 8, 9-10; 25, 25-26, 26, 27, 27, 28, 30-31, 31, 31, 33, 35, 35; *SUD-EST cultural*, №3, 2009. – стр. 48-51; <http://www.jc.md/ruperea-randurilor-biblioteca-incompleta>.

Тео КИРИАК (р. 1956) – поэт. Автор поэтических сборников *Контрольная работа* [Lucrare de control, 1987], *Палата 33* [Salonul 33, 1989], *Критика чистого безумия* [Critica irațiunii pure, 1996], *Священный монстр (Лестницы Тео)* [Monstrul sacru (Scările lui Teo), 2009], *Небо к небу* [Cer lângă cer, 2011].

Публикуемые тексты взяты из книг: *Контрольная работа* [Teo Chiriac. Lucrare de control: versuri. Chișinău: Literatura artistică, 1987]. – стр. 67, 68, 69; *Критика чистого безумия: стихи* [Teo Chiriac. Critica irațiunii pure: poeme. București: Cartea Românească, 2006]. – стр. 71-76.

Василе ГЫРНЕЦ (р. 1958) – поэт, прозаик, публицист, директор газеты *Contrafort*. Автор романа *Свидетель* [Martorul, 1988], поэтических сборников *Больные пейзажи* [Peisaje bolnave, 1990], *Персонаж в забытом саду* [Personaj în grădina uitată, 1992], *Лужайка Борхес* [Câmpia Borges, 2002], сборника эссе *Интеллектуал как диверсия* [Intelectualul ca diversiune, 2005], путевых заметок *Literatur Express. Европа из окна вагона. Дневник на два голоса* [Literatur Express. Europa de la fereastra vagonului. Jurnal pe două voci (вместе с Виталие Чобану), 2007], сборника интервью *Интервью для Contrafort* [Interviu la Contrafort, 2010].

Публикуемые тексты взяты из следующих книг и источников: *Лужайка Борхес* [Vasile Gârneț. Câmpia Borges. București: Vinea, 2002 (Colecția „KOH-I-NOOR”). – стр. 16, 17; *Интеллектуал как диверсия. Трагикомические фрагменты о неадекватности реальности* [Vasile Gârneț. Intelectualul ca diversiune. Fragmente tragicomice de incadecvare la realitate. Iași: Polirom, 2005. (Colecția „Ego.Publicistică”). – стр. 226-229; <http://www.ziarulnational.md/vasile-garnet-lauda-cartii-lauda-lecturii>.

Григоре КИПЕР (р. 1959) – поэт, прозаик, литературный критик, переводчик. Автор поэтических сборников *Едва касаясь* [Abia tangibilul, 1990], *Здесь, в фальцете* [Aici, în falset, 1991], *Голубой период* [Perioada albastră, 1996], *Чехов, попросил я устало* [Cehov, am cerut obosit, 2001], *Наклонная башина из слоновой кости* [Turnul de fildeș înclinat, 2005], *Роман-си-*

de proză scurtă *Violoncelul și alte voci* (2000), *Nisipul de sub picioare* (2015).

Textele autorului sunt selectate din antologia de poezie: Grigore Chiper. *Cărări înapoi*. Iași: TipoMoldova, 2013. (Colecția OPERA OMNIA. Poezie contemporană). – p. 18, 23, 24, 48, 77, 144.

Maria ȘLEAHTIȚCHI (n. 1960) – poetă, critic și istoric literar. Autoarea volumelor de poezie *o săptămână de poeme nescrise* (1998), *Oleandrii mă strigă roz* (2010), a cărților de eseu și critică literară *Jocurile alterității* (2002), *Cerc deschis. Literatura română din Basarabia în postcomunism* (2007), *Romanul generației '80 (Construcție și reprezentare): eseu* (2014) ș.a.

Textele autoarei sunt selectate din antologia de poezie: Maria Șlehtiți. *Acum*. Iași: TipoMoldova, 2013. (Colecția OPERA OMNIA. Poezie contemporană). – p. 50-51, 54-55, 56.

Nicolae SPĂȚARU (n. 1961) – poet, publicist. Autorul volumelor *Întoarcerea zeilor* (1992), *Ion și alte revoluții* (1996), *Noaptea când soclurile își recrutează noile glorii* (1998), *Tristețea recită din Rilke* (2000), *Mici insomnii pentru Europa* (2013), al volumului de publicistică *Revolta clonelor* (2013) și al mai multor cărți pentru copii.

Textele autorului sunt selectate din antologia de poezie: Nicolae Spățaru. *Citirea zidului*. Iași: TipoMoldova, 2013. (Colecția OPERA OMNIA. Poezie contemporană). – p. 94-97.

Vitalie CIOBANU (n. 1964) – prozator, eseist, critic literar, publicist. Autorul romanului *Schimbare la strajă* (1991), al jurnalului de călătorie *Literatur Express. Europa de la fereastra vagonului. Jurnal pe două voci* (împreună cu Vasile Gârneț, 2007), al volumului de eseuri politice *Anatomia unui faliment geopolitic: Republica Moldova* (2005), al cărților de articole, eseistică și critică literară *Valsul pe eșafod. 30 de pretexte literare și un Jurnal la Praga* (2001), *Frica de diferență* (1999), *Scribul în grădina fermecată: Jurnal de lectură* (2014).

мулякр [*Roman-simulacru*, 2010] и сборников малой прозы *Виолончель и другие голоса* [*Violoncelul și alte voci*, 2000], *Песок под ногами* [*Nisipul de sub picioare*, 2015].

Публикуемые тексты взяты из авторской антологии *Тропы, ведущие обратно* [Grigore Chiper. *Cărări înapoi*. Iași: TipoMoldova, 2013. (Colecția OPERA OMNIA. Poezie contemporană)]. – стр. 18, 23, 24, 48, 77, 144.

Мария ШЛЯХТИЦКИ (р. 1960) – поэтесса, литературный критик и историк литературы. Автор поэтических сборников *неделя неписанных стихов* [*o săptămână de poete nescrise*, 1998], *Олеандры зовут меня розовым цветом* [*Oleandrii mă strigă roz*, 2010], книга эссе и литературно-критических работ *Игры инакости* [*Jocurile alterității*, 2002], *Открытый круг. Румынская литература Бессарабии в эпоху посткоммунизма* [*Cerc deschis. Literatura română din Basarabia în postcomunism*, 2007], *Роман поколения 80-х (Конструкция и представление): эссе* [*Romanul generației '80 (Construcție și reprezentare): eseu*, 2014] и др.

Публикуемые тексты взяты из авторской антологии *Теперь* [Maria Șleahițchi. *Acum*. Iași: TipoMoldova, 2013. (Colecția OPERA OMNIA. Poezie contemporană)]. – стр. 50-51, 54-55, 56.

Николае СПЭТАРУ (р. 1961) – поэт, публицист. Автор поэтических сборников *Возвращение богов* [*Întorcerea zeilor*, 1992], *Ион и другие революции* [*Ion și alte revoluții*, 1996], *Ночь, когда пьедесталы призывают новые лавры* [*Noaptea când soclurile își recrutează noile glorii*, 1998], *Печаль читает из Рильке* [*Tristețea recită din Rilke*, 2000], *Маленькие бессонницы для Европы* [*Mici insomnii pentru Europa*, 2013], сборника публицистических статей *Восстание клонов* [*Revolta clonelor*, 2013] и книг для детей.

Публикуемые тексты взяты из авторской антологии *Чтение стены* [Nicolae Spătaru. *Citirea zidului*. Iași: TipoMoldova, 2013. (Colecția OPERA OMNIA. Poezie contemporană)]. – стр. 94-97.

Виталие ЧОБАНУ (р. 1964) – прозаик, эссеист, литературный критик, публицист. Автор романа *Смена караула* [*Schimbare la strajă*, 1991], путевых заметок *Literatur Express. Европа из окна вагона. Дневник на два голоса* [*Literatur Express. Europa de la fereastra vagonului. Jurnal pe două voci* (вместе с Василе Гырнецом), 2007], сборника политических эссе *Анатомия упадка геополитического банкротства: Республика Молдова* [*Anatomia unui faliment geopolitic: Republica Moldova*, 2005], книга эссе и литературно-критических статей *Вальс на эшафоте. 30 литературных поводов и Пражский дневник* [*Valsul pe eșafod. 30 de pretexte literare și un Jurnal la Praga*, 2001], *Боязнь различия* [*Frica de diferență*, 1999], *Писец в заколдованном саду: Читательский дневник* [*Scribul în grădina fermecată: Jurnal de lectură*, 2014].

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume și surse: Vitalie Ciobanu. *Valsul pe Eșafod*. Chișinău: Cartier, 2001. (Colecția „Rotonda”, seria „Linia întâi”). – p. 11-12, 208-209; *Clipa*, nr. 6, 2010. – p. 34.

Emilian GALAICU-PĂUN (n. 1964) – poet, prozator, eseist, traducător. Autorul volumelor de poezie *Abece-Dor* (1989), *Levitații deasupra hăului* (1991), *Cel bătut îl duce pe Cel nebătut* (1994), *Yin Time* (1999), *Gestuar* (2002), *Arme grăitoare* (2009), *a-z.best* (2012), al micro-romanului *Gesturi. Trilogia nimicului* (1996) și al romanului *Țesut viu. 10x10* (2011, 2014).

Textele autorului sunt selectate din următoarele volume și surse: Emilian Galaicu-Păun. *Poezia de după poezie (ultimul deceniu)*. Chișinău: Cartier, 1999. – p. 273-274, 277-278; *Clipa*, nr. 3, 2010. – p. 47; *Clipa*, nr. 5, 2010. – p. 48; Emilian Galaicu-Păun. *Yin Time (Neantologie)*. Chișinău: Litera Internațional, 2004. (Biblioteca Școlarăului). – p. 148; Emilian Galaicu-Păun. *Țesut viu. 10x10*. Chișinău: Cartier, 2011. – p. 78-79.

Gheorghe ERIZANU (n. 1967) – eseist, blogger, directorul editurii *Cartier*. Autorul volumului de reportaje *Carte orange* (1995), al însemnărilor de blog *Miercuri când era joi* (2012), al prezentărilor de carte *Ce spun cărțile – Bookiseli* (2012) și *Ce spun cărțile – Alte bookiseli* (2014).

Textele autorului sunt selectate din volumul: Gheorghe Erizanu. *Miercuri când era joi*. Chișinău: Arc, 2012. – p. 16, 17-18, 21, 33-35, 40-41, 48, 54, 99-100, 113-114, 123-124, 154-155.

Dumitru CRUDU (n. 1968) – poet, prozator, dramaturg, publicist. Autorul volumelor de versuri *Falsul Dimitrie* (1994), *E închis, vă rugăm nu insistați* (1994), *Șase cânturi pentru cei care vor să închirieze apartamente* (1996), *Pooooooooate* (2004), *Eșarfe în cer* (2012), al romanelor *Măcel în Georgia* (2008), *Un american la Chișinău* (2013), al volumului de proză scurtă *Oameni din Chișinău* (2011), al cărților de dramaturgie *Crima sângeroasă din stațiunea Violeta* (2001), *Salvați Bostonul* (2001), *Oameni ai nimănu* (2007).

Textele autorului sunt selectate din volumul: Dumitru Crudu. *Jurnalul bibliotecarului*. Chișinău: Grafema Libris, 2013. – p. 17-20, 36, 37-38, 44, 51, 53-54, 66, 71, 73, 74, 75.

Vasile ERNU (n. 1971) – eseist, publicist, editor. Autorul volumelor *Născut în URSS* (2006), *Ultimii eretici ai Imperiului* (2009), *Sunt un om de stînga* (2013), al cărții de interviuri *Inteligența rusă de azi* (2012).

Textul autorului este selectat din următoarea sursă: <http://erizanu.cartier.md/manifestul-carii-1128.html>

Mihail VAKULOVSKI (n. 1972) – poet, prozator, dramaturg, critic literar, traducător, fondator al revistei web *Tiuk! k-avem kef*. Autorul volumelor de poezie *Nemuritor în păpușoi* (1997), *Tatuaje* (2003), *odada* (2009), *Piatra lui Sisif sub limba lui Demostene* (2005), *Autobiografie* (2009), *Riduri* (2013), ș.a., al volumelor de interviuri *Zece basarabeni pentru cultura română. Interviuri cu tinerii dintre milenii* (2011), *Portret de grup cu generația „optzeci” (Interviuri)* (2011), al romanului *Bibliotecă (istorie)* (2012). A tradus în limba română opera mai multor autori ruși: V. Vișoțki, B. Ocuđjava, D. Harms, Victor Erofeev, V. Sorokin, Venedikt Erofeev ș.a.

Textul autorului este selectat din volumul: Mihail Vakulovski. *Bibliotecă (istorie)*. București: Casa de Pariuri Literare, 2012. – p. 11-14, 86, 241-242.

Alexandru VAKULOVSKI (n. 1978) – romancier, poet, publicist, traducător. Autorul romanelor *Pizdeț* (2002), *Letopizdeț. Cactuși albi pentru iubita mea* (2004), *Bong* (2007), *157 de trepte spre iad sau Salvați-mă la Roșia Montană* (2010), al câtorva volume de poezie și teatru.

Textele autorului sunt selectate din următorul volum: Alexandru Vakulovski. *Dați foc la cărți*. București: Tracus Arte, 2012. – p. 9, 36, 47, 67, 69, 71, 79.

Maria PILCHIN (n. 1982) – poetă și critic literar. Autoarea volumului de poezie *Poeme pentru Ivan Gogh* (2015) și a cărților de

Публикуемые тексты взяты из книги: *Дневник библиотекаря* [Dumitru Crudu. *Jurnalul bibliotecarului*. Chişinău: Grafema Libris, 2013]. – стр. 17-20, 36, 37-38, 44, 51, 53-54, 66, 71, 73, 74, 75.

Василе ЕРНУ (р. 1971) – эссеист, публицист, издатель. Автор книг *Рожденный в СССР* [*Născut în URSS*, 2006], *Последние еретики Империи* [*Ultimii eretici ai Imperiului*, 2009], *Я левых взглядов* [*Sunt un om de stînga*, 2013], сборника интервью *Русская интеллигенция сегодня* [*Intelighenția rusă de azi*, 2012].

Публикуемый текст взят из следующего источника: <http://erizanu.cartier.md/manifestul-carii-1128.html>

Михаил ВАКУЛОВСКИЙ (р. 1972) – поэт, прозаик, драматург, литературный критик, переводчик, основатель интернет-журнала *Tiuk! k-avem kef*. Автор поэтических сборников *Бессмертный в кукурузе* [*Nemuritor în răpărușoi*, 1997], *Тату* [*Tatuaje*, 2003], *одادا* [2009], *Камень Сизифа под языком Демосфена* [*Piatra lui Sisif sub limba lui Demostene*, 2005], *Автобиография* [*Autobiografie*, 2009], *Морщины* [*Riduri*, 2013], и др., сборников интервью *Десять бессарабцев для румынской культуры. Интервью с молодыми на стыке тысячелетий* [*Zece basarabeni pentru cultura română. Interviuuri cu tinerii dintre milenii*, 2011], *Групповой портрет с поколением 80-х (Интервью)* [*Portret de grup cu generația „optzeci” (Interviuri)*, 2011], романа *Библидиотека (история)* [*Bibliiblioteca (istorie)*, 2012]. Перевел на румынский язык многих русских поэтов и писателей, в том числе В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Д. Хармса, Виктора Ерофеева, В. Сорокина, Венедикта Ерофеева и др.

Публикуемый текст взят из книги: *Библидиотека (история)* [Mihail Vakulovski. *Bibliiblioteca (istorie)*. Bucureşti: Casa de Pariuri Literare, 2012]. – стр. 11-14, 86, 241-242.

Александру ВАКУЛОВСКИЙ (р. 1978) – романист, поэт, публицист, переводчик. Автор романов *Пиздец* [*Pizdeț*, 2002], *Летописец. Белые кактусы для моей любимой* [*Letopizdeț. Cactuși albi pentru iubita mea*, 2004], *Bong* [2007], *157 ступеней в ад или Спасите меня в Рошиа Монтана* [*157 de trepte spre iad sau Salvați-mă la Roșia Montană*, 2010], сборников стихов и драматических текстов.

Публикуемые тексты взяты из книги: *Бросайте книги в огонь* [Alexandru Vakulovski. *Dați foc la cărți*. București: Tracus Arte, 2012]. – стр. 9, 36, 47, 67, 69, 71, 79.

Мария ПИЛКИН (р. 1982) – поэт, литературный критик. Автор поэтического сборника *Стихи для Иван Гога* [*Poeme pentru Ivan Gogh*, 2015], книг эссе и литературно-критических статей *Критические пороги* [*Praguri*

eseistică și critică literară *Praguri critice* (2013) și *De mână cu Marele Joker* (2013).

Primele trei texte ale autoarei din această antologie sunt inedite, iar altele sunt selectate din volumul: Maria Pilchin. *Poeme pentru Ivan Gogh*. Pitești: Editura Paralela 45, 2015. – p. 12, 50, 58, 71, 73.

Alexandru COSMESCU (n. 1985) – poet, filozof, cercetător, blogger. Autorul volumului de poeme *Un spațiu blând, care mă primește cum m-ar îmbrățișa* (2013).

Textele autorului sunt selectate din următoarele surse: <http://www.jc.md/philo-carti-ferestra-si-carti-oglanda>; <http://www.jc.md/philo-influente>; <http://www.jc.md/philo-kindle>; <http://www.jc.md/philo-moduri-ale-lecturii>; <http://www.jc.md/philo-lectura-de-dragul-celuilalt>.

Hose Pablo (pseudonimul lui **Victor NEAGA**) (n. 1986) – poet, jurnalist, blogger. Autorul volumelor de poezie *Căpșune în inima mea: Volum funerar pentru generația 2000* (2007), *Google translate: Ștefan Vodă* (2012).

Textele autorului sunt selectate din volumul: Hose Pablo. *Căpșune în inima mea: Volum funerar pentru generația 2000*. Chișinău: Bons Offices SRL, 2007. – p. 48; și din pagina Facebook a autorului.

Vitalie RĂILEANU (n. 1959) – critic literar și poet. Autorul volumelor de critică literară *Chei pentru labirint* (2009), *Ludic și / sau ironic în poezia contemporană: puncte de vedere* (2010), *...totul la prezent* (2010), *Cerc în labirint (idei și tendințe literare)* (2011), *Exodul din labirint* (2013), al cărților de interviuri și exegeze literare, al volumului de versuri *Imun la naupatie* (2014).

Textul autorului este selectat din volumul: Vitalie Răileanu. *Exodul din Labirint*. Editura TipoMoldova, 2013. (Colecția „Opera omnia”). – p. 141-144.

critice, 2013] и *За руку с Великим Джокером* [*De mână cu Marele Joker*, 2013].

Первые три текста публикуются впервые, остальные взяты из книги: *Стихи для Иван Гога* [Maria Pilchin. *Poeme pentru Ivan Gogh*. Pitești: Editura Paralela 45, 2015]. – стр. 12, 50, 58, 71, 73.

Александру КОСМЕСКУ (р. 1985) – поэт, философ, исследователь, блогер. Автор поэтического сборника *Ласковое пространство, которое меня принимает будто в свои объятия* [*Un spațiu blând, care mă primește cum m-ar îmbrățișa*, 2013].

Публикуемые тексты взяты из следующих источников: <http://www.jc.md/philo-carti-fereastra-si-carti-oglanda>; <http://www.jc.md/philo-influente>; <http://www.jc.md/philo-kindle>; <http://www.jc.md/philo-moduri-ale-lecturii>; <http://www.jc.md/philo-lectura-de-dragul-celuilalt>.

Хосе Пабло (псевдоним **Виктора НЯГИ**) (р. 1986) – поэт, журналист, блогер. Автор поэтических сборников *Клубника в моем сердце: Похоронный сборник для поколения 2000* [*Căpșune în inima mea: Volum funerar pentru generația 2000*, 2007], *Google translate: Стефан Воевода* [*Google translate: Ștefan Vodă*, 2012].

Публикуемые тексты взяты из книги: *Клубника в моем сердце: Похоронный сборник для поколения 2000* [Hose Pablo. *Căpșune în inima mea: Volum funerar pentru generația 2000*. Chișinău: Bons Offices SRL, 2007]. – стр. 48; и со страницы автора в Facebook.

Виталие РЭЙЛЯНУ (р. 1959) – литературный критик, поэт. Автор сборников литературно-критических статей *Ключи от лабиринта* [*Chei pentru labirint*, 2009], *Игра и / или ирония в современной поэзии: точки зрения* [*Ludic și / sau ironic în poezia contemporană: puncte de vedere*, 2010], ... *все в настоящем времени* [...*totul la prezent*, 2010], *Круг в лабиринте (литературные идеи и тенденции)* [*Cerc în labirint (idei și tendințe literare)*, 2011], *Исход из лабиринта* [*Exodul din labirint*, 2013], книг литературных интервью и обзоров, сборника стихов *Я не боюсь морской болезни* [*Imun la naupatie*, 2014].

Публикуемый текст взят из книги: *Исход из лабиринта* [Vitalie Răileanu. *Exodul din Labirint*. Editura TipoMoldova, 2013. (Colecția „Opera omnia”).] – стр. 141-144.

Tipografia „FOXTROT”. Tiraj: 100 ex.